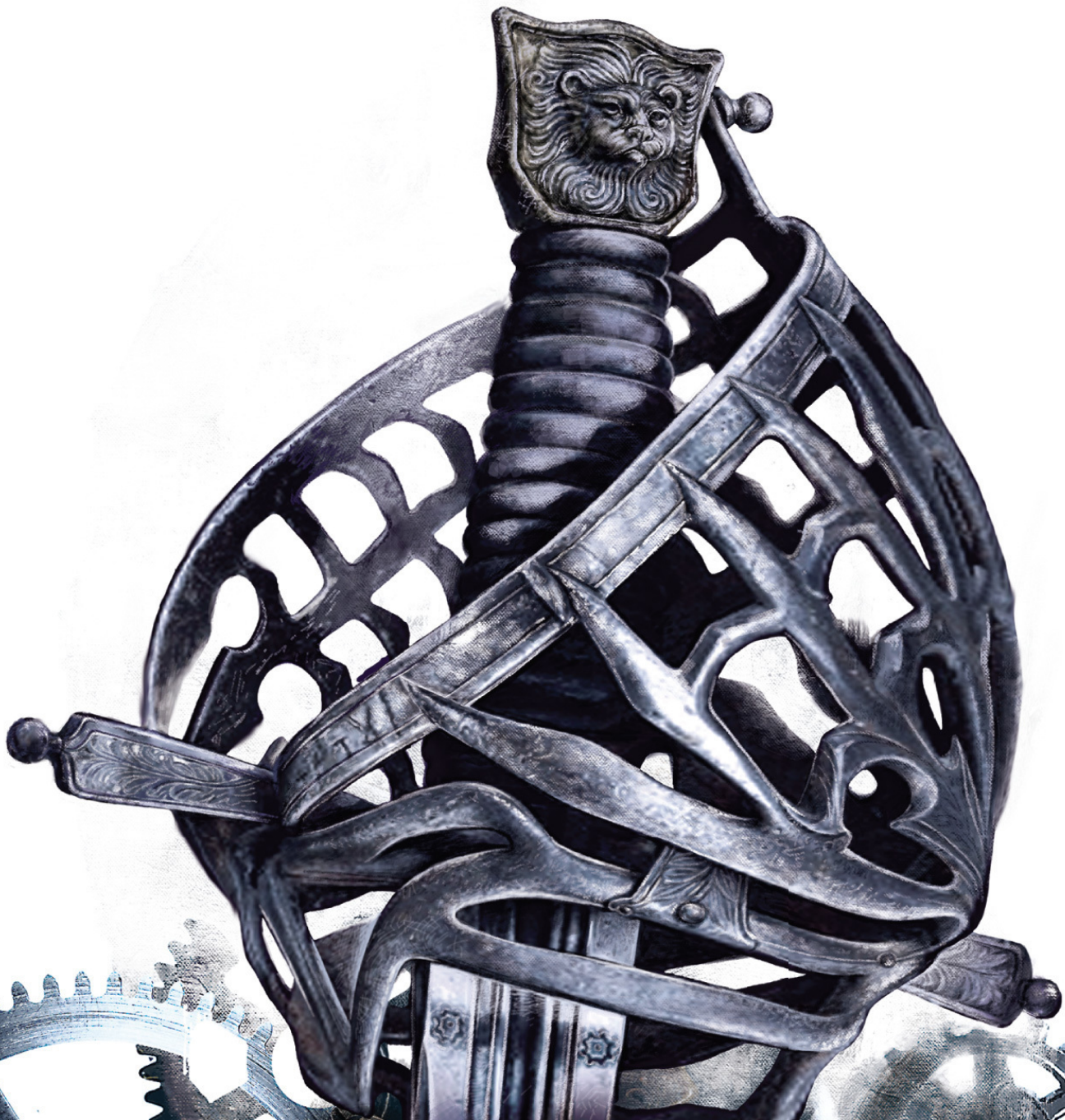

The Age of Madness

ДЖО АБЕРКРОМБИ

ПРОБЛЕМА С МИРОМ

ХУДОЙ МИР ХУЖЕ ДОБРОЙ ВОЙНЫ

fan2on

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Джо Абберкромби
Проблема с миром

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Аберкромби Д.

Проблема с миром / Д. Аберкромби — «Эксмо»,
2020 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-111746-7

Заговор. Предательство. Восстание. Мир — это просто другой вид поля боя... Савин Дан Глокта, некогда самый влиятельный инвестор Адуи, утрачивает ясность мысли, состояние и репутацию. Но у нее по-прежнему остаются амбиции, и никому не позволено стоять на ее пути. Для таких героев, как Лео Дан Брок и Стур Сумрак, которые счастливы только с обнаженными мечами, мир — это испытание, которое должно закончиться как можно скорее. Но прежде нужно выпестовать обиды, собрать силы и союзников... А тем временем Рикке должна овладеть силой Долгого Взгляда, прежде чем та убьет ее. Волнения проникают в каждый слой общества. Ломатели все еще рыщут в тени, замышляя освободить простого человека от его оков, в то время как дворяне борются за свои привилегии. Орсо изо всех сил пытается найти безопасный путь через лабиринт ножей, которым оказывается политика. А его враги и долги только множатся. Старые пути отброшены, и старые лидеры вместе с ними, но те, кто возьмет бразды правления, вскоре убедятся, что ни союзы, ни дружба, ни мир не длятся вечно.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111746-7

© Аберкромби Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть IV	8
Неправды мира	8
Далеко от Адуи	15
Море забот	19
Привычные действия	24
Искусство компромиссов	30
Некоторые раны не заживают	39
Лететь по ветру	45
Видения	51
Народный любимец	55
В надежных руках	59
Засада	66
Мягкий характер	73
Министр Шепотов	81
Поздно	88
Бесконечное изобилие	94
Демон, рвущий все цепи	99
Королевское правосудие	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Джо Аберкромби

Проблема с миром

Посвящается Лу – с беспощадными, суровыми обьятиями

ЦИКЛ «ЗЕМНОЙ КРУГ»

Первый Закон:

Кровь и железо

Прежде чем их повесят

Последний довод королей

--

Лучше подавать холодным

Герои

Красная страна

Острые края

Эпоха Безумия:

Немного ненависти

Проблема с миром

Мудрость толпы

Часть IV

«В мирное время человек, склонный к войне, нападает на самого себя».

Фридрих Ницше¹

Неправды мира

– Надеюсь, никто не будет возражать, если мы пока обойдемся без этой штуки? – Орсо швырнул корону на стол. Золотой ободок закрутился вокруг своей оси, поблескивая в пыльном луче весеннего солнца. – Сволочь, всю кожу содрала.

Он потрогал натертые венцом места над висками. Можно было бы сделать из этого метафору – бремя власти, тяжесть короны... Но члены его Закрытого совета, без сомнения, уже слышали все это прежде.

Не успел он сесть, как они начали выдвигать кресла для себя – морщась, кряхтя, бурча себе под нос. Старые спины сгибались, старые зады умащивались на твердых деревянных сиденьях, старые колени подсовывались под столешницы, заваленные кренящимися горами бумаг.

– Где генеральный инспектор? – спросил кто-то, кивая в сторону пустого кресла.

– Вышел. Вы же знаете, у него мочевого пузырь...

Раздался хор сочувственных стонов.

– Человек может выиграть тысячи сражений. – Лорд-маршал Бринт глядел вдаль, словно перед ним была неприятельская армия, крутя женское колечко, которое носил на мизинце. – Но в конечном счете оказывается, что никто не может победить собственный мочевого пузырь.

Будучи самым молодым в этой комнате – лет на тридцать моложе всех остальных, – Орсо менее всего на свете интересовался своим мочевым пузырем.

– Прежде чем мы начнем, хотелось бы прояснить один момент, – сказал он.

Все устремили взгляды в его направлении. Не считая Байяза, сидевшего в дальнем конце стола. Легендарный маг продолжал смотреть в окно, где в дворцовом саду уже начинали распускаться почки.

– Я намерен устроить большое турне по всему Союзу. – Орсо приложил все усилия, чтобы это прозвучало авторитетно. По-королевски. – Посетить все провинции. Все крупные города. Когда в последний раз правящий монарх наносил визит в Старикланд? Мой отец там вообще бывал?

Архилектор Глокта скривился – еще больше, чем обычно.

– Старикланд не был сочтен достаточно безопасным, ваше величество.

– Старикланд всегда славился своей склонностью к беспорядкам. – Лорд-канцлер Городец рассеянно поглаживал свою длинную бороду, собирая ее в пучок, распуская и снова разглаживая. – А сейчас их еще больше, чем прежде.

– Но я должен поддерживать связь с моим народом! – Орсо стукнул ладонью по столу, чтобы подчеркнуть сказанное. Немного *чувства*, вот чего им здесь не хватало. Все в Белом Кабинете было холодным, сухим, бескровным, расчетливым. – Показать людям, что мы все заняты одним большим делом. Что мы одна семья! Наша страна недаром называется Союзом – мы должны быть заодно, черт подери!

¹ Ф. Ницше, «По ту сторону добра и зла» (1886), § 76. – Прим. пер.

Орсо не хотел становиться королем. Сейчас он получал от своего положения еще меньше удовольствия, чем когда был кронпринцем, если это вообще возможно. Однако, раз уж он все-таки сделался королем, он был решительно настроен использовать это звание во благо.

Лорд-камергер Хофф вяло похлопал ладонью по столу, изображая аплодисменты.

– *Превосходная* идея, ваше величество!

– Превосходная. Идея, – отозвался эхом верховный судья Брюкель, чья манера разговора вызывала ассоциации с дятлом, да и нос вполне соответствовал.

– Благороднейшие побуждения, и изящно выраженные, – согласился Городец. Впрочем, его одобрение так и не отразилось в его глазах.

Кто-то из стариков копался в бумагах, еще один хмурился, глядя на вино в своем бокале, словно там плавало что-то дохлое. Городец продолжал гладить свою бороду, но теперь у него было такое лицо, как будто он хлебнул мочи.

– Но?

Орсо уже знал, что в Закрытом совете всегда имеется по меньшей мере одно «но».

– Но... – Хофф взглянул на Байяза, который едва заметным кивком позволил ему продолжать, – ...может быть, будет лучше подождать более *благоприятного* момента. Когда положение будет более *устойчивым*. Ведь и здесь есть множество дел, которые требуют внимания вашего величества!

– Множество. Дел, – подтвердил верховный судья.

Вздых Орсо больше походил на рычание. Его отец всегда презирал Белый Кабинет с его жесткими, бездушными креслами. Презирал жестких, бездушных людей, которые на них сидели. Он не раз предупреждал Орсо, что в Закрытом совете еще не было сделано ничего хорошего. Но если не здесь, то где? Эта тесная, лишенная воздуха, лишенная индивидуальности комната была тем местом, где пребывала власть.

– Не хотите ли вы сказать, что правительственный механизм без меня застопорится? – спросил он. – Мне кажется, вы несколько переслащиваете пилюлю.

– Некоторые вопросы должен решать только монарх, и люди должны *видеть*, что он их решает, – сказал Глокта. – В Вальбеке ломателям был нанесен сокрушающий удар.

– Трудная задача, с которой ваше величество превосходно справились, – пробубнил Хофф, едва не пуская слюни в приливе льстивого восторга.

– Однако эта зараза пока еще далеко не искоренена. И те из них, кому удалось сбежать, стали... еще более радикальными в своих взглядах.

– Сеют раздор среди рабочих. – Верховный судья Брюкель резко встряхнул костистой головой. – Стачки. Забастовки. Нападения на персонал. Вред имуществу.

– Да еще эти чертовы *памфлеты*! – добавил Бринт.

Со всех сторон раздались стоны.

– Чертовы. Памфлеты.

– Я всегда считал, что образование простолюдинам ни к чему, а теперь могу добавить, что оно попросту *опасно*!

– Этот треклятый Ткач умеет так обращаться со словами...

– Не говоря уже о непристойных гравюрах.

– Они склоняют народ к неповиновению!

– К нелояльности!

– Эти их разговоры о грядущей *Великой перемене*...

По левой стороне изможденного лица Глокты снизу вверх пробежала волна подергиваний.

– Они обвиняют Открытый совет! – (И публикуют карикатуры, где его члены представлены в виде свиней, дерущихся возле корыта.) – Они обвиняют Закрытый совет! – (И публикуют карикатуры, на которых его члены трахают друг друга.) – Они обвиняют его величество! –

(И публикуют карикатуры, на которых он трахает все, что попадет под руку.) – Они обвиняют банки!

– Они распространяют нелепые слухи о том, что государство... погрязло в долгах... перед банкирским домом «Валинт и Балк»...

Городец замылся, не договорив. Комната погрузилась в нервное молчание. Наконец Байяз оторвал взгляд своих жестких зеленых глаз от окна и устремил его вдоль стола:

– Этот поток дезинформации должен быть пресечен.

– Мы уничтожили дюжину печатных станков, – проскрипел Глокта, – но они строят новые, и с каждым разом все меньших размеров. Теперь любой глупец может не только писать, но и *печататься*, и выражать свое *мнение*.

– Прогресс! – посетовал Брюкель, возведя взгляд к потолку.

– Эти ломатели – как чертовы кроты у меня в саду, – проворчал лорд-маршал Рукстед, кресло которого стояло слегка наискосок, создавая впечатление беспечной отваги. – Убьешь пятерых, нальешь бокальчик, чтобы отпраздновать, а утром глядь – снова весь газон в чертовых дырах!

– Даже от моего мочевого пузыря меньше беспокойства, – добавил Бринт, вызвав смешки у всех присутствующих.

Глокта с негромким чмоканьем пососал пустые десны:

– И потом, есть еще сжигатели...

– Безумцы! – рявкнул Хофф. – Одна эта женщина, Судья, чего стоит!

Лица вокруг стола скривились от отвращения – трудно сказать, то ли в принципе из-за упоминания такой твари, как женщина, то ли при мысли об этом конкретном экземпляре.

– Я слышал, на Колонской дороге нашли убитого фабриканта. – Городец с особой яростью дернул себя за бороду. – С памфлетом, прибитым к его лицу *гвоздями*!

Рукстед положил на стол большие кулаки:

– А тот бедолага, которого задушили, запихнув ему в глотку тысячу листов с правилами, которые он распространял среди своих работников...

– Еще немного, и можно будет подумать, что наши действия только ухудшили положение, – заметил Орсо. В памяти всплыл образ Малмера. Как болтались его ноги, свисая из покачивающейся на ветру клетки. – Возможно, мы могли бы сделать какой-нибудь жест доброй воли. Определить минимальный размер заработной платы? Улучшить рабочие условия? Я слышал, что недавний пожар на одной из фабрик унес жизни пятнадцати малолетних рабочих...

– Было бы глупостью, – произнес Байяз, уже вновь переключивший внимание на сад за окном, – препятствовать свободному развитию рынка.

– Рынок служит интересам всех и каждого! – поддакнул лорд-канцлер.

– Неслыханное. Процветание, – согласился верховный судья.

– Малолетние рабочие, без сомнения, приняли бы его с восторгом, – заметил Орсо.

– Без сомнения, – подтвердил лорд Хофф.

– Если бы не сгорели вместе с фабрикой.

– От лестницы нет проку, если у нее ступеньки только наверху, – сказал Байяз.

Орсо открыл было рот, чтобы возмутиться, но верховный консул Матстрингер влез первым:

– К тому же нам неизменно противостоит целый спектр зарубежных противников. – (Координатор внешней политики Союза вечно путал цветистость слога с глубиной мысли.) – Может быть, гурки и погрязли во всеобъемлющих затруднениях внутри своей страны...

Байяз отметил эту мысль удовлетворенным хмыканьем.

– ...но имперцы не прекращают бряцать мечами у наших западных границ, подстрекая население Старикланда к новым актам неповиновения, в то время как на востоке вновь набирают смелости стирйцы...

– Они строят собственный *флот*! – Ради этой ремарки лорд-адмирал даже проснулся, приподняв тяжелые веки. – Новые корабли. Вооруженные пушками. В то время как наши суда *гниют* у причалов из-за недостатка инвестиций!

На этот раз хмыканье Байяза имело хорошо знакомый недовольный оттенок.

– Причем они действуют исподтишка, – продолжал Матстрингер, – сея раздоры в Вестпорте, подговаривая старейшин поднять мятеж. Что говорить, им уже удалось подстроить голодание по вопросу возможного выхода города из состава Союза! Оно состоится через месяц!

Собравшиеся старики принялись соревноваться в проявлениях патриотического негодования – зрелище, породившее у Орсо желание выйти из состава Союза самому.

– Измена. Бунт, – пророкотал верховный судья.

– Чертовы стирийцы! – взвился Рукстед. – Это они любят, действовать в тени!

– Мы это тоже умеем, – проговорил Глокта негромко, но таким тоном, что волосы на коже Орсо зашевелились под богато расшитым мундиром. – В эту самую минуту мои лучшие люди прилагают все усилия, чтобы обеспечить лояльность Вестпорта.

– Ну, по крайней мере, наша северная граница в безопасности, – заметил Орсо, отчаянно пытаясь внести в дискуссию хоть немного оптимизма.

– Хм-м... – Чопорно поджатые губы верховного консула возвестили крушение его надежд. – Наша политика на Севере всегда больше напоминала кипящий котел. Ищейка обременен годами. Немошен. В случае его смерти никто не может предугадать судьбы Протектората. Лорд-губернатор Брок, по всей видимости, выковал прочные узы дружбы с новым королем Севера, Стуром Сумраком...

– Уж в этом-то не может быть ничего плохого, – предположил Орсо.

Над столом скрестились взгляды, исполненные сомнения.

– Если только эти узы не окажутся... *чересчур* прочными, – промурлыкал Глокта.

– Молодой лорд-губернатор очень популярен, – согласился Городец.

– Чертовски. Популярен, – продолбил верховный судья.

– Симпатичный парень, – сказал Бринт. – И уже заслужил репутацию храброго воина.

– За ним Инглия. И Стур в качестве союзника. Он может оказаться угрозой.

Рукстед высоко задрал свои кустистые брови:

– Не будем забывать, его дед был презренным изменником, черт бы его драл!

– Я не позволю осуждать человека за действия его деда! – отрезал Орсо, чьи собственные деды имели весьма сомнительную репутацию, и это еще мягко сказано. – Лео дан Брок рисковал жизнью, сражаясь за меня в поединке!

– Работа вашего Закрытого совета, – возразил Глокта, – состоит в том, чтобы предупредить угрозы вашему величеству до того, как они станут угрозами.

– Потому что потом может оказаться слишком поздно, – вставил Байяз.

– Население... обескуражено смертью вашего отца, – сказал Городец. – Он умер таким молодым... Так неожиданно...

– Очень молодым. Очень неожиданно.

– В то время как сами вы, ваше величество, человек...

– Ничтожный? – предположил Орсо.

– Недостаточно опытный, – ответил Городец с терпеливой улыбкой. – В такие времена, как сейчас, люди более всего желают стабильности.

– В самом деле. Без сомнения, было бы более чем уместно, если бы ваше величество... – лорд Хофф прокашлялся, – ...жениться?

Орсо прикрыл глаза, прижав веки большим и указательным пальцами.

– Может, не стоит снова об этом?

Женитьба была вопросом, который он меньше всего хотел обсуждать. Записка Савин все еще лежала в ящике его прикроватного столика. Каждый вечер он по-прежнему всматривался в одну-единственную жестокую строчку – так люди отковыривают засохшую корку с раны.

«Я должна ответить отказом. Прошу тебя больше не пытаться со мной связаться. Никогда».

Хофф снова откашлялся:

– Новый король неизбежно оказывается в несколько неустойчивом положении...

– А король, не имеющий потомства, – вдвойне, – добавил Глокта.

– Отсутствие явной линии наследования вызывает беспокоящее впечатление непостоянства, – изрек Матстрингер.

– Возможно, я мог бы с помощью ее величества, вашей матери, подготовить список подходящих дам, в нашей стране и за границей? – Хофф откашлялся в третий раз. – В смысле... *еще один* список?

– Сколько вам будет угодно, – прорычал Орсо, выговаривая каждое слово с ядовитой отчетливостью.

– И вот еще вопрос, – сказал верховный судья. – Федор дан Веттерлант.

Болезненная гримаса, не сходящая с лица Глокты, стала еще мучительней.

– Я надеялся, что мы сможем разобраться с этим делом, не беспокоя его величество.

– Вы уже побеспокоили, – отрезал Орсо. – Федор дан Веттерлант... кажется, я как-то раз играл с ним в карты?

– Он жил в Адуе до того, как унаследовал семейное имение. Его репутация здесь была...

– Немногим лучше моей?

Теперь Орсо его вспомнил. Мягкое лицо, но жесткий взгляд. Слишком много улыбок. Совсем как у лорда Хоффа – который как раз предъявлял ему особенно вкрадчивый образчик.

– Я собирался сказать «отвратительной», ваше величество... Он обвиняется в серьезных преступлениях.

– Этот человек изнасиловал прачку, – пояснил Глокта, – при содействии смотрителя своего имения. Когда муж женщины потребовал правосудия, Веттерлант убил его. Вновь при содействии смотрителя. В таверне, в присутствии семнадцати свидетелей.

Лишенный эмоций, скребущий голос архилектора только усиливал вздымающееся в груди Орсо отвращение.

– После чего потребовал выпить. Думаю, налил ему все тот же смотритель.

– Кровь и ад! – пробормотал Орсо.

Матстрингер вставил:

– По крайней мере, таковы *обвинения*.

– Даже сам Веттерлант не берется их опровергнуть, – возразил Глокта.

– Чего не скажешь о его матери, – вставил Городец.

Со всех сторон раздались стоны:

– Леди Веттерлант! Клянусь Судьбами, это чума, а не женщина!

– Ужасная. Карга.

– Что ж, я не большой любитель повешений, – сказал Орсо, – но мне доводилось видеть, как людей вешали за гораздо меньшие проступки.

– Со смотрителем уже покончено, – сказал Глокта.

– Жаль, – хмыкнул Бринт с тяжеловесным сарказмом, – судя по всему, он был настоящий милашка.

– Но Веттерлант попросил королевского суда, – сообщил Брюкель.

– Точнее, этого потребовала его мать!

– И поскольку он имеет место в Открытом совете...

– С которым его задница до сих пор не знакома...

– ...то имеет право быть судимым перед другими заседателями, а судьей должны быть вы, ваше величество. Мы не можем отказать ему в этом праве.

– Но мы можем отложить слушание, – добавил Глокта. – Открытый совет, может быть, мало что делает, но его бездеятельность направляет судьбы мира.

– Отсрочить. Оттянуть. Приостановить. Я могу удерживать его. Формальностями и процедурами. Пока он не умрет в темнице. – Верховный судья улыбнулся, словно это было бы идеальным решением.

– Мы попросту откажем ему в слушании?!

К такой возможности Орсо испытывал не меньшее отвращение, чем к самому преступлению.

– Разумеется, нет! – ответил Брюкель.

– Нет-нет, – подхватил Городец. – Мы не собираемся ни в чем ему отказывать...

– Мы всего лишь не собираемся ему ничего давать, – закончил Глокта.

Рукстед кивнул:

– Мы не можем позволить треклятому Федору дан Веттерланту или его чертовой мамаше держать нож у горла целой страны только потому, что он не умеет себя сдерживать!

– Мог бы, по крайней мере, выждать момента, когда рядом не будет семнадцати свидетелей, – добавил Городец, вызвав сдержанный смех у остальных.

– То есть мы наказываем не за изнасилование или убийство, а за то, что он позволил себя поймать? – уточнил Орсо.

Хофф посмотрел на других советников, словно ища возражений:

– Н-ну...

– Почему бы мне просто не выслушать его апелляцию, не рассудить дело так, как оно заслуживает, и не вынести решение по своему разумению?

Лицо Глокты искривилось еще больше, чем прежде.

– Ваше величество, если вы возьметесь судить это дело, люди воспримут это как поддержку той или иной стороны. – Старики закивали, закряхтели, уныло заерзали в своих неудобных креслах. – Объявите Веттерланта невиновным, и в этом увидят кумовство и покровительство, что усилит позиции всевозможных изменников вроде ломателей, которые воспользуются этим случаем, чтобы обратить против вас простонародье.

– Однако если вы решите, что Веттерлант виновен... – Городец угрюмо подергал себя за бороду, и остальные старики поддержали его беспокойным ворчанием. – Знать сочтет это публичным оскорблением, атакой на свои позиции, предательством! Это даст козырь в руки вашим противникам в Открытом совете, и это в тот самый момент, когда мы пытаемся обеспечить вам беспрепятственную передачу власти!

– Порой мне кажется, – резко произнес Орсо, потирая намятые короной места над висками, – что последствия любого решения, которое я приму в этом кабинете, неизбежно окажутся одинаково плохими, так что наилучшим выходом для меня будет вообще не принимать решений!

Хофф снова обвел взглядом стол:

– Н-ну...

– Для короля, – изрек Первый из магов, – предпочтительнее держаться в стороне от любых сторон.

И все закивали, словно удостоились услышать глубочайшую мудрость всех времен. Удивительно, что они не встали и не устроили мудрецу овацию. У Орсо не оставалось никаких сомнений относительно того, по какую сторону стола располагается действительная власть в Белом Кабинете. Он вспомнил выражение, которое появлялось на лице его отца каждый раз, когда Байяз открывал рот. Этот *страх*...

Орсо сделал последнюю попытку хоть как-то выгрести в сторону того, что считал правильным:

– Но должна же быть справедливость! Разве не так? Люди должны видеть, что справедливость торжествует. Разумеется! Иначе что же... какое же это тогда получится правосудие?

Верховный судья Брюкель оскалился, словно испытывал физическую боль:

– Ваше величество. На таком уровне. Подобные концепции становятся... подвижными. Правосудие не может быть жестким. Не железо, а скорее... *желе*. Оно должно формироваться. Согласно более высоким соображениям.

– Но конечно же, именно на таком уровне – на *высочайшем* уровне! – правосудие и должно быть тверже всего! Оно должно предоставлять людям нравственную опору! Не может же все диктоваться одной... целесообразностью?

Потерявший терпение Хофф посмотрел в дальний конец стола:

– Лорд Байяз, возможно, вы могли бы...

С усталым вздохом Первый из магов наклонился вперед, сцепив пальцы и впери в Орсо взгляд из-под тяжелых век. Это был вздох пожилого школьного учителя, которому предстоит в очередной раз объяснять прописные истины очередному поколению тупиц.

– Ваше величество, мы здесь вовсе не для того, чтобы исправлять неправды мира.

Орсо уставился на него:

– Разве нет? Тогда для чего же?

– Чтобы обеспечить себе пользу от них, – бесстрастно ответил Байяз.

Далеко от Адуи

Наставник Лорсен опустил письмо и, хмурясь, взглянул на Вик поверх оправы своих глазных стекол. Он выглядел как человек, который давно не улыбался. Возможно, вообще никогда.

– Его преосвященство архилектор дает вам блестящую характеристику. Он уверяет, что вы были весьма эффективны при подавлении Вальбекского мятежа. По его мнению, мне может потребоваться ваша *помощь*.

Лорсен обратил хмурый взгляд на Огарка, неловко переминавшегося в углу, словно сама идея того, что тот может оказаться в чем-то полезен, была оскорблением для здравого смысла. Вик и сама до сих пор не понимала, зачем притащила паренька с собой. Возможно, просто потому, что больше у нее никого не было.

– Не то чтобы *потребоваться*, наставник, – поправила она, помня о том, что ни один медведь, барсук или оса не охраняют свою территорию столь ревностно, как наставник инквизиции. – Однако... я думаю, вы имеете представление, какой будет нанесен урон – в финансовом, политическом, дипломатическом отношении, – если Вестпорт проголосует за выход из Союза.

– Имею, – сухо отозвался Лорсен. (Сам он, будучи наставником Вестпорта, остался бы в таком случае без работы.)

– Именно поэтому его преосвященство подумал, что, возможно, моя помощь вам *может пригодиться*.

Лорсен положил письмо на стол, подвинул его, чтобы оно лежало ровнее, и встал.

– Простите мне мои сомнения, инквизитор, но произвести хирургическую операцию на политике одного из крупнейших городов мира – не совсем то же самое, что прихлопнуть какой-то бунт.

Он открыл дверь, ведущую на галерею.

– Угрозы должны быть страшнее, а взятки больше, – отозвалась Вик, следуя за ним и слыша сзади шарканье Огарка, – но в остальном, как мне кажется, сходство имеется.

– В таком случае позвольте представить вам здешних непокорных рабочих: старейшины Вестпорта!

И Лорсен, ступив на балюстраду, повел рукой, указывая вниз.

Перед ними лежал огромный Зал Ассамблеи с мозаичным полом из полудрагоценных камней, выложенных геометрическими узорами, на котором главные люди города обсуждали важнейший вопрос о выходе из Союза. Кто-то из старейшин стоял, потрясая кулаками или листками бумаги, другие сидели, угрюмо наблюдая за происходящим или держась за голову. Некоторые перекрикивали друг друга по меньшей мере на пяти языках – звонкое эхо не позволяло различить, кто именно говорил и тем более *что* он говорил. Еще кто-то тихо переговаривался с коллегами, кто-то зевал, чесался, потягивался, сидел, уставясь перед собой. Группа из пяти или шести человек пристроилась в укромном уголке за чаем. Здесь были люди всех ростов, всех типов, всех цветов кожи и всех народностей – поперечный срез всего безумного разнообразия населения города, который называли Перекрестком Мира, втиснутого на узкую полосу пересохшей земли между Стирией и Югом, Союзом и Тысячей островов.

– На настоящий момент здесь находится двести тринадцать человек, и каждый имеет *право голоса*, – Лорсен произнес это слово с очевидным отвращением. – Жители Вестпорта знамениты на весь мир своим умением спорить, а это место, где их самые упрямые спорщики оттачивают свое мастерство на самых упрямых фактах.

Наставник взглянул в огромный циферблат на дальней стороне галереи:

– Сегодня они занимаются этим делом уже семь часов.

Вик вполне могла в это поверить: воздух в огромном зале был спертым от их впустую потраченного дыхания. Видят Судьбы, в Вестпорте для нее даже весной было немного слишком жарко, но ей рассказывали, что летом, после особенно напряженных заседаний, под куполом зала иногда шел дождь – нечто наподобие мелких брызг, сконденсировавшихся из их выпретенных тирад и сеющихся обратно на разгоряченных старейшин.

– Кажется, каждый здесь крепко держится за свою точку зрения.

– Хотел бы я, чтобы они держались покрепче, – отозвался Лорсен. – Тридцать лет назад, после того как мы побили гурков, не насчиталось бы и пяти голосов за то, чтобы выйти из состава Союза. Однако в последнее время стирийская фракция значительно усилила свои позиции. Войны, долги, восстание в Вальбеке, смерть короля Джебзая... Его сына, скажем так, пока что не воспринимают достаточно *серьезно* на международной арене. Одним словом...

– Наш престиж в ночном горшке, – подытожила Вик за него.

– Мы присоединились к Союзу из-за его военной мощи! – загремел в зале поистине могучий голос, наконец перекрыв общий гомон. Говорящий был коренастым, темнокожим человеком с бритой головой и неожиданно мягкими движениями. – Потому что империя гурков угрожала нам с юга, и нам были необходимы сильные союзники, чтобы их припугнуть. Но членство в Союзе стоило нам слишком дорого! Потрачены миллионы скелов из наших сокровищниц, и цена все возрастает!

До галереи из зала докатилась волна одобрительного ропота.

– Кто это такой голосистый? – спросила Вик.

– Солумео Шудра, – кисло ответил Лорсен. – Лидер простирийской фракции и главная заноза в моем заду. Наполовину сипаниец, наполовину кадири... достойный символ для этого культурного винегрета.

Разумеется, Вик все это знала. Она всегда старалась собрать как можно больше информации, прежде чем приступить к новому заданию. Однако вместе с тем она предпочитала по возможности держать свои знания при себе, позволяя собеседнику считать себя великим знатоком вопроса.

– С тех пор как мы вступили в Союз, прошло сорок лет, и за это время мир изменился до неузнаваемости! – продолжал греметь Шудра. – Гуркхульская империя разрушена, в то время как Стирия превратилась из лоскутного одеяла враждующих городов-государств в единую сильную нацию под властью одного сильного правителя. Она нанесла Союзу поражение не в одной! не в двух! – в *трех* войнах! Войнах, развязанных ради утоления тщеславия и амбиций королевы Терезы! Войнах, в которые мы были втянуты, заплатив щедрую дань нашим серебром и нашей кровью!

– Он хорошо говорит, – тихо заметил Огарок.

– Очень хорошо, – отозвалась Вик. – Еще немного, и мне самой захочется присоединиться к Стирии.

– Могущество Союза убывает! – провозгласил Шудра. – В то время как Стирия является нашим естественным союзником. Великая герцогиня Монцкарро Меркатто протягивает нам руку дружбы. Мы должны принять ее, пока еще не поздно! Друзья! Я призываю вас всех проголосовать вместе со мной за выход из Союза!

Свистки и шиканье были громкими, но одобрительные возгласы звучали еще громче. Лорсен с отвращением тряхнул головой:

– Если бы это была Адуя, мы бы просто вошли туда, стащили его со скамьи, выбили из него признание и отправили в Инглию со следующим же кораблем.

– Но мы далеко от Адуи, – пробормотала Вик.

– Обе стороны боятся, что открытая демонстрация силы может обратить общественное мнение против них, но с приближением дня голосования все будет меняться. Позиции обеих сторон становятся жестче, места посередине остается все меньше. Шайло Витари, Министр

Шепотов при Меркатто, развязала полномасштабную кампанию – подкупы и угрозы, шантаж и принуждение. С крыш разбрасывают отпечатанные листовки, на стенах пишут лозунги быстрее, чем мы успеваем их соскребать.

– Мне говорили, что Казамир дан Шенкт здесь, в Вестпорте, – сказала Вик. – Что Меркатто заплатила ему сто тысяч скелов за то, чтобы он склонил чашу весов на ее сторону. Любыми способами.

– Да, мне тоже... говорили.

У Вик сложилось ощущение, что Лорсену говорили об этом так же, как и ей – испуганным шепотком, с большим количеством зловещих деталей. Ходили слухи, что умения Шенкта заходят дальше возможностей обычных смертных и близки к магии. Что он чародей, навлекший на себя проклятие тем, что поедал человеческую плоть. Здесь, в Вестпорте, где по всему городу ежечасно раздавались призывы к молитве и на каждом углу слышались речи грошовых пророков, от подобных идей было несколько сложнее отмахнуться.

– Вы позволите мне одолжить вам нескольких практиков? – Лорсен бросил взгляд на Огарка. Откровенно говоря, было не похоже, что парень смог бы выстоять даже против сильного ветра, не говоря уже о маге-людоеде. – Если самый знаменитый убийца Стирии в самом деле вышел на охоту, у вас должна быть хорошая защита.

– При виде вооруженного эскорта у людей может сложиться неправильное впечатление. – (К тому же, если в слухах есть хоть доля истины, от охраны все равно не будет большого толку.) – Меня прислали сюда убеждать, а не запугивать.

– Вот как? – Кажется, Лорсен ей не поверил.

– По крайней мере, так это должно выглядеть.

– Мало что может выглядеть хуже, чем безвременная смерть представительницы его преосвященства.

– Я пока не спешу в могилу, можете мне поверить.

– Немногие спешат. Однако могила глотает всех, независимо от ожиданий.

– Скажите лучше, наставник, каковы ваши планы?

Лорсен выпустил тяжелый, усталый вздох.

– У меня забот полон рот – я должен защищать наших старейшин. Голосование состоится через девятнадцать дней, и мы не можем себе позволить потерять даже один-единственный голос.

– В таком случае было бы не лишним избавиться от нескольких голосов противника.

– Только при условии, что это будет сделано деликатно. Если у них начнут умирать избиратели, это лишь ожесточит людей против нас. Здесь все находится в тонком равновесии.

Лорсен стиснул кулаки, опершись ими на перила. Внизу Солумео Шудра уже вновь грохотал, восхваляя преимущества, ожидающие Вестпорт в дружеских объятиях Стирии.

– Этот Шудра умеет убеждать. Его здесь любят. Предупреждаю вас, инквизитор: не пытайтесь его убрать.

– При всем уважении, архилектор прислал меня сюда делать то, чего не можете вы. И он единственный, кто отдает мне приказания.

Лорсен обдал ее долгим холодным взглядом. Вероятно, у людей, привыкших к теплому климату Вестпорта, от этого взгляда стыла кровь в жилах, но Вик довелось работать зимой в полузатопленных английских рудниках. На свете оставалось немного вещей, которые могли заставить ее поежиться.

– В таком случае я *прошу* вас, – сказал Лорсен, тщательно выговаривая слова. – Не пытайтесь его убрать.

В зале внизу Шудра закончил последнее громогласное излияние, вызвав шквал аплодисментов у собравшихся вокруг и шквал не менее бурных протестов со стороны противника. Вздыхались кулаки, летели брошенные бумаги, звучали оскорбления... Еще девятнадцать дней

этого цирка, на протяжении которых Шайло Витари будет прикладывать все усилия, чтобы повлиять на результат. Кто знает, чем все это обернется?

– Его преосвященство поставил мне задачу: предотвратить выход Вестпорта из состава Союза. – Вик, с Огарком по пятам, направилась к двери. – Чего бы это ни стоило.

Море забот

– Добро пожаловать! Добро пожаловать на пятнадцатое полугодовое заседание Солярного общества Адуи!

Карнсбик, блистательный в своем вышитом серебряными листьями жилете, воздел мясистые ладони, призывая к тишине, хотя аплодисменты и без того были жидковаты. А ведь когда-то здание театра содрогалось от оваций. Савин хорошо это помнила.

– С искренней благодарностью к нашим высокопоставленным покровительницам – леди Арди и ее дочери леди Савин дан Глокта!

Карнсбик, привычно поклонившись, повел ладонью в сторону ложи, где сидела Савин, но на этот раз хлопки были еще менее восторженными. Кажется, она даже услышала снизу предательские перешептывания?

«Она уже не та, что прежде, знаете ли... Бледная тень того, что было...»

– Неблагодарные ублюдки, – прошипела она сквозь застывшую на лице улыбку. Неужели всего лишь несколько месяцев назад они пачкали подштанники при одном упоминании ее имени?

– Сказать, что этот год был трудным... – Карнсбик нахмурился, вглядываясь в свои записи, словно там было нечто, что весьма его печалило, – ...значит, ничего не сказать обо всех проблемах, с которыми мы столкнулись.

– Вот тут ты чертовски прав, – пробормотала Савин, прикрываясь веером, чтобы взять понюшку жемчужной пыли.

Просто чтобы хоть ненадолго вылезти из болота. Добавить капельку ветра в свои паруса.

– Война на Севере! Постоянные столкновения со Стирией. И смерть его августейшего величества короля Джезала Первого... А ведь он был так молод! Слишком молод! – Голос Карнсбика слегка сорвался. – Великая семья нашей нации потеряла своего великого отца!

Савин вздрогнула при звуке этого слова. Она и сама была вынуждена легонько прикоснуться кончиком мизинца к уголку глаза – хотя, без сомнения, плакать она могла лишь о собственных проблемах, а совсем не об отце, которого почти не знала и к которому, несомненно, не питала уважения. В конечном счете все мы плачем лишь о самих себе.

– И затем эти ужасные события в Вальбеке!

По театру прокатилась волна сочувственного ропота, рябь покачиваемых голов.

– Погибшие капиталовложения... Потерянные коллеги... Фабрики, которые повергали в изумление весь мир, лежат в руинах! – Карнсбик нанес удар по своему пюпитру. – Однако уже сейчас новая промышленность восстает из пепла! На развалинах бывших трущоб возникают современные дома! Строятся новые фабрики, еще больше прежних, с более эффективными механизмами, более дисциплинированными рабочими!

Савин постаралась изгнать из памяти образ детей, работавших на ее фабрике в Вальбеке до того, как она была разрушена. Двухъярусные койки, втиснутые между станками. Удушающая жара. Оглушительный грохот. Всепроникающая пыль... Зато какая потрясающая дисциплина, какая ужасная эффективность!

– Люди лишились уверенности в завтрашнем дне, – продолжал сокрушаться Карнсбик. – На рынках царит паника. Но именно из хаоса могут возникнуть новые возможности!

Он нанес пюпитру еще один удар.

– И они *обязательно* возникнут, эти возможности! Его августейшее величество король Орсо ведет нас в новую эру! Прогресс не может остановиться! Мы *не позволим* ему остановиться! Ради всеобщего благополучия мы, наше Солярное общество, будем неустанно бороться, чтобы вытащить Союз из гробницы невежества к залитым солнцем вершинам просвещения!

На этот раз аплодисменты были громкими и продолжительными. Несколько человек из публики даже поднялись с мест.

– Слушайте! Слушайте! – проблеял кто-то.

– Прогресс! – выкрикнул другой.

– Не хуже любой вдохновенной проповеди в Великом храме Шаффы, – пробормотала Зури.

– Если бы я его не знала, я бы сказала, что Карнсбик и сам принял что-нибудь подбадривающее, – заметила Савин.

И, вновь нырнув под прикрытие веера, она взяла еще одну понюшку. Всего лишь одну, чтобы подготовиться к грядущему сражению.

В фойе, под огромными канделябрами, уже кипела битва. Впрочем, нынешние бойцы были не столь многочисленны, как на предыдущих заседаниях. Менее жизнерадостны. Более озлоблены. Псы были более голодными и грызлись из-за менее аппетитных объедков.

Давка напомнила ей толпу в Вальбеке, собиравшуюся, когда ломатели приносили в труппы еду. Эти люди были одеты в шелка, а не в тряпье, от них пахло духами, а не застарелым потом, они трепетали перед угрозой разорения, а не физической расправы, но толкотня и голодный блеск в глазах были практически теми же самыми. Было время, когда Савин чувствовала себя посреди этой кипящей деятельности так же комфортно, как пчелиная матка в собственном улье. Теперь же все ее тело было покрыто холодными мурашками паники. Она с трудом подавила побуждение растолкать людей локтями и, визжа, ринуться к двери.

«Спокойно! – приказала она себе, пытаясь расслабить плечи, чтобы ее руки перестали дрожать, но тут же потеряв терпение и вновь сжимая все мышцы. – Спокойно, спокойно, *спокойно!*»

Она выдавила на лицо улыбку, щелчком распахнула веер и заставила себя шагнуть в гущу толпы, с верной Зури, следующей по пятам. В ее сторону начали обращаться взгляды. Выражения лиц были более жесткими, чем когда-то: оценка на месте бывшего восхищения, насмешка вместо зависти. Прежде они бы сгрудились вокруг нее, словно свиньи на ферме вокруг общей кормушки. Сейчас самые лакомые кусочки водились в другом месте. Савин едва смогла разглядеть Селесту дан Хайген сквозь рой соперников, жаждавших ее внимания. Ей удалось увидеть лишь проблеск этого кричащего рыжего парика, услышать лишь обрывок этого кошмарного, наглого, деланого смеха, который другие дамы уже начинали копировать.

– Клянусь Судьбами, как же я презираю эту женщину, – пробормотала Савин.

– Для нее это наивысший комплимент с вашей стороны, – отозвалась Зури, бросив на хозяйку предупреждающий взгляд от своей записной книжки. – Невозможно презирать что-либо, не признав тем самым его важность.

Как всегда, она была права. Селесту ждал успех за успехом с тех пор, как она поддержала проект Каспара дан Арингорма – проект, который Савин так подчеркнуто отвергла. Ее собственные интересы в английских рудниках сильно пострадали после того, как Арингорм принялся устанавливать по всей провинции свои новые насосы.

И это была далеко не единственная из ее последних инвестиционных неудач. Прежде она умела заставить дело процветать, просто раздав несколько улыбок. Теперь же каждое яблоко, от которого она пыталась откусить, оказывалось гнилым. Нет, конечно же, одиночество ей пока не грозило – но теперь ее веер все чаще использовался, чтобы призывать к себе поклонников, нежели чтобы отгонять их.

Она была вынуждена поддерживать беседу со старым Рикартом дан Шляйхольтом, которому взбрела в голову безумная идея добывать энергию, перегородив реку Белую плотиной. С одного взгляда можно было понять, что он принадлежит к числу пожизненных неудачников; плечи его пиджака обильно усеивала перхоть. Однако было жизненно важно, чтобы люди видели, что Савин занята делом. Предоставив ему трепать языком, она принялась просеивать

поток разговоров вокруг себя, ища благоприятные возможности, как старатель в Дальних Территориях, просеивающий ледяные ручьи в поисках золота.

– ...столовые приборы, посуда, ткани, часы. У людей есть деньги, и они хотят приобретать вещи...

– ...слышал, что «Валинт и Балк» потребовали у него погашения всех займов. Утром богач, вечером бедняк. Полезный урок для всех нас...

– ...недвижимость в Вальбеке. Вы не поверите, какую цену мне дали за некоторые свободные участки. Ну, я так говорю, «свободные», поскольку эту голытьбу можно без труда выселить...

– ...никто не может знать, каким путем пойдет Закрытый совет в вопросе о налогах. В наших финансах зияет огромная дыра. Вся государственная казна – одна сплошная дыра...

– ...сказал им, что, если они не будут работать как следует, я приведу на их место толпу коричневых ублюдков, более сговорчивых. Так что они быстренько вернулись к своим машинам...

– ...дворяне в ярости, простолюдины в ярости, купцы в ярости, моя жена пока еще не в ярости, но для нее это вопрос времени...

– ...Так что, как видите, леди Савин, – бубнил Шляйсхольт, подходя к заключительному аккорду, – пока мощь реки Белой не укрощена, она тратится впустую, она подобна необъезженному жеребцу, который...

– Если позволите! – вмешался Карнсбик, беря Савин под локоть и проворно отводя в сторону.

– Ее можно укротить, леди Савин! – крикнул ей вслед Шляйсхольт. – Я готов обсудить это с вами в любое удобное для вас время!

И он зашелся кашлем, постепенно растворившемся в общем гуле.

– Благодарение Судьбам, что вы подросли, – вполголоса сказала Савин. – Я уж думала, что никогда не отделаюсь от этого старого болвана!

Карнсбик, глядя в сторону, многозначительно прикоснулся к своему носу:

– У вас здесь что-то...

– Проклятье!

Прикрывшись веером, она вытерла остатки порошка с краешка воспаленной ноздри. Когда она вновь подняла голову, то обнаружила, что Карнсбик обеспокоенно разглядывает ее из-под своих седых бровей, в которых до сих пор попадались упрямые рыжие волосинки.

– Савин, я числю вас среди моих лучших друзей...

– Очень мило с вашей стороны.

– Я знаю, что у вас золотое сердце...

– В таком случае вы знаете меня лучше, чем я сама!

– ...и с величайшим уважением отношусь к вашей интуиции, вашей воле, вашей смекалке...

– Не требуется большой смекалки, чтобы понять, что за этим всем стоит большое «но».

– Я беспокоюсь за вас. – Карнсбик понизил голос. – До меня доходят *слухи*, Савин. Я начинаю сомневаться в вашем... э-э... одним словом, в вашем *здравомыслии*.

Ее кожа под платьем покрылась неприятными пупырышками.

– В моем здравомыслии? – шепотом переспросила она, принуждая свою улыбку открыть еще пару зубов.

– Это предприятие в Колоне, которое недавно обанкротилось, – я ведь вас предупреждал, что оно нежизнеспособно! Сосуды такого размера...

– Вы, должно быть, в восторге от того, что оказались правы.

– Что? Нет! Я далек от восторгов, уверяю вас... А Дивизия кронпринца? Вы, наверное, угробили тысячи на ее финансирование! – (В действительности сумма исчислялась скорее

миллионами). – И этот канал, спроектированный Кортон; говорят, что проблемы с рабочими тормозят строительство. – (Вернее было бы сказать, что оно в них полностью увязло.) – К тому же ни для кого не секрет, что вы много потеряли в Вальбеке...

– Вы не имеете *представления*, мать вашу, как много я потеряла в Вальбеке!

Карнсбик испуганно отступил на шаг назад, и она внезапно осознала, что сжимает сложенный веер в стиснутом кулаке, которым потрясает перед лицом своего собеседника.

– Вы... не имеете представления... – слабо повторила она.

К своему потрясению, Савин обнаружила набухший в носоглотке болезненный комочек подступающих слез. Ей пришлось снова распахнуть веер, чтобы под его прикрытием аккуратно промокнуть ресницы, стараясь не размазать краску. Какое уж тут здравомыслие, скоро она собственным глазам не сможет довериться!

Однако, вновь подняв взгляд, она обнаружила, что Карнсбик даже не смотрит на нее. Через переполненное людьми фойе он глядел в направлении двери.

Возбужденный гомон постепенно смолк, толпа разделилась, и в ее середину вошел молодой человек, сопровождаемый обширной свитой телохранителей, офицеров, сопровождающих лиц и просто прихлебателей. Его соломенного цвета волосы были тщательно уложены так, чтобы создать впечатление, будто их не укладывали вовсе, белый мундир топорщился тяжелыми медалями.

– Будь я проклят, – прошептал Карнсбик, вцепившись в локоть Савин. – Это же король!

Как бы ни критиковали его величество – а критиковали его еще больше, чем прежде, в особенности в регулярно появляющихся памфлетах, смакующих всевозможные вульгарные подробности, – никто не мог отрицать, что король Орсо выглядел как подобает королю. Он напомнил Савин своего отца... а точнее, *их* отца, подумала она, ощутив мерзкий толчок отворачивания. Он смеялся, хлопал людей по плечам, пожимал руки, обменивался шутками – такой же маяк, излучающий слегка рассеянное благодушие, каким некогда был король Джебаль.

– Ваше величество, – залепетал Карнсбик, – Солярное общество *озарено* вашим присутствием! Боюсь, нам пришлось начать выступления без вас...

– Ничего страшного, мастер Карнсбик. – Орсо потрепал его по плечу, словно старого друга. – Очень сомневаюсь, что я смог бы оказать вам большую помощь с техническими деталями!

Великий машинист издал абсолютно механический смешок.

– Наверняка вы уже знакомы с нашим спонсором: леди Савин дан Глокта.

Их взгляды встретились лишь на мгновение. Но мгновения было достаточно.

Она вспомнила, как Орсо смотрел на нее прежде. Вспомнила лукавый блеск в его глазах, словно они были партнерами в некой восхитительной игре, известной только им двоим. Когда она еще не подозревала, что у них имеется общий отец. Когда он все еще был кронпринцем, а ее здравомыслие еще не подвергалось сомнению.

Теперь его взгляд был пустым, мертвым, лишенным каких-либо чувств. Словно он зашел на похороны дальнего родственника, которого почти не знал при жизни.

Он просил ее выйти за него замуж. Быть его королевой. И больше всего на свете ей хотелось ответить «да». Он любил ее, а она любила его.

Их взгляды встретились лишь на мгновение. Но дольше одного мгновения ей было не выдержать.

Она опустила в глубочайшем реверансе, жалея, что не может провалиться совсем, прямо сквозь мозаичный пол.

– Ваше величество...

– Леди Селеста! – услышала она голос Орсо. Он отвернулся от нее, резко щелкнув каблуками. – Вы не согласитесь побыть моей проводницей?

– Сочту за *честь*, ваше величество!

И kloкочущий, торжествующий смех Селесты дан Хайген обжег уши Савин, словно кипяток.

Ни один человек во всем фойе не мог не заметить ее унижения. Если бы Орсо ударил ее, сбил с ног и наступил на горло, едва ли это нанесло бы ей больший урон. Поднимаясь, она слышала перешептывания со всех сторон. Такая насмешка! Со стороны короля! На ее собственном приеме!

Она двинулась к выходу сквозь море колышущихся лиц, с улыбкой, прилепленной к пылающим щекам. Неверной походкой спустилась по ступеням на полуосвещенную улицу. В желудке бурлило. Она подергала себя за воротник, но было бы проще ногтями проскрести насквозь тюремную стену, нежели ослабить эту простроченную в три ряда ткань.

– Леди Савин? – послышался сзади встревоженный голос Зури.

Пошатываясь, она обогнула угол театра, нырнула в темный переулок, беспомощно перегнулась пополам и обдала стену здания струей рвоты. Запах напомнил ей о Вальбеке. Все напоминало ей о Вальбеке.

Она выпрямилась, высмаркивая едкий комок из носоглотки.

– Даже мой собственный желудок предает меня.

В полоске света, падавшей сбоку на темное лицо Зури, блеснул один глаз.

– Когда у вас в последний раз были месячные? – мягко спросила служанка.

Савин немного постояла, хрипло дыша. Потом беспомощно повела плечами:

– Как раз перед приездом Лео дан Брока в Адую. Кто бы мог подумать, что я буду жалеть об этих регулярных мучениях?

Вероятно, сейчас ее хриплые вздохи должны были понемногу перейти в задыхающиеся всхлипывания, она должна была броситься к Зури на грудь и зарыдать о том, как капитально ей удалось испоганить собственную жизнь. Карнсбик, старый дурень, беспокоился не напрасно: ее здравомыслие действительно отправилось ко всем чертям. И результат был перед глазами.

Однако вместо того, чтобы всхлипывать, Савин разразилась серией сдавленных смешков.

– Только погляди на меня! Я блюю в обоссанном переулке, в платье, которое стоит пятьсот марок, с чужим ублюдком в животе. Смех, да и только!

Она затихла и прислонилась к стене, обскребая о зубы покрытый горечью язык.

– Чем выше залезешь, тем дальше падать, и тем веселее будет спектакль, когда ты долетишь до земли. Какое зрелище, а? И им даже не нужно платить за билет! – Она сжала кулаки. – Они все думают, что мне конец. Но если они считают, что я сдамся без боя, то пусть...

Савин снова перегнулась, и ее снова вырвало. На этот раз это была всего лишь струйка едкой желчи. Она блевала и хихикала одновременно. Потом сплюнула и утерла лицо тыльной стороной перчатки. Ее рука снова тряслась.

– Спокойно, – пробормотала она себе, стискивая кулаки. – Спокойно, ты, долбаная *идiotка*!

Зури выглядела обеспокоенной. Зури, которая никогда не выглядела обеспокоенной.

– Я попрошу Рабика подогнать сюда экипаж. Надо доставить вас домой.

– Да брось ты, у нас еще вся ночь впереди!

Савин выудила свою коробочку с жемчужной пылью. Одна понюшка, просто чтобы развеять тоску. Просто чтобы продолжать куда-то двигаться.

Она пошла в сторону улицы.

– Пожалуй, я не прочь посмотреть на работу мастера Броуда.

Привычные действия

– Так, значит... ты здесь счастлива, так, что ли?

Лидди рассмеялась. Бывало, что Броуд неделями не видел на ее лице улыбки. А нынче она только и делала, что смеялась.

– Гуннар! Мы жили в подвале!

– В вонючем подвале, – подхватила Май, тоже улыбаясь до ушей. Это не могло ему пристыдиться: их гостиная была залита закатным светом через три больших окна.

– Ели очистки и пили из луж, – продолжала Лидди, подкладывая Броуду на тарелку еще один ломоть мяса.

– Стояли в очереди, чтобы посрать в общем нужнике, – добавила Май.

Лидди поморщилась:

– Не говори так.

– Но я ведь это делала, верно? Так почему бы об этом и не сказать?

– Мне не нравится такая манера выражаться. – Лидди училась вести себя как настоящая дама и от души наслаждалась этим. – Тем не менее да, мы действительно это делали. С какой же стати нам не быть счастливыми теперь?

Она подвинула ему соусник. Прежде Броуд и подумать не мог, что существует такая вещь, как специальный кувшинчик для соуса, и уж подавно ему не приходило в голову, что такой кувшинчик будет в его владении.

Броуд тоже улыбнулся. Заставил себя.

– Конечно. Почему бы нам теперь не быть счастливыми?

Он загреб вилкой пригоршню гороха и даже умудрился донести несколько горошин до рта, прежде чем они ссыпались обратно в тарелку.

– С вилкой ты так и не научился управляться, – заметила Май.

Броуд потыкал треклятой штуковиной в свою еду. Даже держать ее было неудобно – кисть уже сводило от усилий. Слишком деликатный прибор для его неуклюжих, ноющих пальцев.

– Наверное, в каком-то возрасте уже трудно учиться новым вещам.

– Ты еще слишком молод, чтобы цепляться за прошлое.

– Не знаю... – Броуд нахмурился, нанизывая на вилку подложенный кусок мяса, слегка сочащийся кровью. – Бывает, прошлое само за тебя цепляется.

После этих слов повисла неловкая пауза.

– Надеюсь, ты сегодня ночуешь дома, с нами? – спросила Лидди.

– Было бы неплохо. Но мне надо еще заглянуть на стройку.

– Так поздно?

– Надеюсь, это не займет много времени. – Броуд отложил свой прибор и встал. – Надо присмотреть, чтобы работа не стояла.

– Леди Савин без тебя никуда, верно?

Май горделиво расправила плечи:

– Она сама мне говорила, что все больше полагается на него!

– Ну так передай ей, что твоей семье ты тоже нужен! Пускай делится!

Броуд хмыкнул, огибая стол:

– Скажи ей это сама.

Все еще улыбаясь, Лидди запрокинула лицо, подставляя ему мягкие губы. За последнее время она набрала вес. Они все поправились с вальбекских голодных времен. В ее фигуре вновь появились прежние изгибы, а на щеках – тот же глянец, что был там, когда он только начинал за ней ухаживать. И запах был таким же, как когда они впервые поцеловались. Столько времени прошло, а он любил ее точно так же, как прежде.

– Все получилось очень даже неплохо, – сказала она, легко касаясь его щеки кончиками пальцев. – Разве не так?

– Я тут ни при чем, – буркнул Броуд сквозь комок в горле. – Прости меня. За все беды, которые я причинил...

– Это все позади, – твердо сказала Лидди. – Теперь мы работаем на благородную госпожу. Здесь никаких бед не будет.

– Нет, конечно, – отозвался Броуд. – Никаких бед.

И он поплелся к двери.

– Не слишком там усердствуй, папочка! – крикнула ему вслед Май.

Когда он обернулся, дочь улыбнулась ему, и от этой улыбки у него защемило в груди. Словно там засел крюк и любым своим действием она тащила за него. Броуд улыбнулся в ответ, неловко поднял руку, прощаясь. Потом увидел татуировку на тыльной стороне своей кисти и поспешил ее опустить. Запихнул руку поглубже в обшлаг своей новой куртки из хорошей ткани.

Выходя, он плотно закрыл за собой дверь.

* * *

Броуд шагал сквозь лес шелушащихся железных колонн по темному пространству склада, держа курс на островок света от фонаря. Чернильная пустота вокруг отзывалась эхом его шагов.

Хальдер ждал, сложив руки на груди; его лицо было скрыто тенью. Он был из тех людей, что любят помолчать. Баннерман прислонился к ближайшему столбу, привычно-нахально выпятив бедра. Он был из тех людей, у кого всегда найдется что сказать, даже когда никто не просит.

Их гость сидел на одном из трех потрепанных старых стульев: руки привязаны к спинке, лодыжки – к ножкам. Броуд остановился перед ним и нахмурился, глядя вниз.

– Ты – Худ?

– Я Худ.

По крайней мере, он не пытался это отрицать. Некоторые пытались. Броуд их не винил.

– Забавное имя, – заметил Баннерман, глядя на Худа словно на какой-нибудь комок грязи. – Я имею в виду, на самом-то деле он ведь довольно плотный. Не толстый, нет, я бы так не сказал. Но и худым его не назовешь.

– Немного уважения, а? – буркнул Броуд, снимая куртку. – Мы можем это делать и без грубостей.

– Какая разница?

Броуд аккуратно повесил куртку на спинку другого стула и провел ребром ладони, разглаживая тонкую ткань.

– Для меня разница есть.

– Мы здесь не для того, чтобы заводить друзей.

– Я знаю, зачем мы здесь.

Броуд посмотрел Баннерману в глаза – и продолжал смотреть, пока тот, облизнув губы, не отвел взгляд. Потом подвинул стул так, чтобы он оказался перед Худом, и сел. Напаялил на переносицу стекла, сцепил пальцы в замок. Он обнаружил, что проще соблюдать привычный порядок действий. Совсем как раньше, в Вальбеке, когда он мел полы в пивоварне. Просто работа, которую необходимо сделать, не хуже любой другой.

Все это время Худ наблюдал за ним. Глаза, конечно, испуганные. Лоб вспотел. Но есть и решимость. Скорее всего, придется повозиться. Однако можно сломать все что угодно, если приложить достаточно силы.

– Меня зовут Броуд. – Он увидел, что Худ смотрит на татуировку на тыльной стороне его кисти, и не стал убирать руку. – Я был в армии.

– Мы все там были, – добавил Баннерман.

– Знаешь, на кого мы теперь работаем?

Худ сглотнул:

– На Корта?

– Нет.

Худ снова сглотнул, еще глубже:

– На Савин дан Глокту.

– Вот именно. Мы слышали, что ты организуешь рабочих, мастер Худ. Мы слышали, что ты убедил их устроить забастовку.

Баннерман неодобрительно поцокал языком.

– Учитывая, как идут дела на стройке, – сказал Худ, – по сколько часов они работают и сколько за это получают, их не нужно особенно убеждать.

Броуд отодвинул стекляшки, чтобы потерять намятую канавку на переносице, потом сдвинул их на прежнее место.

– Послушай. Ты похож на порядочного человека, так что я постараюсь дать тебе все шансы, какие смогу. Но леди Савин желает видеть свой канал достроенным. Она заплатила за это деньги. И я одно могу тебе сказать наверняка: это плохая идея – мешать ей получить то, за что она заплатила деньги. *Очень плохая идея.*

Худ наклонился вперед, насколько ему позволяли веревки.

– Пару дней назад у нас погиб парень. Раздавило балкой. Четырнадцать лет. – Вывернувшись, он посмотрел вверх на Баннермана. – Вы это знали?

– Что-то такое слышал, – отозвался Баннерман, продолжая разглядывать ногти и всем видом показывая, что ему глубоко наплевать.

– Парня, конечно, жалко. – Броуд шелкнул саднящими пальцами, чтобы заставить Худа перевести взгляд обратно. – Вопрос только, чем ему поможет, если мы раздавим *тебя*?

Худ, по-прежнему решительно настроенный, вздернул подбородок. Он нравился Броуду. Они вполне могли бы оказаться на одной стороне. Пожалуй, еще не так давно они и были на одной стороне.

– Я могу помочь другим. Таким, как ты, не понять.

– Ты, может, удивишься, брат, но я был в Вальбеке, с ломателями. Дрался там за правое дело. По крайней мере, я так считал. А до этого я был в Стирии и тоже думал, что дерусь за правое дело. Всю свою жизнь я только и делаю, что дерусь за правое дело, и знаешь, что мне это принесло?

– Ничего? – предположил Баннерман.

Броуд глянул на него, сдвинув брови:

– Почему бы не дать мне договорить самому?

– Почему бы тебе не придумать что-нибудь новенькое?

– Может, ты и прав. Так вот... Дело в том, что я заметил: стоит людям начать драться, про правое дело уже никто не вспоминает.

Броуд принялся закатывать рукава, раздумывая, что сказать дальше. Медленно. Аккуратно. Хорошо, когда твои действия расписаны заранее. Это помогает. Он убеждал себя, что делает это для Май, для Лидди. И тут же подумал – а что бы они сказали, если бы знали? Ответ ему не понравился. Вот поэтому им лучше не знать. Ни сейчас, ни потом.

– За свою жизнь я убил, наверное... человек пятьдесят. Может, больше. Пленных в том числе. Просто выполнял приказания, но... Все равно я сделал это. Сперва я их считал, потом постарался забыть, сколько насчитал... – Броуд посмотрел вниз, на маленький клочок пола между ботинками Худа. – Честно сказать, обычно при этом я был в стельку пьян. Старался

надраться как можно сильнее. Так что – все в тумане... Помню одного парнишку, еще на войне. Стириец, наверное. Он все лопотал мне что-то по-своему, а я не мог понять ни единого слова... Я скинул его со стены. Стена Мусселии, сколько в ней было, шагов тридцать в высоту?

Он взглянул на Хальдера:

– Ты же был при Мусселии, верно?

Тот кивнул:

– Скорее двадцать.

– Ну все равно довольно высоко. Он ударился об повозку. – Броуд врезал себе ребром ладони по ребрам, показывая место. – Буквально сложился пополам, боком. Ни один человек не может остаться живым в таком виде. В смысле, его ступни показывали назад! И тогда он начал выть.

Броуд медленно покачал головой:

– Клянусь, такие звуки, должно быть, можно услышать в аду. Он выл и выл, и этому не было конца... Да, на войне доводится повидать всякое. После этого на все уже смотришь по-другому.

– Верно, – буркнул Хальдер.

Худ смотрел на них широкими глазами:

– Ты что, считаешь, что такими вещами можно хвастаться?

– Хвастаться? – Броуд тоже взглянул на него поверх стекляшек, так что лицо Худа виделось просто размытым пятном в свете фонаря. – Еще чего! Я просыпаюсь в холодном поту. Иногда в слезах – когда получается не орать. Не вижу ничего плохого, чтобы в этом признаться.

– Я тоже, – сказал Хальдер.

– Я просто... хочу, чтобы ты *увидел*. – И Броуд надвинул стекляшки обратно на нос, так что дужка снова попала в привычную канавку. – Увидел, к чему все это идет, прежде чем мы туда доберемся и поймем... что на самом деле нам этого вовсе не хотелось.

Он поморщился. Все звучало совсем не так, как надо. Жаль, что он так плохо владеет словами – хотя, честно сказать, одними словами такую работу обычно и не сделаешь. Вот Малмер, он умел говорить. И глянь, куда это его привело.

– Я просто пытаюсь тебе втолковать...

– Мастер Броуд!

Он удивленно обернулся. В кабинке конторы, водруженной на опорах в дальнем конце склада, горел одинокий огонек. Возле ведущей туда лестницы кто-то стоял – женская фигура, высокая, стройная и изящная.

Броуд ощутил, как у него мерзко засосало под ложечкой. В последнее время он ждал от маленьких женщин гораздо больше бед, чем от крупных мужчин.

– Сейчас... погоди, – сказал он, поднимаясь.

– Ну он-то никуда не денется, – отозвался Баннерман и потрепал Худа по щеке. Тот отдернулся.

– Имей уважение! – буркнул Броуд, уже шагая обратно через гулкое пространство склада. – В конце концов, это ничего не стоит.

Это была Зури. Она выглядела обеспокоенной, и это сразу же обеспокоило его. Броуду еще не приходилось встречать женщин, которых было бы так трудно взволновать.

– Что случилось? – спросил он.

Она кивнула на лестницу, ведущую в кабину конторы:

– Леди Савин здесь.

– В смысле? Прямо сейчас?

– Она хочет посмотреть, как вы работаете.

На какое-то время ее слова повисли между ними в темноте. Делать это – одно дело. Он всегда мог сказать себе, что это необходимо. Другое дело – захотеть на это смотреть.

– Может, вы смогли бы ее как-то... отговорить?

Броуд скривился:

– Если бы я умел убеждать людей словами, мне не приходилось бы делать это по-другому.

– Мой наставник по писаниям любил повторять, что те, кто стремится и терпит неудачу, не менее благословенны, чем те, кто достигает цели.

– Вот уж не сказал бы.

– От попытки вреда не будет.

– В этом я тоже сомневаюсь, – пробормотал Броуд, поднимаясь следом за ней по ступеням.

От двери Савин показалась ему такой же, как обычно: спокойной и выдержанной. Но взглянув на нее поближе при свете фонаря, Броуд сразу понял, что что-то не так. Края ее ноздрей были болезненно-розовыми, в глазах горел возбужденный огонь, из парика выбилась прядка. Потом он заметил на ее жакете бледные следы подтекших пятен – у нее это было более шокирующим, чем полная нагота у кого-нибудь другого.

– Леди Савин, – проговорил он. – Вы уверены, что вам стоит сейчас здесь быть?

– Ваша забота чрезвычайно приятна, но у меня крепкие нервы.

– Это конечно. Я думаю не о вас. – Он понизил голос. – По правде говоря, когда вы рядом, из меня вылезает все самое худшее.

– Ваша беда, мастер Броуд, в том, что вы путаете лучшее в себе с худшим. Мне необходимо, чтобы работы на канале продолжились с завтрашнего утра. С *раннего* утра. Мне нужно, чтобы канал наконец открылся и начал приносить мне *деньги*!

Последнее слово она прорычала, оскалив зубы, и от ее ярости у Броуда заколотилось сердце. Она была на голову ниже, и он был бы сильно удивлен, если бы она весила хотя бы половину того, что весил он. И тем не менее эта женщина его пугала. Не из-за того, что она могла сделать – из-за того, что она могла заставить сделать *его*.

– Так что идите и позаботьтесь о том, чтобы это произошло, будьте лапочкой.

Броуд бросил взгляд на Зури. Ее черные глаза поблескивали в темноте.

– Все мы лишь персты на длани Господа, – пробормотала она, виновато пожимая плечами.

Броуд опустил взгляд на собственную ладонь и медленно сжал ее в кулак, чувствуя, как ноют костяшки.

– Как скажете.

Он двинулся обратно сквозь темное пространство склада, слыша эхо своих шагов, направляясь к островку света в дальнем конце. Он говорил себе, что пытается изображать энтузиазм. Играть роль. Но актер из него всегда был никудышный. Правда же заключалась в том, что он едва мог дождаться, пока дойдет до цели.

Должно быть, Худ увидел что-то в его глазах. Он принялся извиваться на своем стуле, словно мог каким-то образом увернуться от того, что на него надвигалось. Но это не получилось еще ни у кого.

– Эй, погоди-ка...

Татуированный кулак Броуда вмазался в его ребра. Стул покачнулся, но Баннерман поймал его и снова пихнул вперед. Другой кулак пришелся Худу с другой стороны, и тот скрючился, пуча глаза. Несколько мгновений он оставался так, трясаясь, с наливающимся кровью лицом. Потом хрипло глотнул воздуха, и его стошнило.

Струя рвоты брызнула на его колени, расплескалась по полу, и Баннерман отступил назад, угрюмо осматривая свои новенькие сияющие ботинки.

– О, у нас снова блевун!

Броуду потребовалось большое усилие, чтобы не ударить еще раз. Чтобы как-то взять себя в руки и начать говорить. И когда он заговорил, то сам удивился, насколько спокойно звучал его голос:

– Для обмена любезностями больше нет времени. Давай выводы.

Хальдер вышел из темноты, волоча за собой еще кого-то. Молодого парня, стянутого веревками и мычащего сквозь кляп во рту.

– Нет! – каркнул Худ.

Хальдер пихнул паренька вниз, и Баннерман принялся привязывать его к соседнему стулу.

– Нет, нет, – повторял Худ, со стружкой слюны, все еще свешивающейся из угла рта.

– Когда думаешь, что борешься за правое дело, можно многое выдержать. Я знаю. – Броуд осторожно потер костяшки пальцев. – Но смотреть, как то же самое делают с твоим ребенком? Это совсем другое дело.

Парень с залитым слезами лицом дико оглядывался вокруг. Броуд пожалел, что у него нет выпить. Он буквально ощущал вкус во рту. С выпивкой дело пошло бы легче – сейчас, во всяком случае. Потом-то будет тяжелее... Он отогнал эту мысль.

– Этим я тоже вряд ли буду хвастаться. – Броуд проверил, что его рукава закатаны как надо. По какой-то причине это казалось важным. – Но если прибавить это ко всему остальному дерьму, что я натворил, общий уровень даже не поднимется.

Он бросил взгляд в сторону конторы – может быть, надеясь, что Савин махнет ему оттуда, приказывая остановиться. Но там никого не было видно. Только огонек, чтобы показать, что она смотрит. Человек должен уметь останавливаться. Броуду, впрочем, это никогда особо не удавалось. Он снова повернулся к стулу.

– Было бы здорово пойти сейчас домой...

Он снял стекляшки, сунул их в нагрудный карман рубашки, и освещенные фонарем лица расплылись в туманные пятна.

– ...но если понадобится, у нас целая ночь впереди.

Страх паренька, ужас Худа, беззаботная мина Баннермана – все превратилось в размытые мазки, практически неотличимые друг от друга.

– Попробуй представить... в каком виде вы оба будете к этому времени.

Стул под пареньком взвизгнул ножками по полу склада, когда Броуд передвинул его на то место, которое ему требовалось.

– Думаю, очень скоро вы оба будете выть, как тот парень.

Еще раз поправить рукава. Привычные действия, привычные действия.

– ...Как воют в аду.

Броуд знал, что чувствовал бы он сам, если бы беспомощно сидел, привязанный к стулу, а рядом, на другом стуле, была бы Май. Именно поэтому он был уверен, что это сработает.

– Забастовки не будет! – задыхаясь, прохрипел Худ. – Забастовки... не будет!

Броуд выпрямился и моргнул:

– О, я рад это слышать.

На самом деле он был вовсе не рад. Где-то глубоко внутри копошилось большое разочарование. Потребовалось большое усилие, чтобы разжать кулак. Вытащить из нагрудного кармана стекляшки и снова зацепить дужки за уши. Слишком деликатный прибор для его неуклюжих, ноющих пальцев.

– Твой сынишка пока останется с нами. Просто чтобы мы были уверены, что ты не передумаешь.

Баннерман потащил извивающегося парня обратно в темноту склада.

– Немного уважения! – крикнул ему вслед Броуд, аккуратно раскатывая рукава.

Это важно, соблюдать привычный порядок действий.

Искусство компромиссов

– Точность, болваны! – Филио даже спрыгнул со скамьи, чтобы наброситься на двух фехтовальщиков, которые глазели на него из круга, опустив клинки. – Скорость не даст вам ничего, кроме пустого хвастовства, если у вас не будет *точности*!

Ему было уже к шестидесяти, но его движения были по-прежнему быстрыми, а внешность пригожей. У Вик, должно быть, было больше седых волос, чем у него. Он бросился на сиденье рядом с ней, бормоча под нос стирийские ругательства, потом переключился на общее наречие:

– Молодежь в наши дни, а? Ждут, что им поднесут весь мир на золотом блюде!

Вик взглянула на Огарка: парню, похоже, и простых-то блюд довелось видеть не так уж много, и вряд ли ему когда-либо что-либо подносили. Даже сейчас, одетый в опрятную черную форму практика, он напоминал ей брата. Этот извиняющийся вид, эта вечная сутулость, словно он постоянно ожидал затрещины...

– Некоторым приходится встречаться с трудностями, – заметила она.

– Моему племяннику немного трудностей бы не помешало! – Филио покачал головой, глядя на молодых людей, шаркающих по дощатому полу фехтовального круга, отполированному многими поколениями мягких туфель. – У него быстрые руки и хорошее чутье, но он должен еще столькому научиться!

Филио простонал при виде неаккуратного выпада.

– Когда-нибудь, я надеюсь, он будет представлять наш город на турнире в Адуе, но от таланта мало толку, если нет *дисциплины*... – Он снова вскочил. – Давай, осел, подумай хорошенько!

– Вы ведь и сами сражались на турнире?

Филио лукаво улыбнулся ей, опускаясь на скамью:

– Это что же, вы разузнавали о моем прошлом?

– Вы проиграли будущему королю Джезалю в полуфинале. Держались с ним вровень до последнего касания, насколько я помню.

– Вы там были? Но в то время вам не могло быть больше десяти лет!

– Мне было восемь.

Хороший лжец придерживается правды, насколько это возможно. Ей действительно было восемь лет, когда произошел этот поединок, но в тот момент они сидели, сбившись в кучу, в темноте вонючего корабельного трюма, прикованные к одной большой цепи, – ее семья и несколько десятков других осужденных. Все они направлялись в Инглию, в тюремные лагеря, откуда было суждено вернуться лишь ей одной. Впрочем, она сомневалась, что подобные картины могли бы вызвать большой восторг у Филио, который сидел с сияющими глазами, погруженный в воспоминания о былых победах. Люди редко радуются, когда говоришь им *всю правду*.

– Ликующие толпы, звон стали, турнирный круг, устроенный перед великолепнейшими зданиями Агрионта! О, как я был горд! Это был лучший день в моей жизни!

Перед ней был человек, который восхищался Союзом с его любовью к внешнему блеску и порядку. Человек, который превыше всего ценил точность и дисциплину. Вот почему Вик оделась в парадный мундир чрезвычайного инквизитора, начистив сапоги до зеркального блеска, разделив волосы пробором в линеечку и безжалостно затянув их в узел на затылке.

– Так, значит, вы тоже относитесь к поклонникам прекрасной науки? – спросил Филио, махнув в сторону сверкающих клинков.

– Как можно не восхищаться ею? – (В действительности Вик была равнодушна к фехтованию.)

– Но полагаю, вы явились сюда, чтобы набирать голоса?

– Его величество чрезвычайно озабочен тем, чтобы Вестпорт остался там, где ему надлежит быть: в составе Союза.

– Иначе говоря, этим озабочен его преосвященство? – промурлыкал Филио, не отрывая взгляда от фехтующих, следя за каждым выпадом и защитой. – И с кем вы уже успели переговорить?

– Я пришла к вам первому. – (На самом деле он был четвертым, но Вик знала по опыту, что необходимо оберегать гордость тех, кто пользуется ограниченной властью: они обижаются гораздо легче, чем действительно могущественные люди.) – Наставник Лорсен отзывался о вас в самых ярких красках как об одном из наиболее почтенных старейшин, пользующемся уважением во всех лагерях. Человеке, чей голос мог бы объединить вокруг себя других.

– Это, разумеется, лестно, но наставник слишком высокого мнения обо мне. Если бы объединение людей зависело лишь от одного голоса... Возможно, Вестпорт не был бы столь прискорбно разобщен.

– Может быть, мы могли бы помочь вам примирить своих сограждан. Я знаю, вы верите в Союз.

– Несомненно! Верил всю свою жизнь. Мой дед был одним из тех, кто с самого начала стоял за присоединение к нему нашего города. – Улыбка Филио поблекла. – Но это дело очень непростое... Король Джезаль был человеком известных достоинств, в то время как король Орсо молод...

Филио поморщился, увидев, как его племянник эффектно взмахнул клинками.

– ...и, как говорят, в избытке предавался всем порокам, свойственным для молодых людей. Ваши ошибки в войнах против Стирии тоже принесли немало вреда. И затем, есть еще Солумео Шудра. – Филио прищелкнул языком. – Вам уже довелось слышать, как он говорит?

– Немного.

– Такая убедительность! Такой напор! Такая... – как это говорится? – *харизма*! Его любят так, как могут любить только политиков, лишенных власти – а следовательно, неспособных разочаровать. Он заставил многих людей увидеть вещи по-своему. На стороне Союза нет никого, кто мог бы с ним равняться; все они слишком неповоротливы. Но ведь в том-то и трудность, не правда ли? Защищать со страстью то, что ты уже имеешь, – это слишком скучно. В то время как любая альтернатива столь пленительна! Радуги обещаний! Каскады мечты! Блистательный корабль фантазий, которому не грозит столкновение с необходимостью действительно что-либо делать.

– Так, значит, его величество может рассчитывать на то, что вы проголосуете так, как надо?

– Хотел бы я ответить вам бескомпромиссным союзным «да»! Но боюсь, в настоящий момент... – Филио страдальчески сморщил лицо. – Все, что я могу вам предложить, – это традиционное стирийское «может быть». Здесь, в Вестпорте, на Перекрестке Мира, посередине между гурками, стирийцами и Союзом, мы поневоле научились искусству компромиссов. Я бы не смог так долго участвовать в политической жизни города, если бы жестко придерживался тех или иных принципов.

– Принципы подобны одежде, – заметила Вик, разглаживая свой мундир. – Их приходится менять в зависимости от собеседника.

– Вот именно. В свое время, я надеюсь, мы сможем обсудить мою цену за переодевание в нужные цвета, да? Но было бы глупостью выбрать сторону слишком рано. Я ведь могу оказаться на той, которая проиграет!

Вик подумала, что едва ли может его винить. Если она чему-то и научилась в лагерях, так это одному: всегда держаться с победителями.

– В таком случае мы поговорим позже. Когда будущее несколько определится.

Вик встала, игнорируя внезапный приступ боли, прострелившей искаленное бедро, щелкнула каблуками и отвесила жесткий формальный поклон. Филио, по всей видимости, это очень понравилось. Но не настолько, чтобы пообещать ей свой голос.

– Надеюсь. Но давайте не будем заставлять друг друга тратить время, пока мы не уверены в своих цифрах... А! – Он вскочил на ноги, увидев, что каблук его племянника коснулся края круга. – Следи за задней ногой, идиот! Точность!

* * *

Долгожданный ветерок пролетел по городскому парку Вестпорта, неся запахи смолы, цветов и пряностей от расположенного за стеной рынка. Листва ста различных видов и форм принялась шелестеть, шуршать и перешептываться. Из фонтана вырвалось облако водяной пыли, в котором яркое солнце тут же нарисовало мимолетную радугу.

На лицо Вик упала тень.

– Можно присесть?

Рядом с ее скамьей стояла широкоплечая женщина, одетая по южной моде, в свободную полотняную одежду. Темнокожая, с волевым лицом и ежиком коротко стриженных седоватых волос.

– Боюсь, я не говорю по-стирийски, – отозвалась Вик на союзном наречии.

Это была наполовину ложь. Она говорила достаточно, чтобы ее понимали, но имелась опасность, что она не уловит всех нюансов – а в настолько деликатных переговорах, как эти, нельзя позволить себе ошибиться. Кроме того, Вик предпочитала оставаться недооцененной.

Женщина вздохнула:

– Как типично для союзного начальства – прислать на переговоры человека, который даже не знает местного языка!

– Я-то думала, здесь Перекресток Мира, где говорят на всех наречиях, – парировала Вик. – Вы, должно быть, Дайеп Мозолия?

– А вы, должно быть, Виктарина дан Тойфель.

– Да, имею такое несчастье.

Вик сочла, что аристократическое звучание ее полного имени, какие бы неловкие чувства оно ни вызывало у нее самой, лучше всего подойдет для этой встречи. Мозолию ей характеризовали как расчетливую деловую женщину, так что Вик решила представиться практичной адуанской леди в заграничной поездке. Аккуратные косы, свернутые в кольца и подколотые. Верхняя пуговица жакета оставлена расстегнутой, в качестве намека на неформальность и доверие. Ей уже давненько не приходилось надевать юбки, и Вик испытывала в ней не больше удобства, чем называясь собственным именем. Однако удобство – это роскошь, без которой шпионам лучше привыкнуть обходиться.

– Как вам нравится наш городской парк? – спросила Мозолия.

– Прекрасный. Впрочем, он выглядит немного пересошим.

– Его подарила городу одна бездетная наследница крупного торгового состояния. – Мозолия не спеша расположила свое длинное тело на скамейке. – Она объездила весь Земной Круг, задавшись целью собрать все виды деревьев, какие только создал Господь. К несчастью, оказалось, что далеко не все из них хорошо себя чувствуют в нашем климате.

Она махнула рукой в сторону огромной ели, нижние ветви которой были абсолютно голыми, а верхние покрыты редкими сухими иголочками. Потом перевела взгляд на Огарка: парень совсем взопрел в своей ливрее, его лицо покрылось красными пятнами и блестело от пота.

Напрасно она потащила его с собой. Вик знала, что всегда лучше действовать в одиночку. Урок, который она накрепко выучила в лагерях, где остались лежать в мерзлой земле

все члены ее семьи. Отец, трясущийся от холода, с посиневшими губами, с черными, укороченными пальцами. Мать, без конца вопрошавшая, что она сделала, чтобы такое заслужить, – как будто это имело хоть какое-нибудь значение! А сколько крови и пота было пролито, чтобы добыть лекарство для сестры, – но когда она вернулась, крепко стискивая заветную бутылочку, то обнаружила, что сестра лежит под изношенным одеялом уже окоченевшая, а их брат сидит рядом, все еще держа ее за руку. После этого они остались вдвоем: Вик и ее брат. С большими печальными глазами, в точности как у Огарка.

Никогда не следует спасать тех, кто не может плавать сам. В конце концов они утащат тебя под воду вслед за собой.

Вздохнув, Мозолия положила руку на спинку скамейки.

– Но я полагаю, что вы пересекли Круг морей не для того, чтобы поговорить со мной о деревьях?

– Конечно, нет. Я хочу поговорить о предстоящем голосовании.

– Люди сейчас не говорят почти ни о чем другом. Это историческое решение. Однако ни вы, ни я никак не можем на него повлиять – ведь женщинам не позволено быть старейшинами.

Вик фыркнула:

– Возможно, женщинам и не позволено сидеть в Ассамблее, но они прекрасно могут контролировать сидящих там мужчин. Я знаю, что у вас в кармане по меньшей мере пять голосов.

Мозолия пожала массивными плечами:

– Шесть. Может быть, семь.

– И я подумала: нельзя ли как-то убедить вас отдать эти голоса в пользу Союза?

– Возможно. Но это будет непросто. Один из моих предков был родом из Яштавита, другой из Сиккура, третий из Осприи, четвертый – из Старой Империи. Я нахожу радушный – или, возможно, одинаково нерадушный – прием в пяти различных храмах города. Иногда я забываю, какой из ипостасей Господа в данный момент должна молиться. В других странах меня называли бы полукровкой, но здесь, в этом городе полукровок, я – норма.

Она улыбнулась, глядя на выцветшие лужайки, на которых люди всех оттенков кожи и типов телосложения ходили, сидели и разговаривали в тени всевозможных удивительных и чудесных деревьев, созданных Господом.

– Торговец тканями не может себе позволить узко смотреть на вещи. Я веду дела по всему Земному Кругу. Гуркский лен и сулджукские шелка, имперский хлопок и вязаные вещи с Севера...

– Не говоря уже о новых тонковыделанных текстильных изделиях, поступающих с фабрик Союза.

– Не говоря о них, да.

– Для торговца тканями было бы прискорбно оказаться отрезанным от крупнейшего рынка в мире.

– Конечно, это было бы неприятно, но торговля – как вода: со временем она всегда находит для себя щелочку. К тому же присоединение к Стирии имеет собственные выгоды.

– Насколько я знаю, Талинская Змея может быть весьма деспотичной госпожой.

– Как обнаружили на собственной шкуре несколько союзных генералов! – фыркнула в свой черед Мозолия. – Но при готовности идти на уступки с ней вполне можно договориться. Поглядите, как расцвели жители Талина под ее началом! К тому же мне скорее нравится, когда всем командует женщина, вы не согласны? Пусть даже и деспотичная. Нам, женщинам, стоит прикладывать все усилия, чтобы помогать друг другу.

– Разве мы не должны, «следуя примеру мужчин, отложить в сторону сантименты и искать для себя наибольшую выгоду»?

Мозолия едва заметно улыбнулась:

– Подумать только, вы все же говорите по-стирийски! Надеюсь, его преосвященство снабдил вас достаточно несентиментальной суммой денег?

– У меня есть кое-что получше.

Вик развернула письмо и поднесла собеседнице, держа двумя пальцами. Внизу притаилась подпись архилектора Глокты – убийственная кульминация.

– Монопольные права на торговлю, некогда принадлежавшие гильдии торговцев шелком, которыми на протяжении последних тридцати лет распоряжалась инквизиция его величества. Его преосвященство готов взять вас в долю. Уверю, вы не пожалеете.

Мозолия взяла из ее рук письмо и принялась читать, взвешивая каждое слово. Вик не торопила ее. Прикрыв глаза, она запрокинула лицо навстречу солнцу, вдохнула напоенный ароматами воздух. Ей так редко выдавалась минутка для того, чтобы вот так просто посидеть!

Наконец Мозолия опустила письмо.

– Прекрасная, аппетитная взятка. Хорошо рассчитанная.

– Насколько я понимаю, у вас в Вестпорте любят честную коррупцию.

– Беру свои слова обратно, ваш стирийский просто превосходен!

Мозолия наклонила вперед свое массивное тело и встала, снова накрыв Вик своей тенью.

– Я подумаю над вашим предложением.

– Не думайте слишком долго. Нам, женщинам, действительно стоит прикладывать все усилия, чтобы помогать друг другу.

* * *

Отодвинув слишком тяжелые портьеры, Вик выглянула на улицу. Солнце уже садилось, заканчивая потраченный почти впустую день – грязное зарево над лабиринтом разномастных крыш, высохшими древесными кронами, курящимися дымовыми трубами, шпилями сотен храмов, посвященных дюжине ипостасей Всемогущего. Интересно, помогает ли это – верить в Бога? Что чувствуют люди, надежду или ужас, когда глядят на все это дерьмо, зная наверняка, что оно является частью чьего-то великого замысла?

Потирая большим пальцем ноющее бедро, Вик смотрела, как в каком-то тхондском святилище зажигают свечи, как в окнах мерцают огоньки, как качаются факелы в руках проводников, показывающих иностранным гостям дорогу к лучшим вестпортским гостиницам, лучшим ресторанам, лучшим глухим закоулкам с поджидающими грабителями. Мимо двери прокатился глухой отзвук голосов, в глубине коридора прозвенел кокетливый женский смех.

Огарок хмурился, оглядывая комнату. Должно быть, так деревенские олухи представляют себе внутреннее убранство дворцов: сплошной бархат и облезающая позолота.

– Какому дебилу могло прийти в голову назначить встречу в борделе?

– Такому, который любит шлюх и любит ставить людей в неловкое положение, – ответила Вик.

Судя по тому, что она слышала о Сандерсе Ройзимихе, он искренне наслаждался и тем, и другим. Этот человек был самодовольным крикуном – но однажды в прошлом он голосовал в поддержку Союза, а голос есть голос. Говорят, что наглецам следует давать отпор, однако Вик не раз убеждалась, что бывает более продуктивно позволить человеку подоминировать. Именно поэтому она посетила портниху – редкое событие в ее жизни, – чтобы выглядеть насколько можно более женственной и уступчивой. Ее волосы были причесаны в вестпортском стиле: распущены и пропитаны маслом. Она даже надушилась, помогай ей Судьбы! Единственное, что она решительно отвергла, – это высокие сапожки. При такой работе никогда не знаешь, когда тебе придется удирать, спасая свою жизнь. Или бить кого-нибудь ногой по лицу.

– Черт бы подрал эту штуку! – выругалась она, запустив палец в свой корсет и ерзая в тщетной попытке найти более удобное положение. Несмотря на то что платье было сшито по

мерке, сидело оно невероятно плохо. Или, возможно, его просто кроили для той женщины, какую из нее хотели сделать, а не той, которой она была.

Она подумала о том, что сказал бы Сибальт, если бы увидел ее в таком костюме. Должно быть: «Жаль, что я не повстречал тебя раньше. Все могло бы пойти по-другому». А она бы ответила: «Но этого не случилось. Так что давай довольствоваться тем, что имеем». И тогда он бы улыбнулся своей усталой улыбкой и сказал: «Судьбы свидетели, Вик, с тобой трудно иметь дело!» – и был бы прав... Она не раз ловила себя на том, что вспоминает о нем в самые неожиданные моменты. Вспоминает его тепло, тяжесть его тела в своих объятиях, тяжесть его рук, обнимающих ее. Вспоминает, как это было – иметь кого-то, до кого можно дотронуться.

Но Сибальт перерезал себе горло после того, как она его предала. Думать о том, что он мог бы сделать сейчас, – напрасная трата времени.

Отпустив портьеру, она повернулась лицом к комнате и обнаружила, что Огарок рассматривает ее, задумчиво хмурясь, словно головоломку, к которой никак не мог подобрать ключ.

– Ну, чего уставился? – рявкнула Вик.

– Прости... – Он съежился, словно щенок, которому дали пинка. – У тебя было такое лицо...

– Идиотское?

– Нет, просто... другое.

– Не забывай, что внутри я та же самая. Та женщина, которая держит в заложницах твою сестру.

– Такое вряд ли забудешь, да? – огрызнулся парень, давая выход угрюмому, бессильному гневу.

Даже это напомнило ей о брате. Такое выражение у него обычно появлялось, когда он говорил, что они должны помогать другим, а она говорила, что прежде всего они должны позаботиться о себе. Вид уязвленной добродетели.

– Зачем ты вообще здесь? – вызывающе спросил Огарок.

– Ты знаешь зачем. Союз слаб, его враги повсюду. Если мы не сможем удержать того, что уже имеем...

– Нет, я спрашиваю, почему тебя вообще волнует все это дерьмо? Они же послали тебя в лагерь, нет? На твоём месте я бы только смеялся, глядя, как гребанный Союз идет ко дну! Зачем ты здесь?

Ее губы искривились, готовые выплюнуть ответ: потому что она в долгу перед его преосвященством. Потому что шантаж и предательство – единственные профессии, в которых ей удалось преуспеть. Потому что надо держаться вместе с победителями. У нее было наготове полдюжины ответов! Просто ни один из них не стоил и ломаного гроша. Правда же была в том, что она действительно могла сделать все что угодно – хоть сбежать в Дальние Территории, как они всегда шутили с Сибальтом, – но в тот момент, когда его преосвященство произнес слово «Вестпорт», она тут же побежала собирать вещи.

Вик все еще стояла с полуоткрытым ртом, не издавая ни звука, когда дверь распахнулась и вошел Ройзимих.

Старейшина не уделил своей внешности такого внимания, как она. На нем был подпоясанный халат – и, совершенно очевидно, ничего больше. Халат был небрежно распахнут, открывая на обозрение волосатую грудь и кусок волосатого брюха.

– Простите, что заставил ждать! – гаркнул он с порога, вовсе не выглядя виноватым.

Вик выдавила на лицо улыбку:

– Нет нужды извиняться. Я знаю, что вы занятой человек...

– Вот именно, я был занят. Я трахался!

Потребовалось усилие, чтобы улыбка не сползла.

– Мои поздравления.

– И хотел бы как можно скорее вернуться к этому делу, так что давайте по-быстрому. Вестпорт должен присоединиться к Стирии. У нас общая граница и общая культура. Нельзя спорить с географией и историей одновременно! Не считите за неуважение. (Фраза, которую люди используют именно тогда, когда хотят подчеркнуть полное отсутствие уважения.)

– Неуважение меня не пугает, – проговорила Вик, добавив в голос самую чуточку резкости. – Но оно может заинтересовать архилектора.

– Были времена, когда людям было достаточно одного упоминания о Калеке, чтобы навалить в штаны. – Насмешливо глянув на нее, Ройзимих налил себе бокал вина. – Но в Стирии теперь заправляет Талинская Змея! Меркатто объединила Стирию, в то время как Союз трещит по швам. Дворяне и правительство вцепились друг другу в глотки. Да еще эти ломатели...

Неуважение ее не волновало. Но вот то, что он не стеснялся его демонстрировать – этим своим борделем, этим халатом, – зная, на кого она работает? Это был повод для беспокойства. Похоже, старейшина был уверен, что стирийская фракция победит. И пытался выслужиться перед ними, унижая представительницу Союза.

– Без испытаний не достичь величия, – сказала Вик. – Промышленность Союза развивается на зависть всему миру. Отделившись, Вестпорт сам лишит себя своего законного места в будущем. Я уже поговорила с несколькими людьми, которые придерживаются того же...

– Эта сука Мозолия? Ха! Я слышал, что Шудра уже сманил ее обратно к себе. Похоже, его взятка оказалась почище вашей! Вот в чем проблема с бабами – они думают своей щелью. Ни о чем другом они понятия не имеют. И это правильно! Трахаться и рожать – вот все, что им должно быть позволено!

– Вы забываете о ежемесячных кровотечениях, – сказала Вик. – Наша щель – более разносторонний орган, чем полагают мужчины.

Она редко позволяла себе роскошь питать к кому-либо отвращение, равно как и приязнь. И то, и другое может оказаться слабостью. Но этот мерзавец откровенно испытывал ее терпение.

Ройзимих вспыхнул, уязвленный тем, что его мужицкая грубость не задела Вик. Он развязно придвинулся к ней и, презрительно надувшись, сообщил:

– Говорят, Меркатто послала сюда Казамира дан Шенкта.

– Я не склонна шарахаться от каждой тени. Подождем, когда он будет здесь, тогда и будем паниковать.

– Может быть, он уже здесь. – Ройзимих наклонился к ней, так что стали видны крошечные бисеринки пота на его переносице. – Говорят, он не просто убивает тех, за кем его послали... Он их *съедает*!

Проклятье, как она жалела, что надела платье! Латные доспехи были бы сейчас более уместны.

– Как вы думаете, что он съест в первую очередь? Вашу печень? – Ухмыляясь, Ройзимих глянул на Огарка. – Или для начала прирежет вашего мальчика на побегушках?

И внезапно все перед ней заслонило лицо брата. Это обиженное, удивленное выражение, когда практики выступили из тени.

Ройзимих ухнул от неожиданности, когда кулак Вик врезался в его лицо. Кастет был спрятан у нее за спиной, но сейчас вдруг оказался на руке. Сделав неверный шаг назад, старейшина уцепился за портьеру; кровь из сломанного носа струилась по его лицу. Второй удар Вик нанесла сбоку, в челюсть. Раздался тошнотворный хруст, и он выронил бокал, облив их обоих вином. В третий раз кастет пришелся уже по макушке, когда он сползал вниз, таща за собой содранную портьеру.

Старейшина сжался в комок, хватая ртом воздух и брызжа слюной, а Вик, упершись ему в плечо коленом, осыпала его градом ударов по всем частям тела, до которых могла достать. Она перестала следить, куда бьет.

Кто-то схватил ее за руку, едва не опрокинув на пол. Огарок. Мальчик пытался ее остановить:

– С ума сошла? Ты его прикончишь!

Вик вырвалась, тяжело дыша. Ее платье было в винных пятнах. Рука – в кровавых брызгах. Спутанные волосы упали на лицо, и она отбросила их назад, замаслив пальцы: вестпортский стиль не рассчитан для избиения мужчин.

Ройзимих, все еще не разгибаясь, тоненько всхлипнул. Огарок уставился на него своими большими печальными глазами.

– Зачем тебе это понадобилось?

Об этом она еще не думала. Не взвесила риск, не представила возможные последствия. Не думала даже о том, куда бьет или как будет защищаться, если он ударит в ответ. Окажись Ройзимих серьезным бойцом, ее дела могли бы быть очень плохи.

– Прежде чем сбрасывать со счетов его преосвященство, мастер Ройзимих, неплохо бы вспомнить о том, что вы ему должны.

Теперь ее голос звучал грубо: не городская леди, а гангстер из трущоб. Она швырнула на пол к его коленям бумагу, которую дал ей Глокта.

– Семь тысяч скелов с мелочью. Ваш долг банкирскому дому «Валинт и Балк». Они не отказываются от дружбы с Союзом с такой же легкостью, как вы. – Носком благоразумно наде- того ботинка Вик подтолкнула бумагу поближе, и Ройзимих вздрогнул, когда она задела его оголившуюся ляжку. – Его преосвященство любезно согласился взыскать за них эту ссуду. Они заберут ваши дома. Отнимут ваших шлюх. *Они*, а не Шенкт, вырежут у вас печень и съедят на обед – и это, мать вашу, будет только начало!

Может быть, на некоторые угрозы все же стоит отвечать угрозами. Она наклонилась над телом старейшины и прошипела сквозь зубы:

– Ты будешь голосовать так, как я скажу! Понял? Так, как я скажу! Или мы раздавим тебя как клопа!

– Бубу! Бубу болособать как бы згажеде, – пробулькал Ройзимих, прикрывая голову тря- сущейся рукой с торчащим вбок сломанным мизинцем. – Бубу болособать...

* * *

Вик шла по темнеющей улице размашистым шагом, совершенно не подходящим к ее залитому вином платью. Боль в стиснутом кулаке перешла в онемелое подергивание, искале- ченное бедро ныло все сильнее. Старые раны... Вся жизнь состоит из них.

Огарок прибавил шаг, чтобы нагнать ее.

– Н-да, нельзя сказать, что он не напрашивался.

Молчание.

– Если бы ты этого не сделала, наверное, я бы сам ему врезал.

Молчание.

– То есть он бы, наверное, даже не заметил, но я бы все равно ему врезал!

– Это была ошибка, – проворчала Вик. – Мир полон мудаков, и с этим ничего не поде- лаешь. Можно только выбирать, как с ними жить.

Парень неуверенно улыбнулся ей:

– Похоже, ты все-таки не такая уж и деревянная.

– Моя рука точно не деревянная. – Вик, морщась, попробовала размять ноющие пальцы.

– Могло быть и хуже. Зато теперь местные знают то, в чем я никогда не сомневался. – Его улыбка расплылась шире. – Что с тобой лучше не связываться!

Вик постаралась сохранить каменное лицо. Для тех, кому она улыбалась, это никогда не кончалось ничем хорошим.

– Говоря честно, мы совсем не двигаемся вперед. Осталось две недели, а мы потеряли больше голосов, чем приобрели. Чертов Солумео Шудра слишком хорошо делает свое дело. – Она рассеянно потерла сбитые костяшки. – Его необходимо вывести из игры.

– Да, но если... – Огарок наклонился к ней и шепотом продолжил: – ...Если ты его *убьешь*, все обратятся против нас! Так сказал Лорсен!

– Любой ценой, – отозвалась Вик. – Это слова его преосвященства.

На лице Огарка снова появилось знакомое озабоченное выражение.

– Ему легко говорить. Платить-то будет не он!

Некоторые раны не заживают

– Я раздавлю тебя как клопа! – прорычал Лео, делая молниеносный выпад, заставивший Юранда перейти в защиту.

От одного звука сталкивающихся клинков ему становилось лучше. Во имя мертвых, как же ему не хватало ощущения меча в руке!

– Так же как ты раздавил Стура Сумрака? – Юранд сделал ответный выпад, и сталь зазвенела снова.

– Вот именно!

Лео метнулся вперед – и чуть не заорал от ужасно знакомой боли, пронзившей раненое бедро. Ему пришлось остановить движение, не закончив, и притвориться, что это был финт. Разочарование оказалось еще нестерпимее, чем сама боль.

Юранд подступил к нему, ухмыляясь:

– В смысле, ты до полусмерти истечешь кровью, окажешься явно худшим бойцом и победишь только потому, что я самодовольный болван?

Антауп, Гловард и Йин, конечно же, расхохотались. Лео смолчал. Чем больше времени проходило, тем меньше ему нравилось то, как его друзья рассказывали эту историю. Он предпочитал более лестную для себя версию, которую недавно прочитал в отпечатанном памфлете, – где несравненный Молодой Лев победил Стура Сумрака в честном поединке, отпустил пару шуток, после чего заставил его есть грязь перед глазами его дяди, и все в честь прекрасной колдуньи. В этой версии не было упоминания о том, что с тех пор он был не в состоянии нормально ходить.

Не считая настоящего сражения, дружеские поединки всегда были для Лео самым любимым времяпровождением в мире. Он попытался вспомнить ту радостную улыбку, что обычно была на его лице прежде, когда он дрался. Как у кота, играющего с мышью. Может быть, он и не владел мечом так же хорошо, как Стур Сумрак, но уж Юранда-то он всегда мог отделать! И теперь он собирался доказать это, как бы больно ему ни было.

– Ха! – Парой могучих взмахов он отбил клинок Юранда в одну сторону, потом в другую. Вот это больше похоже на правду! Он подготовил атаку, от которой тому пришлось бы солоно даже с затупленным клинком... и ахнул, когда его вес пришелся на больную ногу и та едва не сложилась под ним пополам.

С позорной легкостью Юранд обошел его слабый выпад и хлестнул клинком по открывшемуся боку. Лео повернулся, чтобы парировать, но не успел найти равновесие и по-девчачьи взвизгнул, когда боль проткнула его бедро, потом его колено подогнулось, и он распластался на камышовой подстилке, схватившись за ногу.

– Кровь и ад! Ты в порядке?

– Нет! – рявкнул Лео, отталкивая руку Юранда. – Треклятая нога еще хуже, чем прежде!

Он устал от боли. Устал от сочувствия окружающих. Устал от собственного гнева. Устал от необходимости извиняться за свой гнев.

Потом он увидел обиженное лицо Юранда и постарался взять себя в руки.

– Прости. Всегда думал, что я могу смеяться над болью. Но она со мной постоянно! Я с ней просыпаюсь и с ней ложусь спать. Мне надо собраться с духом, чтобы перейти комнату. Если я забываю что-то нужное наверху, это гребаная катастрофа!

– Давай помогу. – Гловард потянулся к нему, словно отец к плачущему младенцу.

– Убери от меня свои лапищи! – рявкнул Лео. – Я не какой-нибудь калека, черт подери!

Йин с Антаупом обменялись тревожными взглядами. Вообще-то, когда человек яростно отрицает, что он калека, это громче всего говорит о том, что это действительно так.

Прежде чем Гловард успел убрать свою огромную ладонь, Лео ухватился за нее и втащил себя наверх, вспрыгнув на здоровую ногу. Постоял несколько мгновений, тяжело дыша, потом стиснул зубы и смирился с неизбежным.

– Принеси мне трость! – рявкнул он Юранду.

– Знаешь, от чего тебе стало бы лучше? – Гловард сдвинул плечи Лео так, что ему моментально стало гораздо хуже. – Снова оказаться в седле!

– Точно! Там твое место! – Антауп потряс в воздухе кулаком. – Вести за собой людей!

– Чтобы вести людей, нужна битва, – проворчал Лео. – Куда мне их вести? Нарезать круги вокруг своей лорд-губернаторской резиденции?

– В Старикланде все время дерутся, – заметил Гловард. – Я слышал, повстанцы в последнее время не дают лорду-губернатору Скальду продохнуть. Думаю, он будет только рад поддержке.

– И стирийцев сейчас все просто ненавидят, – подхватил Антауп. – Говорят, Вестпорт превратился в настоящий пороховой бочонок. Одна искра и... бабах! – Ухмыляясь, он развел руками, изображая взрыв. – А уж женщины там...

Его ухмылка и руки разошлись еще шире.

Белая Вода Йин озабоченно провел пальцами по своей густой бородине.

– Не сказал бы, что мне по душе мысль драться с Талинской Змеей. Она побилла короля Джезали уже три раза, и теперь эта сука еще сильнее, чем прежде.

– Чтобы побить короля Джезали, едва ли нужно было звать самого Столикуса, – отрезал Лео.

Впрочем, его приятель был в чем-то прав. История показала, что необдуманные вылазки в Стирию ничем хорошим не кончаются.

Гловард выпятил нижнюю губу:

– Если тебе нужны слабые враги, то я слышал, что гурки могут сделать такое одолжение. Их империя разбита в щепки. О Пророке ни слуху ни духу. Жрецы, князья, вожди и правители дерутся друг с другом за власть.

– Прямо как на Севере в старое недоброе время, – добавил Йин.

Все волнующие истории Ищейки происходили на Севере в старое недоброе время. Именно тогда такие люди, как Бетод, Черный Доу и Девять Смертей, получили свои имена. Имена, заставляющие кровь быстрее течь по жилам.

– Вот как? – пробормотал Лео, сжимая кулаки.

– Вообще-то Союз имеет все права на Дагоску, – сообщил Антауп, высоко задирая брови.

Лео задрал свои еще выше:

– Этот город должен принадлежать нам!

Четверо друзей переглянулись, балансируя на грани между шуткой и разговором всерьез.

– Климат там хороший, этого не отнимешь. – Йин потрепал Лео по лицу здоровенной лапицей: – Пора вернуть на эти щеки немного краски!

Лео отпихнул от себя руку северянина, но идея нашла зацепку в его сердце. При одной мысли о том, чтобы снова возглавить кампанию, боль в его ноге стала меньше. Вернуть Дагоску Союзу? Можно вообразить, какие памфлеты напечатают о *такой* истории! Им придется устроить ему еще один триумф и на этот раз подобрать награду получше, чем какой-то разукрашенный клинок!

– Юранд, как ты думаешь, как нам лучше переправить туда солдат...

Он осекся, обнаружив, что его давний друг уставился на него с выражением ужаса на лице.

– Скажи, что ты шутишь.

– Что?

Юранд обвел остальных уничтожающим взглядом, и те, как озорные школьники, застигнутые учителем, один за другим смущенно опустили головы.

– Он еще не оправился от последнего смертельного поединка, а вы уже наперегонки уговариваете его ввязаться в следующий?

– Ты говоришь прямо как моя мать, черт подери! – вспылил Лео.

– Кто-то должен это сделать, раз ее нет рядом. От тебя было достаточно хлопот, когда ты был просто Молодым Львом. Но теперь ты лорд-губернатор Инглии! Под твоим началом целая провинция, полная людей, которые на тебя рассчитывают. Ты не можешь взять и сорваться с места, чтобы ввязаться в первую попавшуюся драку только потому, что ты, черт тебя дери, *заскучал*!

Пару мгновений Лео стоял выпрямившись, оскалив зубы, готовый вступить в драку. Потом его тело расслабилось. Он никогда не мог долго сердиться на Юранда.

– Ты прав, ублюдок.

– Он всегда прав, – печально подтвердил Гловард.

– Он здесь самый умный, – добавил Антауп, отбрасывая со лба свой черный чубчик.

– Здравый смысл торжествует! – Юранд со шлепком вложил трость в руку Лео и отошел, качая головой.

– А все-таки жаль, – пробурчал Йин.

– Да, – отозвался Лео. – Жаль.

* * *

– Мы получили послание от его величества...

– Вы имеете в виду, от Закрытого совета, – проворчал лорд Мустред.

– А точнее, от Костлявого и его прихлебателей, – проворчал лорд Кленшер.

Они были знатными ворчунами, эти двое. Они могли бы выигрывать ворчательные турниры. Во что, в конечном счете, обычно и выливались эти заседания.

Мать Лео покашляла.

– Они просят нас поднять налоги еще на сотню тысяч марок...

– Опять?! – только что не взвизгнул Лео, охваченный смятением.

Почтенные старики, собравшиеся вокруг стола, закачали седыми головами. За исключением тех, кто уже полностью облысел, – эти качали лысыми головами.

– Они пишут, что, поскольку на Севере теперь мир, доходы должны повыситься, и к тому же Инглии больше не требуется настолько большая армия...

– На Севере мир *только потому*, что у нас есть армия! – Лео попытался вскочить, скривился от боли, пронзившей ногу, и был вынужден опуститься обратно в кресло, стиснув зубы, стиснув кулаки, стиснув все, что только можно. – А как насчет военных издержек? Их-то они по крайней мере готовы оплатить?

Мать Лео еще раз кашлянула.

– В письме... об этом не упоминается.

– Кто мы, черт подери, такие – подданные короля или его домашний скот? – спросил Мустред. – Это попросту неприемлемо!

– Возмутительно! – прорычал Кленшер.

– Позор!

– Мать их растак! – Лео врезал по столу кулаком, заставив подпрыгнуть стопки бумаг и большинство собравшихся. – Ублюдки! Что за чертова наглость! Пока была война, мы не видели от них ничего, кроме благопожеланий, – наступил мир, и мы не видим от них ничего, кроме новых требований! Клянусь, они бы потребовали прислать им мои яйца в запечатанном пакете, если бы сочли, что за них можно взять хорошую цену!

– Господа! – Улыбаясь, мать Лео повернулась к собранию. – Вы не могли бы оставить нас на несколько минут?

Переговариваясь усталыми голосами, шаркая усталыми ногами, старые английские лорды потянулись к двери. Однако едва ли они могли испытывать большую усталость, чем сам Лео. Звание лорда-губернатора завалило его обязанностями. Если бы он не проводил по четыре часа в день за письменным столом, то был бы уже погребен под грудой бумаг. Он не мог представить, как его мать справлялась со всем этим. И в глубине души нередко жалел, что она не справляется с этим по-прежнему.

– Мы на вашей стороне, лорд Брок! – окликнул его Мустред, приостановившись на пороге, и его усы завибрировали от преданности.

– Мы на вашей стороне, что бы ни случилось! – закивал Кленшер, хлопая брылами. – Будь *прокляты* эти ублюдки из Закрытого совета!

И он затворил за собой дверь.

На некоторое время сумрачная комната погрузилась в молчание. Чувствуя, как по капле утекает его гнев, Лео наконец набрался храбрости и посмотрел на мать. На ее лице было то самое выражение – раздражение пополам с разочарованием и одновременно пониманием, что здесь ничего нельзя поделать, – которое она оттачивала с тех пор, как он себя помнил.

– Что, еще одна треклятая лекция?

– Всего лишь просьба, Лео. – Она взяла его ладонь и сжала в своих. – Я разделяю твоё негодование, уверяю тебя. Но ты теперь лорд-губернатор. Ты должен быть терпеливым.

– Каким образом?!

Лео не мог больше сидеть ни минуты. Выватив руку, он неловко поднялся, подхромал к узкому окну и открыл приросшую створку. Ему не терпелось ощутить на лице дуновение свежего воздуха. Потирая больную ногу, он устремил взгляд поверх блестящих от дождя крыш Остенгорма в сторону серого моря.

– Ты уверена, что я гожусь для этого? Разбираться с мелочными прошениями? На войне я чувствую себя гораздо счастливее, чем в мирное время.

– Твой отец был точно таким же. Но дело лорда-губернатора – хранить мир. Закрытый совет знает, что Сумрак относится к тебе с уважением...

– Большой Волк уважает только сапог на своей шее! Разоружить нас? Как они могут быть такими слепцами! Полгода не прошло с тех пор, как мы дрались не на жизнь, а на смерть, не видя ни крупицы помощи от этих ублюдков!

– Все это так. Но если ты будешь возмущаться каждый раз, когда Закрытый совет сделает что-нибудь возмутительное, тебе придется жить, не выходя из этого состояния. Гнев может вдохновлять, когда он редок. Частый гнев вызывает лишь презрение.

Лео длинно выдохнул. Заставил свои плечи расслабиться. Видят мертвые, в последнее время он только и делал, что сердился!

– Ты права, я знаю. Ты права.

Снаружи повеяло холодом. Он со скрежетом затворил окно. Ухватившись за бедро, сделал несколько прихрамывающих шагов обратно к своему креслу – к своей тюрьме – и рухнул на сиденье.

– Может быть, тебе стоило бы прекратить тренировки, – мягко сказала она. – Дать ноге отдохнуть...

– Я давал ей отдохнуть, и она начала болеть еще больше! Тогда я начал тренироваться, и ей стало хуже. Я снова дал ей отдохнуть, и это снова не помогло. Ей ничего не помогает, черти б ее драли! Эта клятая нога держит меня как капкан!

– Перемена обстановки могла бы помочь тебе развеяться. Лорд Ишер прислал нам приглашение на свою свадьбу. Поездка в Адуя – это всегда новые возможности...

– Поцеловать королевский зад?

– Изложить королю свои соображения. Ты сам говорил, что он человек здравомыслящий. Лео насупился. Он терпеть не мог, когда его мать говорила разумные вещи – после этого было чертовски трудно спорить с ней, не неся околесицу. Она и Юранд постоянно загоняли его в треклятые клещи неумолимого рационального мышления.

– Пожалуй, – неохотно признал он.

– Ну вот и обратись к его здравому смыслу. Заведи себе друзей в Открытом совете. Отыщи союзников в Закрытом. Используй их раздоры на свою пользу. Ты ведь можешь быть обаятельным, Лео, когда захочешь. Обаяй их.

Лео не мог удержать улыбки:

– Мама, ты можешь хоть когда-нибудь быть неправой?

– Я пробовала пару раз. Как выяснилось, мне это совсем не идет.

* * *

– Клянусь мертвыми, ну и вонь, – проговорил Лео, скривив лицо от боли и отвращения, глядя, как лекарь слой за слоем сдирает повязки с его бедра.

Тыльной стороной запястья тот поправил съехавшие с переносицы глазные стекла.

– Запах совершенно естественный, ваша светлость. – Казалось бы, человек, у которого плохое зрение и при этом постоянно заняты руки, мог бы подобрать себе такие стекла, которые бы не сползали каждую минуту ему на нос. Однако, по-видимому, даже в этом вопросе, как и во многом другом, Лео ждало разочарование. – В рану проникло заражение.

– Заражение? Как это произошло?

– Некоторые раны просто начинают гнить сами по себе.

– Как и все остальное, черти б их всех взяли, – прошипел Лео, когда тот аккуратно сдвинул края раны большими пальцами, выжав из нее крупную желтую слезу. Она была похожа на красный глаз, упрямо стиснувший веки, чтобы не видеть правду.

– Мне приходилось видеть, как люди полностью поправляются после самых ужасных повреждений, – раздумчиво продолжал лекарь, как если бы обсуждал любопытный научный факт, а не жизнь Лео. – А иногда умирают от какой-то царапины.

– Благодарю, вы меня обнадежили.

– Как давно была нанесена рана?

– Месяцев пять... – выдавил Лео сквозь стиснутые зубы. – Или шесть... а!

– Мечом?

– В то же самое время и тем же самым мечом, что и эти другие. – Лео показал на шрам на своем лице, уже превратившийся в бледную тонкую линию. Другой, на боку. Третий, на плече. – Они все зажили. А эта... кажется, становится только хуже и хуже.

– Нам придется ее дренировать. Это должно облегчить боль.

– Делайте, что считаете нужным, – прошептал Лео, вытирая слезы со щеки тыльной стороной руки.

– Вы уверены, что не хотите принять немного шелухи, чтобы...

– Нет! – Лео вспомнил своего отца, во что он превратился под конец: возбужденно бормочущий бессмыслицу, пускающий слюни. – Нет. Мне нужно... сохранять ясный ум.

Для чего, впрочем? Чтобы смотреть из кресла, как тренируются его друзья? Высиживать на бесконечных заседаниях, посвященных налогам? Ему бы стоило покурить шелухи только для того, чтобы вся эта ерунда не так сильно била по нервам.

Лекарь протянул ему кусок кожи, чтобы засунуть между зубами.

– Возможно, вам не стоит на это смотреть, ваша светлость.

– Думаю, что вы правы.

Когда-то он радовался блеску стали. Теперь же один вид того, как солнце сверкает на маленьком лезвии, вызвал у него слабость.

Он был Молодым Львом! Не было никого храбрее! Лететь в атаку на ряд копий было для него раз плюнуть. Теперь одна мысль о том, чтобы двинуть ногой, дотронуться до ноги, опереться на ногу, заставляла его мучительно съеживаться. Первое, о чем он нынче думал, прежде чем что-нибудь сделать, – насколько это будет больно? Можно подумать, что чем больше ты страдаешь, тем больше привыкаешь к боли, – но на деле все наоборот. Час за часом, день за днем она изматывает тебя, до тех пор пока не остается ничего, что не было бы невыносимым.

Так что вместо того, чтобы хранить героическое молчание, он трясся и подвывал на протяжении всей процедуры, стеная каждый раз, когда лезвие касалось раны. Даже еще до того, как оно касалось. Когда все было закончено, он вытащил изо рта изжеванную кожу со свисающими нитками слюны.

– Клянусь, это даже больнее, чем было тогда, когда меня ранили!

– Возбуждение битвы притупляет боль. – Лекарь протер бедро Лео кусочком ткани и наморщил нос, разглядывая его. – В конечном счете хронические ранения бывает гораздо сложнее переносить, чем свежие.

Лео бессильно лежал на спине, выжатый как тряпка.

– Когда она зарастет?

– Это может занять несколько недель. Может быть, месяцев.

– Месяцев?

Он сжал кулак, словно намереваясь ударить себя по ноге, но быстро передумал.

– Но вам следует знать... – Лекарь, нахмурясь, принялся вытирать руки насухо. – Некоторые раны не заживают никогда.

– То есть я могу навсегда остаться в таком виде?

– Такая вероятность имеется.

Лео отвернул голову и уставился в окно. На серые крыши и серое море позади, искаженные заляпанными дождем мелкими стеклышками. Неужели он станет калекой? Как этот ублюдок Глокта, заточенный за своим письменным столом, зарывшийся в бумаги, как червь в куче гнили?

От слез у него поплыло в глазах. Хорошо бы Рикке была здесь! Она бы превратила все в шутку, начала бы валять дурака, и ему... стало бы *хорошо*. Прошло так много времени с тех пор, как ему бывало хорошо!

– На сегодня все. – Лекарь принялся наматывать вокруг бедра Лео свежие повязки, пряча под ними этот сморщенный красный глаз.

Он мечтал о том, чтобы вести армии и одерживать великие победы, как рассказывается в книгах. Он мечтал о том, чтобы сразиться на круге и завоевать имя великого воина, как поется в песнях. Он мечтал о том, чтобы выйти из тени своей матери на свет всеобщего признания и быть провозглашенным лордом-губернатором Инглии.

Все это ему удалось.

И вот куда его это привело.

Вот в чем беда с песнями: действие в них заканчивается до того, как все превращается в дерьмо.

Лететь по ветру

Нижний, нахмурясь, оглядывал выгоревшие остатки амбаров и домов. Пара дымовых труб еще оставались стоять, пара обгорелых балок еще торчали, тычась в розовое утреннее небо. Нижний отхаркнулся, погонял результаты этого действия у себя во рту, словно пробовал эль, потом сплюнул. Плеваться он был большой любитель. Должно быть, это было его любимым времяпровождением – если не считать убийства людей.

– Прямо как та деревня, откуда я родом, – проговорил он.

– Ага, – отозвался Клевер. – Хотя деревни все выглядят одинаково после того, как их спалили.

– Ты так говоришь, будто много их видел.

– Прежде, в военные времена... – подумав, Клевер виновато хмыкнул, – ...пожалуй, это было еще до того, как вы все родились... Тогда сгоревших деревень на Севере можно было видеть больше, чем несгоревших. Я-то надеялся, что те дни миновали, но... Сам знаешь, как это бывает: иногда надеешься на что-то и будто этим самым притягиваешь что-то прямо противоположное.

Сзади снова послышались клокотание и звуки рвоты. Клевер обернулся взглянуть.

– В тебе еще что-то осталось?

– Все, уже... – Хлыст выпрямился, утирая рот, – ...выходит только что-то вроде соплей, и больше ничего.

И он украдкой взглянул вбок краешком глаза, будто от этого зрелище могло стать приятнее.

Было видно, что когда-то это были люди. Тут рука, там лицо. Но по большей части это были просто куски мяса, пригвожденные повыше или болтающиеся на обгорелых сучьях деревьев, стоявших посередине деревни, где разбавленный дождем пепел превратился в черную жидкую грязь. Вокруг одного из стволов было что-то намотано – у Клевера было неприятное чувство, что это вполне могут оказаться чьи-то кишки. Словом, что тут говорить, кошмарная картина.

– Чертовы плоскоголовые, – пробормотал Хлыст и снова перегнулся вперед, чтобы выкашлять еще одну струйку клейкой слюны.

– Вождь...

– Во имя мертвых! – заорал Клевер, едва не выпрыгнув из штанов от испуга.

Шолла выскользнула из кустов, молчаливая, как раскаяние, и теперь сидела на корточках в каком-то шаге от него: один глаз большой и белый на вымазанном пеплом лице, второй поблескивает из гущи спутанных волос.

– Подкрадывайся *к ним*, девчонка, а не ко мне! Я едва не обоссался!

Вообще-то он боялся, что это все же случилось. Так, капельку.

– Прости.

Она вовсе не выглядела виноватой. Как всегда, она вообще никак не выглядела. Камни могли бы поучиться бесстрастности у этой девчонки.

– Надо повесить на тебя колокольчик, – пробурчал Клевер, нагибаясь к ней и пытаясь утихомирить бешено стучащее сердце. – Что там у тебя?

– Плоскоголовые оставили следы. Взяли с собой овец. Клочки шерсти на деревьях. Следов полно повсюду. С таким же успехом они могли ехать на повозке. Выследить проще простого. Хочешь, я их выслежу? Давай я их выслежу! – Похоже, Шолла провела столько времени в одиночестве, в компании одних только деревьев, что перестала понимать, какое количество слов может быть необходимым. То роняла их по одному, словно кинжал втыкала, то сыпала сплошным потоком. – Хочешь, вождь, пойдём вместе?

Клеверу до сих пор не особенно нравилось, когда его называли вождем. Самый высокий цветок зачастую срывают в первую очередь. Ни один из тех, кого он сам называл вождем за эти годы, не дожил до счастливой старости.

– Вообще-то не очень хочу. – Он протянул руку, указывая на прибитые к дереву останки: – Мне совсем не улыбается мысль о том, чтобы мои потроха тоже оказались выставлены в таком вот виде.

Повисла пауза. Тот глаз Шоллы, который был виден, а с ним и тайный отблеск второго, повернулись в направлении Нижнего, и тот пожал могучими плечами. Взгляд девушки скользнул дальше, к Хлысту, и тот простонал, выпрямился и снова утер рот рукой. Взгляд скользнул в сторону останков – те, разумеется, оставались висеть на своем месте, среди деревьев. Наконец она перевела взгляд обратно на Клевера:

– Но мы ведь *пойдем* за ними, правда?

Клевер раздул щеки. Он только и делал, что раздувал щеки с тех самых пор, как Стур выдал ему эти отбросы со дна горшка и велел идти охотиться на шанка. Однако когда твой вождь ставит перед тобой задачу, ее нужно выполнять, верно? Даже если это далеко не та задача, которую ты выбрал бы сам.

– Да, – буркнул он. – Пойдем.

* * *

– Вождь?

– Чего тебе?

Хлыст опустил рядом на колени в мокром кустарнике, нервно крутя копьё в бледных руках.

– О чем ты думаешь?

Клевер встал, попробовал отыскать прогал в листве, чтобы выглянуть в долину. Кряхтя, вытянул одну затекшую ногу, потом вторую, потом опять присел на корточки.

– Прошрое... То, что я сделал, и то, что мог сделать по-другому.

– Сожаления, да? – Хлыст задумчиво покивал, будто много знал о сожалениях, хотя парень едва ли видел больше шестнадцати зим.

– Могло бы быть сплошным шествием удач и триумфов, верно?

– Что-то не похоже.

– М-да уж... – Клевер длинно вдохнул через нос. – Лететь по ветру, вот чему надо учиться. Отпускать прошрое. От обсасывания своих ошибок никому пользы не будет.

– Ты и правда так думаешь?

Клевер открыл было рот, чтобы ответить, потом пожал плечами:

– Во всяком случае, это то, что я постоянно говорю. Спроси меня еще что-нибудь, и наверняка скоро услышишь мою любимую байку про то, что нужно уметь выбирать момент.

– Привычка, так, что ли?

– Я как та баба, которая годами готовит муженьку на ужин одну и ту же похлебку, с каждым разом все сильнее ее ненавидит, но больше ничего готовить не умеет.

Нижний, осматривавший свою секиру, поднял голову и хмыкнул:

– Кто захочет жениться на такой суке?

Клевер снова раздул щеки:

– И действительно, кто?

Как раз в этот момент Шолла огромными скачками взбежала вверх по оврагу, прыгая с камня на камень и на этот раз не заботясь о том, чтобы не шуметь. Она бросилась в кусты и остановилась в подлеске, едва не пролетев мимо Клевера. Девушка тяжело дышала, ее лицо блестело от пота, но в целом смертельная гонка по лесу ее, казалось, особо не взволновала.

- Идут? – спросил Хлыст голосом, визгливым от сдерживаемого страха.
- Ага.
- Все? – спросил Нижний голосом, хриплым от сдерживаемого нетерпения.
- Почти.
- Ты уверена? – спросил Клевер.

Она бросила на него взгляд сквозь спутанные волосы, в которых застряла пара сломанных веточек.

- Я неопровержима.

– Это точно, – хмыкнул он с тенью улыбки на губах. Что-то подобное могла бы сказать Чудесница.

А потом Клевер их услышал, и его улыбка быстро сползла. Сперва это был вой – словно стая волков где-то вдалеке, так что волоски на его загривке встали дыбом. Затем грохот и лязг, словно толпа бегущих людей в доспехах, и у него пересохло во рту. Затем бешеное фыркание, уханье, лопотание и щебет, словно нечто среднее между стадом голодных кабанов и стайей рассерженных гусей, и у него принялись чесаться ладони.

- Готовься! – прошипел он.

Люди в подлеске вокруг него зашевелились, крепче сжимая оружие.

– Ну, как говаривал Рудда Тридуба, лучше мы их, чем они нас! – Он пихнул Шоллу краем щита: – А ты давай-ка назад, живо.

– Я могу драться! – шепотом возразила она. Клевер увидел, что она вытащила боевой топорик и неприятного вида нож с длинным тонким лезвием. – Я могу драться лучше, чем этот твой герой-блевун!

Хлыст выглядел слегка уязвленным, но в то же время и слегка зеленоватым с лица.

– Здесь куча народу, который может драться, – отозвался Клевер, – но только одна девчонка, которая может подкрасться к белке и ухватить ее за хвост. Назад, я сказал.

Среди деревьев мелькнуло тело, потом еще одно – а потом они вырвались из зарослей на открытое место, мигом заполонили ложбину, просочились между отвесных скал и устремились напрямик на Клевера. В точности как он и планировал. Вот только сейчас его план больше не казался таким уж умным.

Они неслись мерзкой волной, гикая и улюлюкая, топоча и болбоча, прихрамывая на ногах разной длины, средоточие зубов, когтей и безумной ярости. Перекрученные, бесформенные тела, пародия на людей, кое-как сляпанная из глины ребенком, из которого никогда не получится скульптора.

- Черт! – всхлипнул Хлыст.

Клевер ухватил его за плечо и крепко сжал:

- Спокойно.

В такой момент каждый думает о том, чтобы драпануть, – хоть полмыслишки, да имеется, – и достаточно одного, кто действительно это сделает, чтобы остальные решили, что это отличная идея. Не успеешь глазом моргнуть, как вместо ожидаемой победы будешь удирать по лесу от погони. А у Клевера слишком болели колени, чтобы гоняться по лесам, не говоря уже о том, чтобы делать это в качестве добычи.

– Спокойно, – прошипел он снова, глядя, как шанка карабкаются все ближе, как блестит солнце на зазубренных кромках их примитивного оружия, на пластинах и заклепках, вделанных в их громоздкие тела.

- Спокойно, – беззвучно выдохнул он, наблюдая, выжидая, пробуя момент на вкус.

Он уже мог видеть их лица – если это можно было назвать лицами. Один из передовых напялил на голову перемазанный кровью женский капор, другой размахивал ржавым человеческим мечом, у третьего поверх лица был приторочен конский череп, голова четвертого была

покрыта шлемом, сделанным из ложек, – то ли он согнул их, нагрев на огне, то ли просто вколоти́л в свою башку. Между полосками металла пучились бугры шершавой кожи.

Главное – ухватить момент, прежде чем он проскользнет у тебя между пальцев.

– Копья! – взревел Клевер, и люди повыскакивали из подлеска, выставив длинные острые орудия вниз по склону ложбины, так что плоскоголовым было больше некуда бежать. Твари замешкались, заскользи́ли по траве, цепляясь когтями, застигнутые врасплох выросшей перед ними чащей сверкающих лезвий. Один, не успев остановиться, полетел прямо на копья, насадил себя глоткой на острие и повис, плюясь черной кровью и пытаясь обернуться, с видом некоторого недоумения от того, что это не получается.

Клевер едва не пожалел его. Но жалость – это всегда потеря времени, особенно в бою.

– Стрелы! – снова заревел он, и бойцы, спрятанные по сторонам ложбины, высунулись из-за скал. Запели тетивы, и на шанка дождем посыпались стрелы, грохоча, отскакивая, втыкаясь в плоть. Клевер увидел одного, бешено молотящего лапами воздух, извивающегося в попытке дотянуться до древка, торчащего сзади из его шеи. Раз за разом лучники накладывали стрелы, натягивали и спускали тетиву – не сложнее, чем перестрелять ягнят в загоне. В обратном направлении пролетело одинокое копье, но отскочило от камня, не причинив никому вреда.

Плоскоголовыми начинало овладевать смятение. Похоже, шанка и люди, будучи загнаны в тупик и оказавшись под ливнем стрел, вели себя примерно одинаково. Один попытался вскарабкаться на скалы, в него вонзилось три стрелы, и он рухнул на голову другого. Третий ринулся прямо на копья и пропорол себе брюхо; лезвие раскромсало ему бок снизу доверху и вырвало из плеча металлическую пластину – на изнанке блеснули окровавленные болты.

Клевер увидел, как один плоскоголовый волочит другого, с засевшей в груди стрелой, пытаясь утащить его в тыл – почти то же самое, что сделал бы человек. По крайней мере, более великодушный человек, нежели он сам. Есть над чем задуматься. Неужели у плоскоголовых, помимо крови и воплей, напоминающих человеческие, имеются еще и чувства, как у людей?.. Потом в голову волочившего воткнулось древко стрелы, и он рухнул поверх своего товарища, и на этом демонстрация человеческих чувств закончилась. С обеих сторон.

Клевер почувствовал, что они готовы сломаться.

– Секиры! – заорал он, и копейщики расступились, очень даже аккуратно. Довольно похоже на то, как они практиковались, что в данных обстоятельствах казалось почти чудом. Из дыры повалили лучшие бойцы, которых дал ему Стур, – кольчуги, щиты и добрые секиры, молотящие плоскоголовых сверху, с горы, со звуком, похожим на стук града по жестяной крыше.

Нижний, конечно, был впереди всех. Это был мрачный ублюдок. Бешеный. Он дрался с тем полным отсутствием заботы о собственной безопасности, с которым люди обычно быстро расстаются, если не погибают от него еще быстрее. Чертовски сильный боец, но никто не хотел с ним связываться по причине того, что у него была привычка увлекаться настолько, что ему было уже все равно, кто попадет под его секиру на отмашке. Или даже под прямой удар, если на то пошло.

И тем не менее, если тебя послали драться с монстрами, неплохо иметь парочку монстров на своей стороне. Кроме того, откровенная радость, с какой Нижний кидался навстречу Великому Уравнителю, напоминала Клеверу его самого двадцать лет назад, когда его еще называли Йонасом Крутое Поле и неудачи еще не научили его ступать осторожнее.

Как раз когда он был готов поздравить себя с тем, что ему удалось остаться в стороне от заварушки, один из копейщиков взвыл и рухнул на землю, схватившись за плечо, и на его месте оказался гигант-плоскоголовый, с ревом потрясаящий огромной шипастой палицей.

Клеверу еще не приходилось видеть шанка ни таких огромных размеров, ни настолько бронированного. Плоскоголовые любили заклепывать в свои шкуры любые металлические

предметы, какие только могли найти, – но этот был с ног до головы покрыт коваными пластинами! Он зарычал, брызжа фонтанами слюны, и взмахом палицы сбил с ног еще одного человека. Остальные поспешно попятились, и Клевер мог без стыда признать, что он был в их числе, с такой же отвисшей челюстью и так же высоко поднятым щитом.

Великан шагнул вперед, занося палицу... потом хрипло вскрикнул, зашатался и упал на одно колено. Шолла, проскользнувшая ему за спину, деловито пристроила свой нож между двумя пластинами на его голове и долбанула по рукоятке обухом своего топорика – спокойно, словно вбивала гвоздь. Послышался глухой хруст, и нож вошел в череп шанка по самую рукоятку, вытолкнув один глаз из его окованной железом головы.

– Черт, – проговорил Клевер, когда гигант рухнул на землю возле его ног со звуком, напоминающим падение шкафа с кухонной утварью.

– Говорила же, я могу драться, – сказала Шолла.

Похоже, на этом дело было покончено. Последние несколько плоскоголовых драпали со всех ног. Клевер увидел, как одного из них срубили секирой – кровь хлынула водопадом, – другой упал со стрелой в спине. Еще парочка удирала вниз по ложбине еще быстрее, чем явилась сюда.

– Пускай бегут! – крикнул Клевер лучникам. – Пускай принесут весточку остальным. Будут держаться к северу от гор, и мы не будем ссориться. Захотят двинуться южнее – Великий Уравнитель ждет их!

Нижний смотрел им вслед: глаза расширенные, шальные, в бороде струйки слюны, кровь струится по лицу. Никто не хотел говорить ему, что бой окончен, и, говоря по чести, Клевер тоже не особо рвался. Но в том-то и дело – когда ты вождь, ты попросту не можешь воздеть руки к небесам и предоставить другим разбираться со всеми проблемами.

Поэтому Клевер осторожно подошел к нему, подняв одну руку с раскрытой ладонью, а второй теребя рукоять ножа сзади на поясе. В конце концов, нож под рукой никогда не помещает.

– Ну, полегче, – проговорил он, будто пытаясь усмирить злобного пса. – Спокойно.

Нижний глянул на него – и взгляд его был вполне себе мирным, как ни странно.

– Я спокоен, вождь, – отозвался он, утирая кровь с лица. – Правда, поранился.

– Ну, в драке не всегда стоит выбирать собственное лицо в качестве оружия.

Клевер отпустил нож и принялся осматривать изрубленные секирами, истыканные копьями, щетиныщиеся стрелами трупы, которыми была теперь завалена ложбина. Бой выигран, и ему даже не пришлось ни разу поднять оружие.

– Клянусь мертвыми, – пробормотал Хлыст. На конце его копья был нанизан шанка. Он все еще подергивался.

– Смотри-ка, ты тоже достал одного, – удивился Нижний.

Поставив ногу плоскоголовому на шею, он одним ударом разрубил ему череп.

– Клянусь мертвыми... – повторил Хлыст, выронил копье, и его вырвало.

– Некоторые вещи не меняются, – заметила Шолла, пытаясь вытащить свой кинжал из черепа великана-шанка.

– Все вышло в точности как ты говорил, вождь. – Нижний перекатил ногой мертвого шанка и оставил его пялиться в небо.

– Ты зря во мне сомневался, – ответил Клевер. – Самое важное оружие, которое ты берешь с собой в любую битву, – это не копье, не стрелы и не секира.

– Меч? – удивленно спросил Хлыст.

– Неожиданность, – сказал Клевер. – Неожиданность делает храбрецов трусами, сильных – слабыми, умных – дураками.

– Ну и страхолюдины, верно? – сказала Шолла.

Она все тащила, тащила – и едва не упала на спину, когда кинжал внезапно высвободился.

– Я всегда неловко себя чувствую, критикуя внешность других... Слушай, Нижний, ты ведь когда-то работал у мясника?

– Верно.

– Может, ты бы смог тогда показать людям, как разрезать этих ублюдков?

– Зачем это тебе понадобилось? Хочешь сделать из них сосиски?

Кое-кто рассмеялся. Они были готовы смеяться чему угодно теперь, когда драка была окончена и их почти наверняка ждало жирное вознаграждение.

– Сосиски плохи тем, что ты никогда не знаешь, что в них положили, – сказал Клевер. – А я хочу, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений. Разложи их так же, как они устроили с теми бедолагами в деревне. Может, мы не говорим на языке шанка, но головы на деревьях будут понятны на любом языке. Да, и заодно кинь несколько штук в тот мешок, показать Стуру.

Хлыст уныло вздохнул:

– Хочешь порадовать девчонку – тащи ей букет цветов. Хочешь порадовать короля Севера – тащи мешок с головами.

– Наблюдение грустное, но от того не менее верное, – отозвался Клевер.

– А мне цветы не по вкусу, – заметила Шолла.

– Вот как?

– Никогда не понимала, в чем смысл их дарить.

– А нет никакого смысла. В этом и смысл.

Девушка склонила голову набок, явно задумавшись.

Нижний хмуро глянул на трупы плоскоголовых, поигрывая секирой и прикидывая, с чего начать.

– Никогда не думал, что стану тем, кто набивает мешки головами.

– Такие занятия никто не выбирает по доброй воле, – ответил Клевер, снова раздувая щеки. – Однако не успеешь оглянуться, и ты уже на этой чертовой дорожке.

Видения

- Она приходит в себя.
- Хвала мертвым! – услышала Рикке голос отца, прорывающийся сквозь шипящую черноту. Она застонала и вытолкнула изо рта пропитанный слюной штифт. – Но это уже четвертый раз за эту неделю.
- Припадки становятся все хуже, – прохрипела Рикке.
- У нее ныли зубы, голова раскалывалась. Она разлепила один глаз, потом другой. Над ней стояли Изерн и ее отец, озабоченно глядя на нее.
- По крайней мере, на этот раз я не обделалась.
- Чтобы гадить, ты должна сперва есть, – отозвалась Изерн, как всегда, с каменным лицом. – Что ты видела?
- Я видела реку, полную трупов.
- Покачивающихся в воде, переворачивающихся, одни лицами вверх, другие лицами вниз.
- Я видела двух стариков, которые сражались на круге, и двух молодых женщин, которые держались за руки под золотым куполом.
- В позолоченной пустоте все еще звенели отголоски аплодисментов.
- Я видела знамя с изображением глаза, водруженное позади высокого кресла.
- И в кресле кто-то сидел... кто это мог быть?
- Я видела старуху... – Сморщившись, Рикке прижала ладонь к левому глазу, который был горячим словно уголь, и содрогнулась своему воспоминанию, еще мерцавшему на внутренней стороне век. – Ее лицо было сшито золотой проволокой. Она говорила со мной...
- Изерн тяжело опустилась на корточки.
- Я знаю, кто это.
- Ты уверена? – спросил у нее отец Рикке.
- Такое лицо трудно с чем-то спутать, верно? Она ведьма. – Изерн взялась за свисавшее с ее шеи ожерелье из рун и фаланг человеческих пальцев и крепко стиснула, так что ее татуированные костяшки побелели. – Это женщина, которую сильно любит луна, или, может быть, сильно ненавидит.
- Никогда прежде Рикке не видела, чтобы Изерн-и-Фейл чего-нибудь боялась. Это заставило ее саму ощутить страх – еще больший страх, чем обычно.
- Это ведьма, которая возвратилась из страны мертвых.
- Никто не может уйти от Великого Уравнителя, – пробормотал отец Рикке.
- Уйти не может. Но говорят, есть такие, кого... – голос Изерн упал до царапающего шепота, – ...посылают назад.
- Она наклонилась ближе, вцепившись в плечи Рикке жесткими пальцами:
- Что она тебе сказала?
- Что я должна выбрать, – прошептала Рикке, покрывшись холодным потом.
- Выбрать что?
- Я не знаю.
- Изерн оскалилась, высунув кончик языка в дыру на месте отсутствующего зуба.
- В таком случае наша дорога лежит наверх, в Высокогорье. Там есть запретное озеро, и возле него – запретная пещера. В ней она и живет. Если можно так сказать о мертвой.
- Отец Рикке уставился на нее:
- Нам действительно так уж необходимо искать помощи у бывшего трупа, сшитого золотой проволокой?
- Помощь в странных проблемах приходит от странных людей.

– Да, наверное. – Отец помог Рикке подняться. В глазницах пульсировала знакомая до отвращения боль. – Ты должна что-нибудь поесть.

При одной мысли об этом к ее горлу подступила тошнота.

– Я не голодна.

– Посмотри на себя, девочка: одна кожа да кости!

– Мне просто нужно глотнуть свежего воздуха. Просто немного подышать.

Изерн толкнула скрипнувшую дверь, и в щели блеснули ослепительные кинжалы, тыча, тыча прямо в глаза. Застонав, Рикке закрыла один глаз полностью, а во втором оставила лишь щелку. Ей помогли переправиться через порог. Она чувствовала себя слабой, словно новорожденный теленок. Все болело: подошвы ног, кончики пальцев, даже внутри задницы.

Ее усадили на любимую скамейку ее отца в заросшем саду, с видом на крутые улицы Уфриса, спускающиеся к поблескивающему морю.

– О-о, это сволочное солнце, – пробормотала она, однако умудрилась улыбнуться, когда налетевший соленый ветерок принялся целовать ее липкое от пота лицо. – А вот ветер – добрый друг.

– Там, куда мы отправляемся, все наоборот, – заметила Изерн, взваливая ей на плечи тяжелую овчину. – Там, в горах.

– Все зависит от того, где ты находишься. – Отец взял ладони Рикке обеими руками. – Мне нужно возвращаться к этому треклятому собранию. Если меня не будет, они там все перессорятся.

– Когда ты там, они ссорятся еще больше. Прямо как дети, честное слово.

– Рикке, мы все как дети. Чем ты старше, тем больше понимаешь, что не будет взрослых, которые вдруг придут и сделают все как надо. Если ты хочешь, чтобы что-то было сделано как надо, тебе придется делать это самому.

– Вот когда пригодятся мой хребет и мозги, как ты говорил?

– И сердце, Рикке. И сердце.

Она сжала ладони отца, такие хрупкие и скрюченные.

– Я боюсь, что они тебя измотают.

– Меня? – Его улыбка никого не убедила. – Ни за что!

– Они уже тебя измотали!

Он снова улыбнулся, на этот раз более искренне:

– Это и значит быть вождем: ты принимаешь трудные решения, чтобы твоим людям не приходилось иметь с ними дело. – Он встал, отряхнул колени, взглянул вокруг на заросшие сорняками клумбы. – Когда-нибудь я усмирю этот чертов сад, вот увидишь! Посиди пока тут на ветерке. Посиди, отдохни.

В общем-то, у нее не было особого выбора. Ни на что другое все равно не было сил. Рикке сидела, слушая, как визгливо кричат на крышах чайки, как жужжат пчелы на первых неуверенно распускающихся в саду цветочках. Смотрела на рыбаков у причалов, на женщин у колодца, на плотников, все еще залечивающих раны, которые нанес Уфрису Стур Сумрак. Она подумала о том, доживет ли ее отец до того, чтобы увидеть, как все снова станет как надо. При этой мысли ей стало грустно. Грустно и одиноко. Кем она станет, когда не станет его?

Она снова прикрыла глаза, чувствуя, как щиплют слезы. В последнее время она едва отваживалась смотреть, боясь увидеть что-нибудь, чего там еще нет. Едва осмеливалась дышать, боясь задохнуться гарью давно прошедших лет. Изерн всегда твердила, что Долгий Взгляд нельзя раскрыть насильно – но она попыталась это сделать, когда Лео дрался на круге со Стуром Сумраком. Попыталась – и увидела трещину в небе. Попыталась – и увидела слишком много, и теперь никак не могла заставить свой Долгий Взгляд закрыться обратно.

– Говорят, у тебя был приступ?

Над ней нависла лохматая фигура. На месте одного глаза – тусклый отблеск.

- Привет, Трясучка, – отозвалась она.
- Он сел рядом и принялся глядеть в сторону моря.
- Привет, тощая.
- Невежливо так говорить.
- Я же прославленный убийца, чего ты еще ожидала?
- Убивать тоже можно вежливо.

И тут она заметила, что здание неподалеку от них горит. Точнее сказать, пылает словно факел – языки пламени вырываются из окон, горящая солома вихрем вздымается над крышей.

Рикке осторожно прокашлялась. Даже от этого в голове застучали молотки.

– Слушай... видишь вон тот дом?

Из дверного проема, шатаясь, выбрел охваченный огнем человек и рухнул наземь рядом с колодцем. Никто не обращал на него внимания.

- Какой? Постоялый двор?
- Ага. Тебе не кажется, что он... ну, в общем... как будто горит?
- Трясучка поднял брови – по крайней мере, ту бровь, которая у него оставалась.
- Да нет, я бы так не сказал. А по-твоему, он горит?

Рикке вздрогнула, увидев, как дымовая труба покачнулась и обрушилась на почерневшие балки, подняв сноп искр.

- Да, немножко. Но у меня есть дурная привычка – видеть то, чего нет.
- Становится хуже?

– Как бы я ни старалась видеть во всем светлую сторону, но похоже, что так. – Рикке почувствовала, как на глаза набегают слезы, и была вынуждена утереть их. Левый глаз снова был горячим. Теперь он был горячим постоянно. – Изерн говорит, что в горах есть женщина, которая может помочь. Мертвая ведьма с лицом, зашитым золотой проволокой.

- Ты собираешься искать помощи у нее?
- Помощь в странных проблемах приходит от странных людей.
- Пожалуй, – отозвался Трясучка.
- Я сейчас готова принять все, что мне предложат. А у тебя как дела?
- Да вот, сидел на собрании у твоего отца. Говорили о будущем.
- И что там, в будущем?
- У тебя Долгий Взгляд, ты и скажи.

Рикке вновь уставилась на горящее здание, которое на самом деле не горело. Соседний дом тоже понемногу занимался – пока что лишь несколько мест на соломенной крыше. Во имя мертвых, как ей хотелось броситься к ведру с водой! Но как потушить пламя, которого еще нет? Или которое уже давно прогорело?

– Огонь и разрушение, – пробормотала она.

Трясучка хмыкнул:

– Ну это можно предсказать и без всякой магии. Красная Шляпа говорит, что Протекторат должен быть частью Союза – чтобы у нас были свои места в их гребаном Открытом совете, и все такое прочее.

- Как-то трудно представить.
- А Оксель говорит, что мы должны преклонить колени перед Стуром Сумраком.

Скривив губу, Рикке попыталась сплунуть, но она была настолько слаба, что почти все потекло спереди по одежде.

- Отдать ему все своими руками, не дожидаясь, пока он возьмет это силой?
- Или попробовать что-то выторговать, пока у нас еще есть с чем торговаться.
- А что думает Черствый?

– Он пока не может решить, что ему больше нравится, поэтому соглашается со всеми, кто высказывает свое мнение. Во всяком случае, никто не верит, что мы сможем оставаться как мы есть после того, как твоего отца не станет. И никто не верит, что он протянет еще долго.

Рикке заморгала:

– Жестоко так говорить.

Металлический глаз Трясучки блеснул, отражая пламя.

– Я же прославленный убийца, чего ты еще ожидала?

Во имя мертвых! Теперь горел уже весь Уфрис, облака окрасились оранжевым, желтым и красным, а воздух наполнился воплями, лязгом и прочими звуками войны. Испустив полу-вздых-полустон, идущий из самого пустого желудка, Рикке закрыла саднящие глаза и прижала их сверху ноющими ладонями, но даже так продолжала чувствовать волны жара на своем лице, ощущать едкий дым в своих ноздрях.

Между ее зубами что-то засунули; она подавилась, попыталась вырваться, охваченная внезапной паникой, но не смогла двинуться – что-то крепко держало ее, как лед держит вмерзающее в него тело утопленника.

– Она приходит в себя.

– Хвала мертвым! – услышала Рикке голос отца сквозь шипящую черноту. – Но это уже четвертый раз за эту неделю.

Она рванулась вверх, ощущая за веками режущую боль, и выплюнула штифт.

– Припадки становятся все хуже!

Она снова была в своей комнате. У нее ныли зубы, голова раскалывалась. Мутным взглядом она посмотрела вверх, на озабоченное лицо отца, пытаясь сообразить, что происходит.

– Что ты видела? – спросила у нее Изерн. Снова.

– Реку, полную трупов, и сражающихся стариков, и молодых женщин, держащихся за руки, и знамя с глазом, и старуху... – забормотала Рикке, прижимая ладонь к левому глазу, горячему словно уголь. – Ее лицо было сшито золотой проволокой...

Те же слова хлестали из нее потоком. Те же слова, что и прежде.

– Она сказала, что я должна выбрать.

Изерн тяжело опустилась на корточки – в точности как в прошлый раз, – и ее челюсть задвигалась, когда она засунула кончик языка в дыру на месте недостающего зуба.

– Что это значит?

– Ты знаешь, что это значит! – отрезала Рикке. Каждое слово было новым кинжалом, вонзающимся в голову. – Ты сама мне все объяснила!

– И что я сказала?

– Что это ведьма, которую прислали назад из страны мертвых. Что луна ее либо очень любит, либо сильно ненавидит. Что она живет в Высокогорье, в запретной пещере возле запретного озера. Ты сказала, что мы должны отправиться туда повидать ее.

С каждым ее словом Изерн выглядела все более напуганной. Никогда прежде Рикке не видела, чтобы она чего-нибудь боялась – разве что вот только что, в видении. Это заставило ее ощутить еще больший страх, чем в последний раз.

– Ну, я же не буду спорить сама с собой, верно? – буркнула Изерн.

– Нам действительно так уж необходимо искать помощи у бывшего трупа, который заново скрепили золотой проволокой? – спросил отец Рикке. Снова.

Изерн пожала плечами:

– Помощь в странных проблемах...

– ...приходит от странных людей, – закончила за нее Рикке.

Народный любимец

– Змеи! – завопила какая-то женщина, и Вик отшатнулась, только спустя мгновение поняв, что это не предостережение, а выкрик торговки. – Лучшее змеиное мясо в городе!

Женщина замахала чем-то наподобие красной веревки перед полным ужаса лицом Огарка. Вик раздраженно протиснулась мимо, распахивая людей. Вежливостью в Вестпорте было ничего не добиться. На ней и в других местах далеко не уедешь.

– В жизни не был в таком людном месте, – пропыхтел Огарок, уворачиваясь от жилистой суджукйки, которая жонглировала выдолбленными тыквами.

В Вестпорте и всегда было жарковато, но сейчас, когда вокруг повсюду пылали печи, жаровни, очаги дюжины различных народностей, жара была удушающей. Над ними навис смуглый бородач с длинными клинками в руках, и Вик схватилась было за карман – но то были всего лишь шампуры, унизанные обгорелыми комками мяса.

– Такой сочный барашек ты никогда не пробовал! – проревел он в лицо Огарку.

– Спасибо, я...

– Никогда не говори, если можешь промолчать! – буркнула Вик, утаскивая его прочь. – Для этих людей твое «нет» – удачное начало разговора. Ага, вот и он!

Сквозь колышущееся облако пара над огромной сковородой с рисом она заметила Солумео Шудру с тремя охранниками, державшимися к нему вплотную. Двое были стирийцы – массивные, но, на взгляд Вик, не особенно опытные. Третий, южанин, быстроглазый, с заткнутым за пояс исцарапанным мечом, явно представлял наибольшую опасность. Наверняка он и двигается так же быстро. Однако никто не может быть наготове все время, особенно в такой толпе. Ей требовалось всего несколько секунд, чтобы подобраться поближе. Быстрое движение клинка... И потом снова раствориться в хаосе, прежде чем кто-либо успеет осознать, что человек, который мог бы вывести Вестпорт из состава Союза, уже мертв.

– Ты уверена? – прошипел Огарок ей в ухо, ухватив за локоть, сквозь лязг сковородок, грохот ложек и ножей, выкрики торговцев. – Лорсен сказал нам его не трогать!

– Если бы я всегда делала то, что мне говорят, то до сих пор была бы в какой-нибудь шахте в Инглии. Или была бы мертва.

Огарок поднял брови:

– Или и то и другое?

– Весьма вероятно.

Она выдернула свою руку и принялась продираться вслед за Шудрой и его охранниками сквозь забитый людьми арочный проход. Они оказались на рынке пряностей, по-своему столь же ослепляющем, оглушающем и удушающем, как любая из вальбекских фабрик. Корзины и бочонки вздымались кренящимися башнями, на полках теснились блестящие банки с маслами. Солнечный свет оживлял все краски: ярко-красные, оранжевые, желтые порошки, листва всех оттенков зеленого и коричневого. Весы и монеты брэнчали и звякали, мужчины и женщины торговались на десяти с лишним языках, вопя, что именно у них – самые лучшие товары! самые дешевые цены! самые честные мерки!

Шудра был впереди, он заговорил с одним из торговцев на стирийском, потом с другим – на одном из кантийских наречий, обращаясь то к одному, то к другому и заставив обоих смеяться, пожимая им руки, хлопая их по плечам. Вик притворилась, будто рассматривает прилавок, где были разложены палочки благовоний. Сдерживая дыхание, чтобы не задохнуться от их удушающего аромата, она одним глазом следила за Шудрой сквозь мельтешение толпы. Он зачерпнул из корзины пригоршню засушенных ярко-красных бутонов, поднес к носу, глубоко вдохнул и просиял, улыбаясь продавцу, словно никогда не нюхал ничего прекраснее.

– Народный любимец, а? – пробормотал Огарок.

– Да, он здесь свой человек, – отозвалась Вик. Именно это и делало его такой угрозой. Она двинулась следом, чувствуя, как металл в кармане стучается о заостреннее бедро. – Но ножи так же убивают тех, кого любят, как и тех, кого ненавидят.

– Это даже проще, – пожал плечами Огарок. – Те, кого любят, обычно ничего не подозревают.

Перед ними возник огромный паланкин, и Вик поднырнула под него, едва не сбив с ног одного из носильщиков, так что вся громада зашаталась. Не обращая внимания на вопли и брань пассажиров позади, она продолжала протискиваться сквозь людской поток.

Раздался устрашающий рев, и Огарок отпрыгнул от какой-то клетки так резко, что упал бы, если бы Вик его не поддержала. Мать-перемать, тигр! Она никогда прежде не видела этих зверей и едва могла поверить, насколько он огромный, сколько в нем мощи, какая это масса ярко окрашенного меха и мышц. Тигр поворачивался из стороны в сторону, яростно скаля огромные зубы.

– Кровь и ад, – пискнул Огарок, когда Вик потащила его дальше, держа за запястье. Они были на зверином рынке. Их окружали визги и вой, уханье и рычание всевозможных животных. Какой-то мальчишка сунул ей прямо под нос печальную обезьянку, и Вик раздраженно отмахнулась.

– Ну и иди в... – крикнул он с сильным акцентом, уже пропадая среди множества других лиц.

Вик нагнулась, пытаясь высмотреть Шудру сквозь лес ног, потом привстала на цыпочки. Наконец она махнула рукой в сторону одной из крыш. Там на помосте стоял нанятый ею человек, делая вид, будто чинит разваливающуюся трубу. Поймав ее взгляд, он кивнул в сторону бокового проулка.

– Сюда! – Вик развернулась в ту сторону, стараясь не бежать. Между высокими зданиями царил неожиданный полумрак, на стенах, увенчанных ржавыми острями, были намалеваны какие-то лозунги. В дверных проемах блестели глаза, провожая взглядами их поспешное движение. Обгоревший на солнце северянин, валявшийся на груде мусора, прокричал что-то, маша им вслед бутылкой.

Вниз по лестнице, прыгая через три ступеньки, с каждым шагом разбрызгивая вонючую воду. Переулок стал таким узким, что Вик пришлось повернуться боком, чтобы проскользнуть дальше. Спереди донеслись отголоски торжественного пения, потом их накрыл гомон множества возбужденных голосов, и они вырвались на открытое пространство, вымощенное вытертым булыжником.

С одной стороны вздымался Великий храм Вестпорта: шесть высоких башенок, похожих на вальбекские трубы, но увенчанные золотыми шпильями вместо облаков дыма.

Перед храмом в беспорядке теснились помосты. Точнее, подмостки, на которых выступали мужчины и женщины, одетые в мантии и в тряпье, увешанные гирляндами талисманов и бус, потрясающие книгами и посохами. Взывающие охрипшими голосами к маленьким полумесяцам любопытных зевак, рубящие воздух ладонями, указывающие в небеса скрюченными пальцами, пучащие глаза от волнения и уверенности в своей правоте, обещающие спасение и грозящие проклятием. Каждый уверял, что все остальные – мошенники и лишь он один имеет ответы на все вопросы.

Вик презирала их, жалела их, но в глубине ее души таилась и хорошо спрятанная зависть. Ей хотелось бы знать, каково это – так сильно верить во что-то. Настолько, чтобы быть готовым умереть за это. Как Сибальт. Как Малмер. Как ее брат. Как это было бы чудесно – быть уверенным! Знать, что ты – на правой стороне, а не просто на стороне победителей. Но человек не может поверить просто потому, что он так выбрал, правда ведь?

– Что это за место, черт возьми? – пробормотал Огарок.

– Еще один рынок, – ответила Вик, оглядываясь в поисках Шудры и его людей.

– И что здесь продают?

– Бога.

Она увидела его: он стоял, мягко кивая в такт словам одного из самых спокойных пророков. Его охранники стояли расслабленно – отвлеченные, не ожидающие беды.

– Это место подходит, – решила Вик. Толпа достаточно густая. Множество путей для отхода. Но при этом такая сумятица, что немного лишнего шума не вызовет даже поднятых бровей. По крайней мере, до тех пор, пока не будет уже поздно.

Она двинулась по направлению к Шудре – не слишком быстро, не слишком медленно, не глядя прямо на него, ничем не выделяясь, неторопливо засовывая руку в карман. Вик прошла мимо раздетой до пояса женщины, стоявшей на коленях на одном из помостов, перед табличкой с какой-то кривой надписью. С горящими экстазом глазами женщина хлестала себя кнутом по голой спине, которая представляла собой сплошную массу новых и полузаживших старых рубцов.

– Покайтесь! – визжала она с каждым новым ударом хлыста. – Покайтесь!

Она повернулась к Вик, воздев трясущийся палец:

– Покайся, сестра!

– Попозже, – отозвалась Вик, проходя мимо.

Она увидела фигуру в капюшоне. Именно там, где и предполагала ее увидеть. Фигура направлялась к Шудре – не слишком быстро, не слишком медленно, не глядя прямо на него, ничем не выделяясь.

– Вон он! – прошипела она.

– Выглядит как-то неубедительно, – заметил Огарок.

– Он был бы плохим убийцей, если бы бросался в глаза.

Вик двинулась вбок, через толпу, потом обогнула помост, на котором покрытый волдырями старик вопил, обращаясь к небесам. Она пристроилась позади фигуры в капюшоне, скользящей по направлению к Шудре, и пошла следом, не отставая. Капюшоны скрывают твоё лицо от других, но вместе с тем они скрывают и других от тебя. Незаметно она надела на руку кастет, чувствуя ободряющий холодок металла между пальцами.

Блеснула сталь: человек в капюшоне вытащил что-то из кармана и опустил сбоку, держа в руке, полускрытой складками одежды.

Вик ускорила шаг, сокращая дистанцию по мере его приближения к Шудре. Её сердце уже колотилось вовсю, дыхание участилось, когда она начала прикидывать, как это сделать.

Пророк закончил свою проповедь, и Шудра, улыбаясь, захлопал в ладоши, повернулся, чтобы сказать что-то одному из своих телохранителей, заметил приближающуюся фигуру в капюшоне и слегка нахмурился.

Фигура шагнула к нему, занося нож.

Не имеет значения, насколько человек опытен, или силен, или велик ростом, если он не видит твоего приближения.

Вик поймала его запястье в момент, когда нож оказался в самой высокой точке, и потащила вниз и назад, одновременно со всей мочи врезав ему сбоку по коленной чашечке. Он ахнул от неожиданности, его нога подкосилась. Вик вывернула ему руку, и нож загремел по булыжнику, потом в падении перевернула и пихнула лицом в каменную мостовую, упершись коленом в его поясницу.

Она нанесла ему несколько резких, тяжелых ударов, сопровождая каждый гортанным выкриком – по почке, в подмышку, по шее сбоку, – и он забился, выгнув спину, потом захрипел и обмяк.

– Казамир дан Шенкт, я полагаю, – выдавила она сквозь стиснутые зубы.

Вик подняла голову: Шудра глядел на нее сверху огромными глазами, его телохранители только сейчас начали вяло хвататься за оружие.

– Можете не беспокоиться. Вы в безопасности.

Нанятые ею люди уже проталкивались сквозь толпу. Один защелкнул наручники на запястьях убийцы, другой подхватил его под мышку и втащил на ноги. Убийца застонал.

– Но, возможно, вам лучше вернуться домой и запереться на засов, – добавила Вик, поднимаясь и грозно хмурясь в толпу в поисках других угроз. – И, может быть, не выходить на улицу, пока не пройдет голосование.

– Вы спасли мне жизнь! – выдохнул Шудра. – Кто вас прислал? Стирийцы?

Вик презрительно фыркнула:

– Меня прислал Союз!

С удовлетворением увидев на его лице еще более потрясенное выражение, чем прежде, она кивнула в сторону яростно бранящегося убийцы, которого волокли прочь ее люди:

– Стирийцы прислали *его*.

В надежных руках

– Ваше величество!

Веттерлант кинулся вперед, прижав лицо к прутьям решетки. Это был человек приятной наружности, с массой игривых темных локонов, однако в его глазах чего-то не хватало.

– Благодарение Судьбам, вы пришли! Со мной здесь обращаются как с собакой!

– Мы обращаемся с вами как с преступником, лорд Веттерлант, – прокрипел Глокта. Практик подкатил его кресло к камере, поставил на стопор и отступил в тень. Тени были единственным, в чем здесь, внизу, не было недостатка. – Это Допросный дом, а не гостиница. И вы занимаете одни из лучших апартаментов, которые у нас имеются.

– Здесь есть окно. – Верховный судья Брюкель указал сквозь прутья на крошечный квадратик света под самым потолком. – У него есть окно!

– Даже у *меня*, можно сказать, нет окна, – добавил Глокта.

– Вы смеете говорить со мной об окнах? Вы, калека-пережиток?! – вскипел Веттерлант. – Ваше величество! Прошу вас! Я знаю, что вы человек здравомыслящий...

– Мне нравится так думать, – согласился Орсо, выходя на свет. – Насколько я понимаю, вы затребовали королевского правосудия... *моего* правосудия.

Он все еще время от времени забывал, что является королем, несмотря на обращение «ваше величество», которое слышал по пять тысяч раз за день.

– Совершенно верно, ваше величество! Я отдаю себя на вашу милость! Со мной дурно обращаются! Меня держат здесь по ложному обвинению!

– Это какому же? В изнасиловании или в убийстве?

Веттерлант мигнул:

– Э-э... в чем угодно! Я абсолютно ни в чем не повинен!

– Убийство, насколько я понял, наблюдало... сколько их там было, Глокта?

– Семнадцать свидетелей, ваше величество. Все подтвердили свои заявления под присягой.

– Семнадцать вонючих крестьян! – Охваченный внезапной яростью, Веттерлант сжал прутья. – Их слово для вас весомее моего?

– Самой *цифры* достаточно, – ответил Орсо. – Вашего зрителя уже казнили на основании их показаний.

– Мерзавец! Это была его идея! Я пытался отговорить его, но нет! Он мне *угрожал*!

Глокта с отвращением всосал воздух сквозь беззубые десны:

– Минуты не прошло, и вот ваша невиновность превращается в действия под принуждением.

– Еще немного, – буркнул верховный судья, – и он окажется жертвой.

– Мы можем поговорить наедине? – Голос Веттерланта становился все пронзительнее. – Как мужчина с мужчиной, а? Орсо, прошу тебя...

– Мы никогда не были на «ты», – отрезал Орсо, – и сейчас не тот момент, чтобы начинать, как вы считаете?

Веттерлант перевел взгляд с Глокты на Брюкеля, потом снова взглянул на Орсо и, по видимому, нашел для себя нечто обнадеживающее.

– Все пошло совсем не так, как я хотел! Я просто собирался немного пошалить...

– Сперва невиновность, затем принуждение, теперь шалость, – подытожил Глокта.

– Вы должны меня понять, ваше величество. Вы и сами в молодости нередко попадали в сомнительное положение...

Орсо во все глаза уставился на него.

– Попадал в сомнительное положение – да, несомненно. Но я, черт меня подери, никогда никого *не насиловал!*

Он понял, что выкрикнул последние слова во весь голос, едва не дав петуха. Верховный судья нервно отступил на шаг назад. Глокта чуть сузил глаза.

Веттерлант моргнул, и его нижняя губа задрожала.

– Что со мной будет? – прошептал он, и его глаза вдруг наполнились слезами. Было странно наблюдать такой крутой поворот – от гневного брызганья слюной до мелодраматической жалости к себе, за какие-то несколько мгновений.

– Обычным наказанием, – забарабанил верховный судья. – За подобные преступления. Является повешение.

– Я член Открытого совета!

– Как вы сами убедитесь, мы все болтаемся примерно одинаково, – мягко сказал Глокта.

– Но членов Открытого совета *нельзя* вешать!

– Невинность, принуждение, шалость, неприкосновенность. – Орсо склонился к решетке: – Вы потребовали королевского правосудия. Я вам его предоставлю.

Повернувшись на каблуках, он зашагал прочь.

– Ваше величество! – завыл Веттерлант ему вслед.

Практик развернул кресло Глокты к выходу, взвизгнув колесом.

– Орсо! Умоляю!

Дверь за его спиной затворилась с глухим лязгом, напомнившим Орсо топор палача, втыкающийся в плаху. Он слегка поежился, продолжая шагать и испытывая глубокую признательность судьбе за то, что находится не по ту сторону.

– О черт! – прошипел Брюкель.

Женщина весьма устрашающей наружности, со стальной проседью в черных волосах и в угловатом платье, содержащем далеко не гипотетическое количество стальной арматуры, рассекала воздух, направляясь к ним с решительностью военного корабля под всеми парусами.

– Это еще кто? – вполголоса осведомился Орсо.

– Мать этого мерзавца, – буркнул Глокта уголком рта.

– О черт!

– Ваше величество! – Напряженный книксен леди Веттерлант говорил о едва сдерживаемой ярости.

– Леди Веттерлант. – Орсо не очень понимал, какой тон ему следует взять, и застрял посередине между суровой учтивостью гостя на похоронах и смущением мальчишки, пойманного на воровстве яблок. – Мне... э-э... жаль, что мы не встретились при более благоприятных обстоятельствах...

– В вашей власти сделать их более благоприятными, ваше величество. Надеюсь, вы собираетесь отклонить это нелепое обвинение?

Орсо испытывал искушение так и поступить – просто чтобы избежать дальнейшего разговора.

– Я... боюсь, что это невозможно. Свидетельства слишком убедительны.

– Свидетельства завистливых простолюдинов? Моего сына подло оговорили! Оклеветали бесовские враги! Вы хотите встать на их сторону?

– Это вопрос не сторон, мадам, но справедливости.

– Вы называете это справедливостью? Он сидит в тюрьме!

– У него, – вставил Брюкель, – есть окно.

Леди Веттерлант обдала верховного судью таким взглядом, от которого могло застыть молоко.

– Я принадлежу к старинному роду, ваше величество. У нас много друзей.

Орсо съежился, как под порывом холодного ветра.

– Не сомневаюсь, что это большое утешение для вас, и для них тоже, но это не имеет никакого отношения к виновности или невинности вашего сына.

– Это имеет отношение к последствиям вынесенного вердикта. Весьма существенное отношение! У вас тоже есть ребенок, ваше преосвященство...

Левый глаз Глокты неприятно дернулся.

– Это угроза?

– Это смиренная мольба. – Однако высказанная тем самым тоном, какой обычно используют для угроз. – Я прошу вас заглянуть в свое сердце.

– О, оно у меня очень маленькое. Люди, которые пытаются найти в нем хоть что-нибудь интересное, как правило, остаются разочарованы.

Леди Веттерлант поджала губы.

– Не сомневайтесь, я употреблю все свое немалое влияние, чтобы мой ребенок вышел на свободу!

– В рамках законности, – вставил Брюкель. – Я надеюсь.

Леди Веттерлант подвинулась к нему:

– Любовь матери к своему ребенку превышает законности!

– Не стоит на это рассчитывать. – Глокта дернул головой, и практик двинул его кресло вперед с такой силой, что наехал бы на леди Веттерлант, если бы она не отшатнулась в сторону. Орсо воспользовался случаем, чтобы поспешно ретироваться вслед за ним.

– Сделайте правильный выбор, ваше величество! – завопила леди Веттерлант ему вслед настолько пронзительно, что он снова сжался. – Умоляю вас! Ради меня! Ради вас самих! Сделайте правильный выбор!

– Обязательно, – пробормотал Орсо.

Однако он сомневался, что они с леди Веттерлант имеют в виду одно и то же. Слова «правильный выбор» каждый понимает по-своему. В том-то и беда.

* * *

Вернувшись, Орсо застал в саду Байяза. Первый из магов стоял среди аккуратно подстриженных клумб, на которых только-только начинали проклевываться первые бутоны, хмуро глядя на Дом Делателя, чьи резкие очертания виднелись над зубцами увитой плющом дворцовой стены.

– Лорд Байяз! – В приветствии Орсо прозвучало больше недовольства, чем ему хотелось бы. – Вы все еще с нами?

– Ваше величество. – Первый из магов с улыбкой поклонился, но его зеленые глаза остались жесткими. – Фактически я действительно вскоре вас покину.

– А? А-а...

Орсо давно не терпелось отделаться от старого проныры, но теперь, когда это стало реальностью, он обнаружил, что ему не хочется с ним расставаться. Возможно, ему был нужен кто-то, на кого можно свалить вину. Теперь же, как обычно, ему останется только винить во всем самого себя.

– Я не собирался оставаться здесь так долго, но после смерти вашего отца я хотел удостовериться, что корона... будет передана без инцидентов.

– Беспорядки в Вестпорте, беспорядки в Вальбеке, беспорядки среди простонародья, беспорядки среди знати? – Орсо невесело усмехнулся. – Инцидентов могло бы быть и поменьше.

– Нам с вашим отцом довелось бороздить и более беспокойные воды.

Байяз длинно вдохнул через нос, сморщился и откашлялся. Когда ветер дул с запада, воздух всегда был плохим – едким от дыма множества труб, торчавших одна выше другой над районами Трех Ферм и Арками.

– Времена меняются. – Байяз не спеша зашагал по садовой дорожке, не оставив Орсо другого выбора, кроме как двинуться следом. Дорожка была слишком узкой для двоих, и Орсо, тащась за его плечом, чувствовал себя не столько королем, сколько дворецким. – Я рад, что мне довелось сыграть роль в наступлении новой эры, но... сознаюсь, в Адуе я чувствую себя несколько устарелым. Кроме того, есть и другие дела, требующие моего внимания. Насколько я могу судить, Союз находится в надежных руках.

– В смысле, в моих?

Байяз удостоил его беглым взглядом:

– Скажем так, в достаточно надежных... Каково ваше мнение о Федоре дан Веттерланте?

Орсо, не сдержавшись, фыркнул:

– Виновен, как моровая язва, и полный говнюк в придачу! Не знаю, встречал ли я в своей жизни человека, который вызывал бы у меня большее отвращение.

– Вашему величеству везло со знакомыми, – заметил Байяз, похрустывая по идеально откалиброванному гравию. – Я знал множество людей того же типа.

– Он похож на злодея из какой-нибудь безвкусной пьесы.

– Должен признаться, я всегда питал некоторую симпатию к злодеям. Героизм хорош в целях развлечения публики, но рано или поздно становится нужен тот, кто действительно что-то *сделает*.

– Может быть, ваши злодеи были талантливо написаны. Если бы вы встретили Веттерланта в книге, то не поверили бы в него! Как, черт побери – *как* человек может докатиться до такого?

– Достаточно всю жизнь давать ему все, что он хочет. И не требовать ничего взамен.

Орсо нахмурился: примерно то же самое он мог бы сказать и о себе.

– Мне ужасно неприятно, что приходится тратить столько усилий на такое ничтожество. Ломатели в Вальбеке...

– ...были изменниками, ваше величество.

– Но, по крайней мере, у них были на то *причины*! По крайней мере, они *считали*, что поступают правильно. А у Веттерланта, чтоб ему пусто было? Какие у него могут быть оправдания? Он даже не позаботился их придумать! Он даже не видит *необходимости* их придумывать! Черт побери, я терпеть не могу повешения, но такие люди просто сами напрашиваются. Хотелось бы, конечно, все же найти какой-то компромисс...

– Разумеется, вы вправе попытаться.

– Разве?

– Каждое поколение должно решать за себя. – Байяз остановился, с улыбкой глядя на прекрасный белый цветок, первым раскрывшийся в этом саду навстречу весеннему солнышку. – Если мы станем цепляться за то, что нам знакомо, откуда тогда взяться прогрессу?

– А вы не могли бы устроить все это с помощью... – Орсо вяло повел рукой в сторону Дома Делателя, – ...заклинания или чего-нибудь такого?

– Магия исчезает из мира. Я уничтожил Тысячу Слов пророка, считавшуюся несокрушимой. Те немногие из едоков, что остались в живых, прячутся на Юге, пытаясь удержать на плаву обломки своей разрушенной империи. О масштабе человека судят по его врагам. Достойных врагов порой не хватает больше, чем друзей. – Байяз вздохнул, потом пожал плечами: – Магия исчезает из мира, но, говоря по правде, большинство проблем всегда было гораздо проще решить несколькими хорошо выбранными словами. Или хорошо заточенной сталью.

– Так, значит, мне предстоит быть опорой, а?

– Той, которой всегда пытался стать ваш отец.

При этих словах Орсо ощутил наплыв грусти.

– Я-то всегда думал, что он может сделать все что захочет и ничего не делает только из страха, от слабости или из-за некомпетентности. Теперь я вижу, что его тянули одновременно

в стольких различных направлениях, что все его силы уходили на то, чтобы оставаться стоять на месте.

– Да, исполнять такую роль может быть нелегко. – Байяз протянул руку и коснулся цветка кончиком пальца, нежно стряхнув с его лепестков несколько сверкающих капель росы. – Над живыми королями всегда насмеются, но стоит королю умереть, и он становится объектом поклонения. Кто-то должен вести людей. Кто-то должен принимать трудные решения. Ради всеобщего блага.

– Почему-то я сомневаюсь, что меня будут за это благодарить, – пробормотал Орсо.

Байяз, на мгновение блеснув зубами, аккуратно отщипнул цветок ногтем большого пальца и продел стебель в петлицу своего камзола.

– Ждать от людей благодарности было бы излишеством.

* * *

– Лорд Ишер, благодарю, что пришли.

– Разумеется, ваше величество, как только я получил вашу записку...

Орсо ужасно хотелось спросить Ишера, к какой армии принадлежит его невероятно пышный мундир, поскольку он совершенно точно никогда не служил в союзной. Но, с другой стороны, на самом Орсо мундир был еще пышнее, а единственной военной операцией, в которой он участвовал, было окружение одного из его собственных городов и повешение двух сотен его собственных подданных. Если уж говорить о самозванцах, то он сам был худшим из всех во всем Земном Круге, поэтому он встретил гостя широкой улыбкой, подавив искушение сделаться в придачу еще и лицемером. В общем и целом Орсо понемногу учился справляться с искушениями. Или, по крайней мере, так он себе говорил.

– Поразительная комната, – пробормотал Ишер в более чем уместном восхищении.

Он разглядывал потолочную резьбу, в мельчайших деталях изображавшую полог леса, с золотыми и серебряными заводными птичками, спрятанными между ветвей. Раньше, если их завести, они принимались петь, но механизм уже давно сломался. Комната, без сомнений, производила впечатление, именно поэтому Орсо и выбрал ее для этой беседы. Тем не менее он не мог отделаться от мысли, что тот монарх, который ее соорудил, мог бы попросту порезвиться в одном из множества принадлежащих ему настоящих лесов и выгадать несколько сотен тысяч марок на уплату своих долгов.

– Ее называют «Комнатой Листьев», – пояснил он. – По очевидным причинам.

– Я понятия не имел, что она существует.

– В этом дворце есть, наверное, дюжина не менее великолепных комнат, о существовании которых не знаю даже я, хотя предполагается, что я здесь хозяин. – Орсо указал Ишеру на кресло, думая о том, как это прозвучало. – Или... по крайней мере, хранитель, в этом поколении. В восточном крыле есть зал настолько большой, что моя мать ездила там верхом. Она даже приказала выложить его пол дерном.

– Ваше величество, позвольте выразить вам мои соболезнования в связи со смертью вашего отца. У меня еще не было возможности сделать это лично, и хотя я признаю, что между нами имелись некоторые разногласия, он был человеком, которым я всегда от души восхищался.

– Благодарю вас, лорд Ишер. Я, со своей стороны, хочу принести мои поздравления в связи с вашей грядущей свадьбой. В последнее время у нас происходит так немного радостных событий!

– Тяжелые времена, ваше величество... Нет, мне ничего не нужно.

Последняя фраза была обращена к напудренному лакею, который склонился к ним, искусно балансируя серебряным подносом на кончиках пальцев.

– Мне тоже. – Орсо взмахом руки отпустил прислугу и прошаркал к краешку своего кресла. – В молодости я любил танцевать, но, с тех пор как на мне оказалась корона, я предпочитаю прямо переходить к делу. Я бы хотел поговорить с вами, откровенно, по-мужски, о деле Федора дан Веттерланта.

– Кошмарная история. – Ишер мрачно покачал головой. – И у нее есть все перспективы причинить немало вреда. Разногласия между Закрытым и Открытым советами – все равно что раздоры между мужем и женой...

– ...А их брак в последние годы и без того был далеко не из счастливых, – заметил Орсо, вспоминая стиснутые зубы своего отца во время их фехтовальных поединков.

Ишер скупо улыбнулся:

– Признаю, Открытый совет порой бывает довольно сварливой супругой.

– А Закрытый – деспотичным и невнимательным супругом. Никто не знает этого лучше, чем я, поверьте.

– Возможно, представители старшего поколения с обеих сторон чересчур окопались на своих позициях. Иногда нужно вмешательство молодых, чтобы найти новые пути и двигаться вперед.

Орсо согласно кивнул.

– Честно говоря, мои советники считают, что в интересах нации будет лучше всего, если суд вообще не состоится. Если Веттерлант так и останется гнить на нейтральной территории между невиновностью и виной.

– Такое решение имеет смысл, с их точки зрения, но... если позволите? – Орсо махнул рукой, предлагая ему продолжать. – Оно не удовлетворит никого. Веттерлант по-прежнему будет блять из своей клетки, требуя правосудия, его друзья в Открытом совете будут блять в его поддержку, его мать по-прежнему будет торчать занозой у всех в боку...

– Несомненно.

– ...в то время как простонародье будет видеть, что правосудие так и не свершилось, и продолжать копить злость. И кроме того... надеюсь, вы не сочтете меня наивным, но здесь есть и вопрос *нравственности*. Это станет победой целесообразности в ущерб принципам.

– А этого добра у нас и без того предостаточно. – Орсо даже не смел надеяться, что все пойдет так хорошо. – Вы просто высказываете мои мысли!

– С вашего позволения, ваше величество, могу ли я предложить компромиссное решение?

– Вы полагаете, что оно существует?

Орсо ожидал, что придется его уламывать, грозить или торговаться – а Ишер был готов сам поднести его в подарок!

– Я взял на себя смелость поговорить с лордом Хайгеном и лордом Барезином. Оба – влиятельные люди, мои давние соратники. К тому же в город скоро прибудет мой друг Леонольт дан Брок. В политике он новичок, но пользуется потрясающей популярностью.

– Угу, – пробурчал Орсо. О потрясающей популярности Молодого Льва в целом можно было бы распространяться и поменьше.

– Я уверен, что с их помощью... мне удастся добиться в Открытом совете широкой поддержки вердикта о длительном тюремном заключении.

– Веттерлант совершил изнасилование и убийство.

– Таковы *обвинения*.

– Черт подери, он сам это не особенно отрицает!

– Говоря «длительном»... я имею в виду бессрочном.

Орсо поднял брови:

– Открытый совет одобрит пожизненное заключение для одного из своих членов?

– Большинство из них возмущены его поведением не меньше нас, ваше величество. Они только того и желают, чтобы свершилась справедливость.

– О его матери этого определенно не скажешь.

– Я хорошо знаю леди Веттерлант. Все ее неистовство – не более чем отчаянные попытки тигрицы защитить свое дитя. Она женщина эмоциональная, но не глупая. Уверен, что когда она поймет, какова альтернатива... то сама поможет мне добиться признания вины.

– Вы говорите о добровольном признании?

– Полном и чистосердечном, без необходимости прибегать к... *посредничеству* архитектора. Суд в таком случае будет пустой формальностью, демонстрацией того, как вы вершите правосудие: твердо, но справедливо. Того, как вы распоряжаетесь своей властью: без промедления и без лишних споров. Демонстрацией нового духа сотрудничества между Открытым и Закрытым советами.

– Что ж, это было бы вполне неплохо. – Должно быть, впервые в жизни Орсо наслаждался, обсуждая государственные дела. – В конце концов, мы же Союз, а, черт побери? Мы должны стремиться к взаимопониманию! Возможно, из этого дела все же выйдет что-то хорошее.

Орсо откинулся на спинку, во весь рот улыбаясь позолоченным птицам на потолке:

– Я в самом деле терпеть не могу повешения!

– Каким нужно быть чудовищем, чтобы получать от них удовольствие, ваше величество? – с улыбкой отозвался Ишер.

Засада

«Скрип, скрип, скрип» – скрипело колесо отцовского кресла. Сперва Савин щурила глаза. Потом стискивала зубы. Еще немного, и с каждым оборотом этого колеса ей приходилось собирать все силы, чтобы не завопить.

Она провожала отца до работы, а затем возила его в кресле до работы, раз в месяц, с тех пор, как была девочкой. Одним и тем же маршрутом – вдоль аллеи Королей, между статуями Гарода и Байяза, открывавшими хмурый парад союзных героев. С одними и теми же разговорами, похожими на фехтовальный поединок, в котором ты никогда не уверен, что клинки действительно затуплены. С одними и теми же насмешками над несчастьями других. Савин не видела причин менять свой распорядок лишь из-за того, что ее старая жизнь развалилась, так что она продолжала имитировать привычные действия. По-прежнему ходила, словно призрак среди руин дома, в котором она умерла. По-прежнему трепыхалась, словно змея с отрубленной головой. Впрочем, над несчастьями она теперь смеялась не так часто – как выяснилось, собственные беды кажутся гораздо менее забавными, чем чужие.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил ее отец. Хотя на самом деле он, конечно же, не был ее отцом.

– Нет, ничего особенного, – солгала Савин.

Всего лишь череда неудачных капиталовложений, сеть разваливающихся знакомств, катастрофическая любовная связь с ее собственным братом, крушение всех ее самых заветных стремлений, постоянное ощущение гнетущего ужаса, ноющая боль в груди, периодически накатывающее изнеможение, почти непрерывный позыв к рвоте, плюс незначительный факт, что сама она ублюдок и носит ублюдка, что она превратилась в самозванку в собственной жизни, объятую вечным страхом. Помимо этого все было в порядке.

Скрип, скрип, *скрип*, мать его растак. Чем она, черт подери, думала, когда просила Карнсбика соорудить эту визгливую конструкцию?

– Как бизнес?

Еще большая катастрофа.

– Хорошо, – вновь солгала Савин, вкатывая кресло в гигантскую тень Арнольта Справедливого. – Если они будут продолжать копать в том же темпе, канал будет завершен к следующему месяцу.

– Ты позволила Корту отделаться предупреждением? Я думал, ты с него шкуру сдерешь, хотя бы в качестве предупреждения для других партнеров.

– Люди с содранной шкурой не способны платить. Кроме того, Зури говорит, что умение прощать близко к божественному.

– Ты теперь цитируешь ее писания? Кто из вас двоих компаньонка, ты или она?

– Она мой друг, – сказала Савин. (Причем единственный, которому она доверяла.) – То, что ты когда-то нас познакомил, было, наверное, лучшим, что ты для меня сделал.

– Нам всем нужен кто-то, на кого мы можем положиться.

– Даже тебе?

– О чем ты говоришь? Я с кровати встать не могу без помощи твоей матери.

Савин скрипнула зубами. Чего ей действительно хотелось, так это закатить отца на мост и скинуть в воду, после чего укрыться где-нибудь и нюхнуть жемчужной пылью – хотя в ее лице все еще чувствовалось онемение после предыдущей понюшки. Однако парапеты на мостах были слишком высокими, а на аллее Королей не имелось ни одного укромного местечка, так что на данный момент окончания пытки не предвиделось. В конце концов, пытки – как раз то, чем знаменит ее отец. Воистину, как он любил говорить, жизнь – это страдание, которое мы испытываем в промежутках между разочарованиями.

Она покатила кресло дальше, между величественными скульптурами Казамира Стойкого и его архилектора Цоллера.

– Постарайся не слишком ее винить. – Ее отец немного помолчал. Савин смотрела на то, как ветерок колышет редкие белые волоски на его макушке, усеянной коричневыми пятнами. – По крайней мере, с тем же успехом ты могла бы винить меня.

– О, обвинений у меня хватит на всех, поверь мне.

– Ты вроде бы сказала, что умение прощать близко к божественному?

– Так думает Зури; я не настолько уверена. Мне не близко ни то ни другое.

Впереди была последняя статуя, все еще в лесах; за ней виднелась трепещущая зелень парка. Последний из королей, совсем недавно почивший, – Джезаль Первый. Воплощение рассеянно-благодушной нерешительности, которому королевские скульпторы пытались придать вид повелительной суровости. При одном взгляде на его лицо Савин почувствовала новый прилив тошноты. Ее дядя, лорд-маршал Вест, располагался напротив. В его чертах можно было уловить нечто от ее матери – в том, как он хмуро вглядывался в морскую даль, словно увидел там гуркский флот и собирался потопить его одной лишь силой своего неодобрения. Рядом с ним возвышался еще один Байяз, весьма похожий на того, что стоял в другом конце аллеи. Семисотлетняя история Союза, начинающаяся и заканчивающаяся одним и тем же лысым ублюдком.

– Очаровательная картина! – Им заступил дорогу коренастый человек в превосходно сшитом костюме. Савин не сразу осознала, что это сам Байяз, с отблескивающей на солнце лысой макушкой. Он был похож не столько на легендарного волшебника, сколько на преуспевающего торговца. – Мои собственные братья и сестры вечно грызутся между собой. Как тепло делается на сердце, когда видишь отца и дочь, наслаждающихся обществом друг друга!

Правильнее было бы сказать: палача и никак с ним не связанную женщину, которые почти не разговаривают друг с другом.

– Лорд Байяз! – В голосе отца Савин отчетливо слышалось замешательство. – Я думал, вы возвращаетесь на Север.

– Я уже шел в порт, но задержался, чтобы взглянуть на новые статуи. – Маг махнул рукой в сторону короля Джезала: – Поскольку я был лично знаком со всеми персонажами, мне хотелось удостовериться, что их изображения не искажают истину. Предполагается, что я удалился от дел, но для владельца предприятия – уверен, леди Савин подтвердит мои слова, – почти невозможно найти людей, которые в их отсутствие смогут вести дела как надо.

– Правильное финансирование, вот ключ ко всему, – натянуто отозвалась Савин. – Когда Инглии требовалась помощь, казна была пуста. Однако памятники мы можем себе позволить.

– Наверняка вам не нужно читать лекции о том, как важно разумно вкладывать средства. Светлое будущее основывается на надлежащем почтении к прошлому. Семена, посеянные в прошлом, дают плоды в настоящем, э, ваше преосвященство?

– Насколько мне известно, они никогда не прекращают цвести. – Отец протянул руку через плечо и положил поверх руки Савин. – Но нам не следует отнимать у вас слишком много времени...

– У меня всегда найдется время для встречи с путеводными звездами нового поколения! В конце концов, им принадлежит будущее.

– Даже если нам придется силой вырвать его у прошлого, – отозвалась Савин, вытаскивая руку из-под отцовской ладони.

– То, что хоть чего-нибудь стоит, очень редко достается задаром. Уверен, это тоже вам известно. – Байяз улыбнулся, глядя на отца Савин. Того, что сидел в кресле, а не увековеченного в камне. – Не сомневаюсь, что наступит день, когда ваш отец тоже окажется здесь. В конце концов, кто пожертвовал большим для своей страны?

Повернувшись, Байяз взглянул на статую лорда-маршала Веста.

– За исключением, может быть, вашего дяди, – добавил он. – Который отдал жизнь, защищая ее.

– Кажется, мы собирались не искажать истину? – Савин была не в том настроении, чтобы подыгрывать старому дураку. – Насколько я знаю, он остался в живых после нападения гурков, но умер от болезни, которую вы выпустили на свет, когда разрушили половину Агрионта.

– Что ж, – благодушие Байяза было ни капли не поколеблено, – если этот ряд статуй нам о чем-то и говорит, так это о том, что любую историю можно рассказать по-разному.

– Похоже на то, – отозвалась Савин, переводя взгляд с настоящего Первого из магов, который был ниже ее ростом (во всяком случае, сейчас, когда она надела сапоги), на его гигантское изваяние.

– Савин, – вполголоса проговорил ее отец предостерегающим тоном.

– Какая энергичная молодая особа! – Байяз окинул ее тем же взглядом, каким она, бывало, смотрела на членов Солярного общества, оценивая, который из них достоин ее инвестиций. – Придет день – и возможно, этот день уже не за горами, – когда Союзу потребуются, чтобы его возглавил кто-то, обладающий здравым смыслом и крепкими нервами. Кто-то, кто не побоится того, что должно быть сказано. Того, что должно быть сделано. С ломателями и сжигателями необходимо *покончить*!

В его голосе впервые послышались нотки истинного гнева, и по какой-то причине Савин внутренне сжалась.

– Вы ведь были в Вальбеке. Знаете, что они там сломали и сожгли первым делом?

Савин сглотнула, борясь с подкатывающей тошнотой. «Спокойно, спокойно, спокойно!»

– Мне...

– Банкирский дом «Валинт и Балк»! Это была атака на *предприятие*. На *прогресс*. На само *будущее*! Если нынешняя администрация не может совладать с ситуацией... нам придется найти кого-то другого, кто сможет.

– Я надеюсь послужить короне еще долгие годы, – проскрипел ее отец. – Королю Орсо потребуются не меньшее руководство, чем его отцу.

– Руководство не обязательно должно ограничиваться Белым Кабинетом. Оно может осуществляться и в театральном фойе или комфортабельных гостиных... или, как знать, возможно даже в кабинетах писателей?

Такой выбор слов едва ли мог быть случайным. Савин ощутила, как из-под ее воротника распространяется волна жара. Байяз улыбнулся ей, но в его глазах улыбки не было.

– Нам с вами нужно будет как-нибудь поговорить об этом. О том, чего я хочу. И чего хотите вы. Как знать, возможно, вы окажетесь первой женщиной, увековеченной на аллее Королей! Как единственный, кто представлен здесь дважды, я могу вас уверить – когда памятник возводят *вам*, такое использование средств сразу начинает казаться более чем уместным.

Савин не часто теряла дар речи, но сейчас она воистину не знала, как ответить.

– Я не имела понятия, что это вы подбираете вождей Союза.

Улыбка Байяза лишь стала шире.

– Признание собственного невежества – первый шаг к просвещению. Леди Савин! Ваше преосвященство!

Он удостоил каждого из них коротким кивком и небрежной походкой двинулся прочь по аллее Королей, хлопая лапами своего дорогого костюма. Савин с бешено колотящимся сердцем смотрела ему вслед – как будто парировала несколько смертельных выпадов, а не просто ответила на пару странных замечаний. Раньше она была гиперчувствительна к подтексту любого разговора. К опасностям, скрывающимся под поверхностью, как скалы, поджидающие неосторожное судно. Но теперь она больше не осмеливалась доверять своим инстинктам.

– Так и не поняла, что конкретно он мне предлагает? – пробормотала она.

Ее отец раздраженно фыркнул:

– Первый из магов никогда не дает, он только берет. Это было не предложение для тебя, а угроза мне.

– Угрозы, шантаж и банки? – Это был один из тех моментов, когда вдруг осознаешь, что мир, вполне возможно, не совсем таков, каким казался до сих пор. В последнее время у нее было много таких моментов. – Что же он за маг такой?

Ее отец, нахмуясь, поднял взгляд на громадное изваяние Байяза.

– Такой, которому ты повинуешься.

* * *

– Мне доводилось слышать самые вопиющие предложения, – бросила Савин стоявшей за плечом Зури, стаскивая перчатки, – но, пожалуй, это первый раз, когда была упомянута моя статуя на аллее Королей...

Внезапно она поняла, что из-за двери в гостиную ее матери доносится приглушенное журчание разговора. Странно, что она так рано принимает посетителей. Обычно требовалось нечто из ряда вон выходящее, чтобы вытащить ее из спальни до полудня.

Зури многозначительно подняла черные брови:

– Полагаю, у леди Арди может найтись для вас собственное вопиющее предложение.

– Мы с моей матерью сейчас не в лучших отношениях.

– Я это понимаю. Но в писаниях говорится, что заблудившийся в пустыне должен принимать воду у того, кто ее предлагает. – Она мягко отворила дверь. – Кто бы это ни был.

Савин недоверчиво переступила порог, и навстречу ей плеснул голос матери:

– ...мой муж практически мертвец, по крайней мере в *этом* отношении, поэтому... Савин, ты здесь!

Мать улыбнулась ей, стоя возле серванта, где она – стоит ли говорить – наливала себе бокал вина.

– У нас гостя! – Из кресла навстречу Савин поднялась еще одна женщина, в покрое одежды которой было что-то военное. Подол ее юбки был заляпан грязью от езды верхом. – Знакомься: леди Финри дан Брок.

Савин гордилась тем, что ее непросто лишить самообладания, но мать Лео дан Брока в гостиной ее собственной матери – факт, который нельзя было списать на совпадение. Особенно учитывая, что в настоящий момент она носила будущего внука этой женщины.

– Савин! Я так много о вас слышала.

Леди Финри взяла ее ладонь обеими руками, и надо сказать, хватка у нее была весьма твердой.

– Надеюсь, только хорошее.

– Главным образом. – Взгляд Финри дан Брок тоже был твердым и настолько решительным, что даже Савин стало немного не по себе. – Но если о женщине слышишь только хорошие отзывы, это значит, что у нее недостаточно сильный характер. Я большая поклонница ваших достижений в деловой сфере.

Савин призвала сладчайшую из своих улыбок, одновременно пытаясь сообразить, что все это может значить.

– А я – ваших в качестве леди-губернаторши.

– Я всего лишь присматривала за конторой на протяжении нескольких лет. – Финри дан Брок сидела выпрямившись, словно это была деловая встреча, а не светский визит. – Теперь Инглией управляет мой сын Лео.

Савин решила не реагировать.

– Да, я слышала. И что привело вас в Аду?

– Приглашение на свадьбу лорда Ишера.

– Это будет главным событием сезона, – сказала мать Савин, – хотя, если хотите знать мое мнение, он не человек, а подколотая змея. Савин, налить тебе вина?

– Нет, спасибо.

Если в разговоре с Байязом ей почудилась некоторая опасность, то в этом – тем более. У Савин было чувство, что способность соображать ей еще потребуется.

– Леди Финри?

– Нет, но пусть это вас не останавливает.

– Вы сможете помешать матери пить, только если принесете с собой несколько саженей тяжелой цепи.

Мать Савин плюхнулась в кресло – теперь они втроем составили идеальный равнобедренный треугольник, – вытерла струйку вина с края бокала и обсосала палец.

– Ты сегодня утром какая-то недобрая.

– Мне не особенно нравится, когда меня заманивают в засаду, – ответила Савин, переводя взгляд с одной женщины на другую. Обе были достаточно грозными, каждая по-своему, а в паре внушали несомненный ужас.

Матери переглянулись.

– Говорите вы, – предложила мать Савин. – Я вставлю словечко, если понадобится.

– Моему сыну достался в наследство ответственный пост, – начала леди Финри. – Пост, для которого он в некоторых отношениях хорошо подходит, но в других... гораздо меньше.

Да уж. Савин могла себе представить.

– Вы имеете в виду, что он слишком безрассуден, невежествен и вспыльчив?

– Именно.

Савин могла не удивляться. Женщину, которая сумела дать отпор армии вопящих северян, вряд ли могли обескуражить несколько откровенных слов.

– В то время как вы, – продолжала леди Финри, – известны своей осторожностью, рассудительностью и терпением. Кажется, вы прекрасно дополняете друг друга.

– Огонь и лед! – вставила мать Савин, прихлебывая вино.

– Моему сыну нравится думать, что он может прекрасно справиться в одиночку, но, как и его отец, он всегда нуждался в ком-то, кто был бы рядом. Кто смог бы дать добрый совет и проследить, чтобы он ему последовал. Кто бы помог сделать правильный выбор. Рано или поздно наступает время, когда мать уже не может быть таким человеком для своего сына.

Она выжидательно подняла брови. Все это совсем не нравилось Савин.

– Я не уверена, что вполне...

Ее мать порывисто вздохнула:

– Не тупи, Савин! Мы с леди Финри обсуждали возможность свести вас с Лео.

– Ты имеешь в виду брак?

– Ну уж не фехтовальный поединок!

Савин перевела недоверчивый взгляд со своей матери на предполагаемую свекровь. Это и в самом деле была засада! Мастерски подготовленный маневр, где ее обошли с обоих флангов.

Пытаясь выиграть время, она вздернула подбородок:

– Я не уверена, что мы подходим друг другу. Он гораздо моложе меня...

– Насколько я знаю, когда мы в последний раз посещали Адую, вы думали по-другому, – заметила леди Финри, многозначительно глядя на Савин из-под сдвинутых бровей.

До нее не сразу дошло, что это значит.

– Он вам рассказал?

Мать Савин подняла руку:

– Я ей рассказала!

– А ты-то откуда можешь знать?

– Не злись и не прикидывайся скромницей. Ни то ни другое тебе не идет. Зури беспокоится за тебя, как и полагается хорошей служанке – и доброму *другу*. Она думает только о твоих интересах, как и все мы, веришь ты в это или нет. – Мать наклонилась к Савин, заглянула ей в глаза и ободряюще положила руку на ее колено: – Она рассказала нам о твоём... *положении*.

У Савин вспыхнуло лицо. Заметив, что непроизвольно прикрыла живот ладонью, она гневно отдернула руку. Она привыкла колоть людям глаза их же секретами, но ей вовсе не понравилось напороться на один из собственных.

– Простите, если я говорю слишком прямо, – сказала леди Финри. – Я почти всю жизнь провела среди солдат...

– Подумать только! – отрезала Савин. – Прямо как моя матушка в молодости.

– Как жаль, что молодость кончается! – пропела мать Савин, невинно хлопая ресницами. Еще раз потрепав дочь по колену, она выпрямилась и буркнула вполголоса:

– Как видите, прямота для нас не проблема.

– В таком случае давайте говорить открыто, – отозвалась леди Финри. – Очень скоро ваше положение будет уже трудно скрывать.

Савин яростно выпятила подбородок, но она не могла отрицать очевидное. Шнуровка ее корсетов уже сейчас требовала гораздо более жестокого обращения, чем обычно.

– Для вас это может стать катастрофой. Или же это может стать счастливым шансом. Ведь именно этим и занимаются инвесторы – превращают катастрофы в шансы для роста, не правда ли?

– Когда это возможно, – буркнула Савин.

– У моего сына есть титул, слава, отвага и преданность.

– И к тому же он чертовски симпатичный парень, – заметила мать Савин.

– Вы обладаете богатством, связями, умом и безжалостностью.

– И ты тоже неплохо выглядишь, если свет падает с нужной стороны.

– Сомневаюсь, что во всем Союзе можно найти более подходящего избранника, – продолжала леди Брок. – Разве что вам удастся женить на себе короля.

Мать Савин поперхнулась вином, забрызгав свое платье.

– Проклятье! Как глупо.

– Ваша гордость выглядит вполне заслуженной, – сказала леди Финри, – но пришло время отставить ее в сторону.

Ее мать промокала на себе винные пятна носовым платком.

– И то сказать. Вы можете стать такой парой, которой весь Союз будет завидовать! Ты слишком умная девочка, чтобы не видеть, насколько это разумное предложение.

– И несомненно, достаточно умная, чтобы не растить ублюдка в одиночку, когда у вас есть настолько выгодная альтернатива. Если хотите, можете мучить моего сына сколько вам вздумается, никто не ценит того, что достается слишком легко. Но право, нет никакой надобности и дальше разыгрывать этот балаган между нами тремя.

Савин медленно откинулась на спинку кресла. В ее жизни был золотой момент, когда кончики ее пальцев едва не коснулись короны. Самые необузданные ее стремления были готовы вот-вот сбыться. Ее августейшее величество, Высокая королева Союза, перед которой все должны преклонить колени или принять суровую кару! Однако нельзя было не признать, что «ее светлость леди-губернаторша Инглии» – вполне неплохая замена. Она уже пыталась следовать своему сердцу, и это привело ее прямоиком в нужник. Они с Лео дан Броком были превосходной парой во всех отношениях. Конечно, ему потребуется некоторая формовка, некоторое управление, некоторая дисциплина. Но кто может оспорить превосходное качество самого сырья? Брак со знаменитым героем может стать как раз тем событием, которое вернет ей благосклонность судьбы.

Савин всю свою жизнь строила планы, устраивала заговоры, стремилась любой ценой контролировать события. Теперь она чувствовала некоторое облегчение при необходимости сдаться неизбежному.

– Нет, – проговорила она почти беззвучно. – Пожалуй, действительно нет.

Ей делали немало предложений о замужестве, но это было первое, которое она действительно приняла. И единственное, выдвинутое не предполагаемым супругом, но его матерью.

– Пожалуй, теперь я готова выпить, – сказала Савин.

– И я тоже. – На губах леди Финри появилась аккуратная маленькая улыбка. – Раз уж у нас есть повод отпраздновать.

Мать Савин лишь широко улыбнулась и рысцой направилась к серванту.

Мягкий характер

Круг лордов был местом, внушающим благоговейный трепет: сплошь мрамор и позолота и барельефы благородных предков. Сердце Союза и все такое прочее. Свет струился сквозь витражные окна, пронизывал гулкую пустоту и расплескивался по мозаичному полу, на котором великие аристократы прошлого некогда прокладывали дорогу будущему.

Однако Лео не видел ничего, кроме ступенек, ведущих вниз между пустыми рядами сидений. До поединка и треклятого ранения он никогда не замечал, как много в мире лестниц. Взлетал по ним, перепрыгивая через три ступеньки, и беспечно шел дальше по своим делам. Больше так не будет никогда. Лестницы были повсюду. И спускаться по ним куда тяжелее, чем подниматься, – вот чего никто не понимал. Если ты падаешь, идя вверх, лететь не так далеко. Он привычно сделал паузу, чтобы выругать поединки, мечи и Стура Сумрака, потом принялся спускаться, слегка скособочившись и тихо рыча на каждом неловком шаге.

– Лео! – Ишер, ждавший у подножия лестницы, проигнорировал его протянутую руку и вместо этого заключил его в объятия. – Как *замечательно* видеть вас снова!

Жест был несколько чересчур фамильярным, учитывая, что до этого они разговаривали каких-нибудь три раза, но излишнее дружелюбие лучше, чем наоборот.

– Мои поздравления в связи с предстоящей свадьбой. – Лео вырвался на свободу и тут же сморщился от боли в ноге. – Я уже много лет не видел свою матушку в таком возбуждении.

Он медленно повернулся, оглядывая зал, потом поднял голову к позолоченному куполу высоко-высоко над ними.

– И сомневаюсь, что для проведения мероприятия можно было найти более великолепное место.

– Равно как и невесту с лучшей родословной. – Ишер погладил рукой воздух, словно они говорили о скаковой лошади. – Изольда дан Каспа, вы не знакомы?

– Не думаю, что имел удовольствие.

– Превосходных кровей! Старый добрый миддерландский род. Чудесный мягкий характер.

– Замечательно, – пробурчал Лео без особой радости. Для него женщина с мягким характером была все равно что меч с тупым лезвием.

Ишер, нахмурясь, взглянул на трость в руке Лео:

– Как ваша нога?

– Неплохо. – Помимо постоянной боли, досаждала еще постоянная необходимость притворяться, будто тебе совсем не больно, словно самое худшее в твоих страданиях – это то, что они могут расстроить окружающих. – Рубленые раны порой долго заживают.

– Ах да, рубленые раны! – Словно Ишер мог иметь хоть какое-то представление о том, что это такое. Он наклонился к Лео: – Со времени вашего последнего визита дела шли *далеко* не лучшим образом.

– Вот как?

– Не хотел бы показаться непатриотичным, – продолжал болтать Ишер, словно ему не терпелось доказать обратное, – но король Орсо, по всей видимости, представляет собой именно такую пустышку, как мы и ожидали.

– В правде не может быть ничего непатриотичного, – проямлил Лео, тут же усомнившись, так ли это.

– Он ни в малейшей степени не способен сдерживать Костлявого и остальных престарелых мерзавцев из Закрытого совета. Все они, в Белом Кабинете, – сплошь лжецы и мошенники.

– Всегда были такими, – пробурчал Лео, тут же усомнившись и в этом тоже.

– Они намерены ограничить права Открытого совета! Лишить нас наших древних привилегий! Сгребают наши земли под когтистую лапу короны. Замучили нас своими чертовыми налогами!

– Ха! – хмыкнул Лео. – Прекрасно понимаю ваши чувства. Инглию они выжали почти досуха.

– А ведь если кто и заслужил снисходительного отношения, так это вы, кто в одиночку сдержал натиск дикарей, без всякой помощи со стороны короны!

– Мы сражались за короля. Мы *выиграли войну* за короля! Мы *заплатили* за эту чертову... – Лео с некоторым усилием заставил себя понизить голос, – ...королевскую войну. И что мы получили взамен?

Он яростно хлопнул ладонью по львиной голове на навершии памятного меча, который с такой гордостью принял из рук короля Джезала в прошлом году.

– Один меч! И то он даже не сбалансирован как следует, будь он неладен!

– Просто позор.

– Вот именно, позор! – Лео усомнился, не болтает ли он слишком много, но уже не мог сдержаться. – Нарушение договора между короной и провинциями. Наши люди спрашивают, подданные мы или домашний скот!

Юранд предупреждал его следить за тем, что он будет говорить в Адуе. Но Юранд был далеко, как это ни печально, а правда все же есть правда.

– Кое-кто из наших людей уже на грани *бунта*, черт подери! – прошипел он, ввинчивая конец своей трости в мозаичный пол.

– *Настоящий* позор! – посочувствовал Ишер. – И, однако, это еще ничто по сравнению с тем, как они поступают с бедным Федором дан Веттерлантом.

– С кем?

– Вы не встречались?

– Не думаю, что имел удовольствие...

– Один из наших. Веттерлант. Место в Открытом совете, поместья под Колоном. Старый добрый миддерландский род...

– Мягкий характер?

– Немного буйный, честно говоря, но мы знакомы уже много лет. Кажется, он мой троюродный брат или что-то в этом роде. Или троюродный племянник?

– Никогда не разбирался во всех этих родственных отношениях...

– Да и кто в них разбирается? Обвинения, конечно же, сфабрикованы. Какая-нибудь очередная уловка Костлявого. Мне говорили, что он сознался, но наверняка это было сделано под пыткой.

– Они пытали члена Открытого совета? – Лео едва мог поверить в это. – Я не думал, что Орсо на такое способен.

– Говорю вам, этот человек – просто пустое место! Он не имеет представления о том, что делается от его имени, а если бы и знал, то пальцем бы не пошевелил. Веттерланта держат взаперти в застенках Допросного дома, к нему не пускают ни друзей, ни родственников. У него даже окна нет! Бедная мать вне себя от горя. Она мне тоже родня, я не могу быть равнодушным.

– Во имя мертвых, – пробормотал Лео, только спустя мгновение поняв, что эта северная поговорка здесь ничего не значит.

– Он апеллировал к королевскому правосудию. Любой, кто занимает место в Открытом совете, имеет право потребовать, чтобы его судили здесь и судьей выступал его величество. Однако... сомневаюсь, что в Союзе в наши дни можно добиться какой-либо справедливости.

– Клянусь *мертвыми*! В смысле – кровь и ад!

– Даже потомки старинных родов, даже члены Открытого совета, даже настоящие патриоты, как мы с вами, не могут рассчитывать на свою безопасность. Такое чувство, будто эта страна больше не принадлежит нам.

Лео потер ноющее бедро – медленно тлеющая боль лишь подстегивала разгорающийся гнев.

– С этим нужно что-то делать! – прорычал он.

Ишер скорбно кивнул:

– Нужно. Но... у кого хватит смелости?

* * *

Стараясь не хромать, Лео шел обратно по аллее Королей, мимо изваяний великих людей прошлого. По одну сторону возвышались короли – *настоящие* короли. Гарод Великий. Арнольт Справедливый. Казамир Стойкий. Знаменитые деятели времен их правления, немного пониже ростом, возвышались по другую.

Лео подумал, будет ли здесь когда-нибудь стоять его статуя. С мечом и щитом, в память о его великих победах, сурово вззирающая через дорогу на более высокое и более внушительное изваяние короля Орсо. Мысль об этом не наполнила его сердце радостью. За свои победы он платил каждым шагом, и ему вовсе не хотелось делить славу с человеком, к которому он стремительно терял всякое уважение.

Кронпринц Орсо показался ему вполне неплохим парнем, но трон лишь усиливает человеческие недостатки, а его Закрытый совет по-прежнему состоял из тех же продажных старых червей, из-за которых царствование короля Джезала оказалось в сточной канаве. Что сейчас требовалось Союзу, так это люди отважные, люди страстные. Люди *действия*!

Такие, как он.

Апартаменты, выделенные ему и его матери, располагались высоко над городом, что означало восхитительный вид и кучу чертовых ступенек. Когда Лео в конце концов оказался наверху, его нога горела огнем. Ему пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание, утереть пот со лба и превратить судорожную гримасу в беззаботную улыбку. Он говорил себе, что не хочет лишний раз беспокоить мать. На самом деле он не хотел, чтобы она оказалась правой в своих опасениях.

– Как прошла ваша встреча с лордом Ишером? – спросила она, когда он вошел.

– Неплохо. Он рассказал мне чудовищную историю об одном бедолаге, Веттерланте. В Агрионте все прогнило, но ни у кого не хватает смелости, чтобы...

Позади него кто-то стоял. Женщина. Возможно, на несколько лет старше его матери, но все еще весьма привлекательная, с кривоватой усмешкой на губах, словно она знала какие-то секреты, которых не знал он.

– Знакомься: леди Арди дан Глокта.

– Ох...

Во имя мертвых, теперь он видел сходство! То же откровенное, ищущее, слегка насмешливое выражение, что и у ее дочери. Лео залился краской до корней волос.

– Ужасно рад с вами познакомиться, леди...

– А уж я-то как рада, ваша светлость! Настоящий герой, украшенный шрамами великих деяний! Надеюсь, вы поддержите меня, если я упаду в обморок?

– Я, э-э... постараюсь...

– Насколько я понимаю, вы знакомы с моей дочерью, Савин?

Если у кого и был шанс в этот момент брякнуться в обморок, так это у него.

– Мы э-э... встречались. Всего один раз. – Столько же раз, сколько и трахались. Наверное, лучше бы об этом сейчас не думать, но, начав, он уже не мог остановиться. – Когда я в

последний раз был в Адуе. Четыре месяца назад, кажется? Она показалась мне очень привлекательной...

Чудовищный выбор слова!

– В смысле... ужасно неприступной...

– Прошу вас! Вы ставите меня в неловкое положение. А еще больше – себя.

Леди Арди фамильярно положила ладонь на его предплечье. Все в Адуе вели себя слишком фамильярно.

– Простите, что загоняю вас в угол, но мне известно, что у вас была близость. – Она кивнула в сторону матери Лео: – Мы обе это знаем.

– Вы... знаете? А-а... Э-э... – Черт, как он мямлит! Он же лорд-губернатор, так? А не какой-нибудь перепуганный школьник. – Уверю вас, я не... ни в каком смысле... не злоупотребил...

Леди Арди рассмеялась.

– Еще не родился человек, способный злоупотребить чем-либо, принадлежащим моей дочери! Не сомневаюсь, что все произошло ровным счетом наоборот.

– Что?!

Лео не был уверен, какой из двух вариантов хуже. Он знал только, что хочет, чтобы этот разговор поскорей прекратился. Однако его мать стояла, загораживая дверной проход. Он был в ловушке!

– Ты знаешь, как я тебя люблю, Лео, – сказала она. – Ты прекрасный лидер. Отважный, честный, преданный даже в ущерб себе. Какую гордость я испытываю! Молодой Лев – мой сын!

– Р-р-р-р! – игриво зарычала леди Арди, ухмыляясь ему сбоку.

– Однако львы не созданы для административной работы. Я знаю, что ты хочешь делать все сам, но последние несколько месяцев показали нам обоим, что ты не сможешь управлять Инглией в одиночку.

– Вы возглавляете знаменитый род, – подхватила леди Арди, – а великий род должен быть продолжен. Пусть вы и предпочитаете делать все сами, но я сильно сомневаюсь, что вам удастся самостоятельно обеспечить себя потомством. Вам нужна жена.

Лео попытался сложить вместе куски этой беседы. Насколько он видел, они складывались только одним образом.

– Вы хотите... чтобы я... женился на вашей дочери?

Во всем этом было ощущение чего-то нереального.

– Почему бы и нет? Она красива, богата, хорошо воспитана, умна, имеет безупречные связи, ее вкусом восхищается весь свет...

– На меня она произвела самое хорошее впечатление, – согласно кивнула мать Лео.

– Вы встречались? – переспросил Лео. – Это немного... похоже на засаду.

– Знаменитый воитель угодил в засаду к двум матерям?

– К двум бабушкам, – пробормотала леди Арди; Лео не понял к чему. – Однако все же неужели вы можете, положив руку на сердце, отрицать что-либо из сказанного?

Лео сглотнул.

– Н-ну, не могу сказать, что я действительно гожусь для управления. И помощь мне действительно нужна. И конечно, Савин действительно прекрасна, изысканна, со вкусом и все такое прочее... В смысле... – он снова вспомнил ту ночь, далеко не в первый раз, – ...это черт знает что за женщина!

– Было бы глупостью отрицать это, – проговорила леди Арди, вскидывая голову.

– И понятное дело, что любому мужчине нужна жена, особенно если он лорд-губернатор. Просто, понимаете...

Обе женщины глядели на него со слегка сочувственными улыбками, словно на деревенского дурачка, ожидая, пока до него дойдет очевидное.

– Черт побери, можно подумать, что вы уже назначили дату и пригласили гостей!

Леди Арди и леди Финри обменялись многозначительными взглядами. Лео почувствовал, как по его гортани всползает холодок ужаса:

– Вы что, *действительно* назначили дату и пригласили гостей?

– Лорд Ишер любезно согласился разделить с вами свое большое событие и устроить двойное бракосочетание, – сообщила леди Арди.

– Любезно согласился понежиться в отблеске твоей славы, – прошелестела мать Лео.

– Но... – пискнул Лео, – ...это уже через неделю!

– Ты больше не беззаботный мальчик. Ты – правитель большой провинции нашего государства. Сколько ты собирался ждать, прежде чем жениться?

– Но не на следующей же неделе, черт!

– Мы понимаем, что на вас свалилось слишком много, – сказала леди Арди, – но промедление не послужит ничьим интересам. Кто бы из вас ни злоупотребил чем-либо, но из-за вас моя дочь оказалась в затруднительном положении.

– Она беременна, – пояснила мать Лео. – Твоим убудком.

Лео разинул рот, откуда донеслось лишь полузадушенное бульканье:

– Но... как...

Леди Арди закатила глаза:

– Я надеялась, что вам известны прописные истины, но если это необходимо... Вы когда-нибудь замечали, что у мальчиков и у девочек между ног расположены разные органы?

– Я знаю, как появляются дети!

– В таком случае вы должны признавать и ответственность, появляющуюся вместе с ними.

Леди Арди отхлебнула из фляжки, словно по волшебству возникшей в ее руке, и протянула ее собеседникам:

– Глоточек освежающего?

– Пожалуй, не помешает, – проговорил Лео в оцепенении, беря у нее фляжку.

Бренди оказалось превосходным. Лео безнадежно устался в угол, ощущая, как тепло напитка распространяется вниз по гортани. Он знал, что рано или поздно должен стать настоящим взрослым, но почему-то предполагал, что до этого события еще осталось какое-то время. И вот оно рухнуло на него с огромной высоты, расплывшись в лепешку.

– Могу я, по крайней мере, сам ее спросить?

– Разумеется! – Его мать отступила в сторону и повела рукой в сторону застекленной двери.

– Погоди... – Лео ощутил новый приступ паники. – Она что, *здесь*?

– На террасе, – ответила леди Арди. – Ждет вашего предложения.

– Но у меня нет даже...

Его мать протягивала ему кольцо – синий камешек поблескивал в солнечных лучах.

– То самое, что дал мне твой отец.

Она взяла его руку, повернула ладонью вверх и уронила в нее кольцо, в то время как леди Арди распахнула дверь пяткой своего ботинка. С террасы долетел прохладный ветерок, пошевелив занавески.

У Лео было только две возможности: храбро двинуться в наступление или с воплем выскочить из комнаты – и, учитывая состояние его ноги, он сомневался, что мать не нагонит его за пару шагов. Крепко стиснув кольцо в кулаке, он одним глотком осушил фляжку и вручил ее леди Арди:

– Премного благодарен.

– Премного польщена. – Она смахнула с его куртки пылинку и ободряюще потрепала Лео по груди: – Мы будем здесь, на случай если что-то пойдет не так.

– Какое утешение, – буркнул он, шагнув наружу, под солнечные лучи.

Савин стояла возле парапета, оглядывая раскинувшийся внизу Агрионт, как свое владение. Почему-то Лео ожидал, что теперь, когда у нее ребенок, она станет больше похожей на матрону: розовощекой, расплзшейся. Однако она была точно такой же гибкой и держалась все с тем же достоинством, что и в день их первой встречи. Ее вовсе не смущал ни высокий обрыв позади невысокого парапета за ее спиной, ни их стремительный роман, ни ее деликатное положение. Очевидно, ее вообще было невозможно смутить. Первое, о чем подумал Лео, – это какой отличный портрет с них напишут.

Она опустила в реверансе, шурша юбками. Очень чопорно. Очень изящно. Разве что, может быть, в уголке рта притаилась незаметная игривая усмешка.

– Ваша светлость.

Он часто думал о ней после той ночи в писательском кабинете, но почему-то не был готов снова увидеть ее во плоти.

– Зови меня Лео, – наконец проговорил он. – Думаю, мы можем обойтись без формальностей.

Она положила ладонь себе на живот:

– Ну что ж, Лео, мы с тобой зачали ребенка.

На первый взгляд в этом не было ничего смешного, но он не мог не улыбнуться. Лоск, достойный императрицы, в сочетании с прямоотой армейского сержанта!

– Да, наши матери мне уже сообщили.

– Отличная из них парочка получилась, правда? Они дополняют друг друга, как длинный и короткий клинок.

– И столь же смертельно опасны.

Он уперся кулаками в покрытый пятнами лишайника каменный парапет рядом с Савин, чувствуя, как кольцо врежется в ладонь. Неужели он действительно собирается это сделать? *Может* ли он это сделать? Вся эта история казалась сном – но далеко не кошмаром.

– Могу только принести извинения по поводу засады, – проговорила она, снова оборачиваясь, чтобы взглянуть на город: статуи, горделиво окаймляющие аллею Королей, широкое пространство площади Маршалов, блестящий купол Круга лордов. – Если это тебя утешит, они проделали со мной то же самое. Вначале я была... несколько удивлена.

– Должен признаться, и я тоже.

Ее взгляд переместился и остановился на лице Лео. Она глядела ему в глаза, несколько вызывающе вздернув подбородок, что он нашел, непонятно почему, чрезвычайно привлекательным. Лео подумал о том, что скажут его друзья, когда он представит им знаменитую красавицу как свою жену. Уж *это*-то сотрет ухмылку с лица Антаупа!

– Наша короткая встреча произвела на меня глубокое впечатление, – продолжала Савин.

– И на меня тоже. – Ему пришлось откашляться, настолько хрипло звучал его голос. – Должен признаться.

– Но я никак не думала, что у нее будет продолжение.

– И я тоже. – Лео понял, что улыбается. – Должен признаться.

Он ожидал, что этот разговор будет неприятным выполнением обязанности, но поне-много начинал получать от него удовольствие. Это было похоже на танец. На ритуал. На поединок.

– Мой отец тебя не беспокоит?

Лео широко раскрыл глаза. До сих пор он даже не думал о том, что его тестем будет сам Костлявый. Но сейчас эта мысль наконец пришла ему в голову – примерно так же, как забойщик входит в загон для свиней. Тот, перед кем трепещет весь Союз, гениальный палач со своей армией практиков, враг всего, что защищал Лео!

– Мне кажется, что он... меня недолюбливает.

– Он всех недолюбливает.

– Но мне кажется, что и я его не особо люблю.

– Это было бы ужасно, если бы ты собирался жениться на нем. – Савин подняла бровь: – Ты собрался жениться на нем?

– Боюсь, твоя мать этого бы не одобрила.

– Я не принадлежу своему отцу. Он не получает с меня даже доли прибыли. Если мы поженимся, все мои обязательства будут перед тобой. Однако ты должен знать, что я привыкла действовать сама по себе и так, как я хочу. И не планирую это менять.

– Я бы и не захотел, чтобы ты это меняла!

Он восхищался ее характером. Такая независимая! Такая целеустремленная! Даже яростная. Может быть, Ишеру нравились девушки с мягким характером, но для Лео не могло быть ничего хуже.

– Может быть, тебе будет проще смотреть на это как на деловое соглашение.

– А ты так на это смотришь?

– Сила привычки. И с этой стороны все выглядит только логично. Партнерство между твоим титулом и моим состоянием. Твоей славой и моими связями в обществе. Твоими лидерскими способностями и моими административными.

И впрямь, если так поглядеть, это выглядело более чем логично! Ему нравилось слушать, как она говорит. Так отточенно. Так уверенно. Даже повелительно. Лео любил женщин, способных командовать. Он представил себе, какое восхищение она будет вызывать, говоря от его имени.

– Я могу разделить с тобой тяготы управления, – продолжала Савин. – Взять на себя политику и бумажную работу. А ты сможешь сосредоточиться на военных аспектах, на том, что тебе нравится. Больше никаких пыльных заседаний!

Он вспомнил душный кабинет, крениющиеся груды бумаг, бесконечную грызню с Мустредом, Кленшером и остальными.

– Едва ли я стану о них жалеть.

Кажется, она не позволила себе ничего столь безвкусного, как шаги, однако тем не менее подплыла ближе. Ему нравилось смотреть, как она двигается. Так изящно! Так выверенно! Даже царственно. Лео любил гордых женщин, а Савин была прямо-таки пропитана гордостью. Если такая девушка будет опираться на его руку, весь мир станет ему завидовать!

– Посмотри на это как... на политический альянс, – продолжала она. – Ты популярен. Тебя восхваляют. Тебя любят – в Срединных землях, в Инглии, даже на Севере. Но Адую ты не знаешь.

Она придвинулась ближе, не сводя взгляда с его рта. И то, как она на него смотрела, очень нравилось Лео.

– Верно, – пробормотал он. – Я тут как потерянная овечка.

– Позволь мне быть твоей пастушкой. Я могу помочь тебе отыскать верный путь. – Во имя мертвых, она была уже совсем близко! – В Закрытом совете. В общении с моим отцом. В переговорах с важнейшими людьми Союза.

Он чувствовал ее запах. Сладкий, пьянящий, резкий.

– Я знаю всех, кого стоит знать. И знаю, как их использовать.

От ее запаха все возбуждение той ночи вновь нахлынуло на Лео. Он понял, что уже держит перед ней раскрытую ладонь с кольцом. Синий камешек блеснул в солнечных лучах.

– Это дала мне моя мать.

– Какое красивое, – тихо проговорила Савин.

– Во всяком случае, это лучшее, что я сумел раздобыть по пути от комнаты на террасу...
ах!

К его изумлению – но ни в коем случае не разочарованию – ее рука оказалась между его ног. Он уже был наполовину твердым, так что ей не потребовалось много времени, чтобы довести процесс до конца. Возбуждения лишь еще больше добавляло то, что они были на виду у половины Агрионта, а их матери находились в каких-то десяти шагах отсюда.

– Если смотреть на это... – настойчиво шептала она ему в ухо, щекоча дыханием его щеку, – ...как на деловое соглашение... и политический альянс... то все выглядит просто превосходно.

Она поцеловала его, очень нежно, в то время как ее рука продолжала гораздо менее нежно действовать внизу.

– И тогда все... что мы сможем получить от этого... на уровне личных взаимоотношений... – Она прикусила зубами его губу, потянула и отпустила. – Назовем это бонусом.

– Точно!

Лео поймал ее свободную руку и надел кольцо матери ей на палец. Оно оказалось слишком мало и застряло на суставе, но ему было наплевать.

Он взял ее на руки и поцеловал. Внизу расстился Агрионт.

Для всех, кто за ними наблюдал, зрелище должно было выглядеть поистине великолепно.

Министр Шепотов

– Как прошло голосование? – спросила Вик, когда Лорсен вошел в свой кабинет и закрыл за собой дверь на галерею.

По всей видимости, наставник наконец вспомнил, как улыбаться: его тонкие губы заметно кривились.

– Голосование? Давненько я так не развлекался! Они там уже оспаривают детали процедуры, но так происходит всегда, когда они понимают, что проиграли. Сто пятьдесят девять голосов за то, чтобы остаться в Союзе. Пятьдесят четыре – за то, чтобы выйти.

Вик и сама не смогла сдержать едва заметной удовлетворенной усмешки.

– То есть даже не близко.

– Не знаю, как там Шенкт, но *вы* точно обладаете какими-то сверхъестественными способностями. – Лорсен вытащил пробку и плеснул две скудные порции вина в два бокала. – Я не смел надеяться даже на то, что удастся заставить этого ублюдка Шудру заткнуться, но переташить его на нашу сторону? Это можно было сделать только колдовством!

Вик пожала плечами:

– Лучшее колдовство, чтобы заставить человека переменить свою позицию, – это вид занесенного над ним ножа. Стирийцы надеялись сделать из него мученика за свое дело. Витари знала, что, сколько бы наших старейшин она ни перебила, ей удастся собрать гораздо больше голосов, если она убьет его одного и свалит вину на нас. Я указала ему на то, что Меркатто уже проделала нечто подобное в Мусселии. Я упомянула последовавшие за этим чистки, призвав на помощь пару очевидцев. Все, что от меня потребовалось, – это показать ему, какие стирийцы на самом деле безжалостные мерзавцы. После этого Шудра с радостью отдал свой голос за нас.

– И это подтолкнуло лавину! Нет уж, надо отдать вам должное! – Лорсен погрозил ей пальцем. – Это была отличная мысль – присматривать за ним.

Вик снова пожала плечами:

– Я спросила себя, как бы действовала я сама, если бы была на месте Витари. Это мог сделать любой.

– Но не любой смог бы поймать знаменитого Казамира дан Шенкта!

И снова Вик пожала плечами. Почему бы и нет? Плечи не отвалятся.

– Что знаменитый убийца, что ничтожество – все падают примерно одинаково, если вре-
зать им по коленке.

– Похоже, что все эти невероятные слухи, что о нем ходили, были не более чем слухами.

– Возможно. Архилектор желает, чтобы мы привезли его в Адую. У его преосвящества есть несколько вопросов.

– Если бы мы проиграли выборы, скорее всего, это мне пришлось бы отправляться в Адую, чтобы отвечать на вопросы архилектора. Охотно сознаюсь, что ваш вариант нравится мне *гораздо* больше. – Наставник Лорсен поднял свой бокал: – Я обязан вам благодарностью, инквизитор, чего бы она ни стоила.

Вик глотнула. Вино было таким же бледным и кислым, как сам Лорсен, однако это было вино. Были времена, когда она считала непозволительной роскошью чистую воду. Вик никогда не позволяла себе забыть об этом.

Солумео Шудра ждал ее на галерее, упершись мясистыми кулаками в ограждение и глядя вниз, на кипящую деятельность Ассамблею.

– Кажется, они спорят не менее яростно, чем прежде, – заметила Вик, вставая за его спиной.

– Скорее в болотах кончатся мухи, чем у политиков предметы для споров, – отозвался Шудра. – Они уже поделились на новые фракции из-за последнего пункта обсуждений.

– А именно?

– Расходы на канализацию. Я хотел еще раз поблагодарить вас перед уходом. Мне... еще ни разу не доводилось быть обязанным кому-то моей жизнью.

– К этому привыкаешь.

Шудра взглянул на нее, подняв брови. Возможно, она уже сказала больше, чем следовало, но Вик казалось, что она обязана быть с ним хоть немного откровенной.

– Его преосвященство архилектор однажды дал мне шанс.

– Он не из тех, кто дает шансы просто так.

– Да. Но если бы не это...

Она вспомнила звук несущейся в темноте воды, в тот день, когда затопило шахту. Вспомнила лицо брата, когда его тащили прочь; каблуки, оставляющие две кривые бороздки в грязном снегу.

– Как я слышала, старейшины проголосовали за то, чтобы остаться в Союзе?

– Совершенно верно. Никогда бы не подумал, что скажу это с радостью. – Шудра длинно вдохнул через нос. – Наверное, легче всего искренне желать чего-то лучшего, пренебрегая достоинствами тех союзников, что у тебя есть, и не замечая недостатков тех, кого хочешь приобрести взамен.

– Союз далек от совершенства. У нас тоже есть свои раздоры, алчность и амбиции. Именно поэтому нам нужны честные, открытые, горячие люди. Такие, как вы.

Шудра хмыкнул:

– Еще немного, и я вам поверю, инквизитор. Однако я без особой гордости должен признать, что неверно оценил ситуацию. Неверно оценил Союз. Неверно оценил вас.

Вик улыбнулась – еле заметно, но она не могла удержаться. Это была удовлетворенная улыбка преданного слуги, хорошо выполнившего свою работу.

– Только сильные люди способны признавать свои слабости, мастер Шудра.

* * *

– Неужели было действительно нужно бить меня так сильно, черт возьми? – спросил Мурдайн, потирая огромный кровоподтек сбоку на шее.

– Я предупреждала, чтобы ты подложил на колено что-нибудь мягкое.

– Три слоя седельной кожи! И я до сих пор еле двигаюсь!

– Это должно было выглядеть убедительно. Едва ли прославленный Казамир дан Шенкт мог бы свалиться с одного слабого удара.

– Я самый ужасный убийца в мире! – Мурдайн скривил губы в высокомерной улыбке, сузив глаза и говоря нарочито хриплым голосом. – Тряситесь от страха, старейшины Вестпорта, ибо никто не может избежать моего смертоносного клинка! Жаль, что я никогда не дождусь аплодисментов за одно из своих лучших представлений.

– На мой взгляд, ты все же немного переигрывал.

– Пф-ф! Критиковать все могут.

– Ну, Шудру ты убедил. – Вик вытащила из кармана кошель и подбросила его на ладони, звякнув серебром. – А он был единственным зрителем, который нас интересовал.

Мурдайн ухмыльнулся ей:

– Если тебе снова понадобится кого-нибудь побить, ты знаешь мои расценки.

– Сомневаюсь, что я вернусь сюда в ближайшем будущем, – отозвалась Вик. – Здешний климат не идет мне на пользу.

– Как знать, может быть, мы увидимся в Адуе! У меня есть чувство, что, может быть, и мне тоже стоит убраться из Вестпорта на какое-то время. Наверняка после недавней смены власти найдутся многие, кто захочет свести старые счета. Взыскать долги, отомстить за обиды...

Мурдайн нервно оглядел пространство таверны и надвинул свой капюшон поглубже.

– Будет неудачно, если меня примут за Шенкта во второй раз. – Он слегка поежился. – Или, еще хуже, если я натолкнусь на настоящего Шенкта.

– Очень благоразумно.

– Стирию называют колыбелью культуры, но если говорить о театре, то их не интересует ничего, кроме внешнего блеска. – Мурдайн эффектно взмахнул рукой, показывая свое отвращение. – Я же хочу достичь *правды*!

– Правду переоценивают. – Вик опустила кошель в его руку. – Как актер ты должен бы это знать.

* * *

Было раннее утро. Солнце было еще яркой прорезью над восточными холмами, корабельные снасти отбрасывали на пристань паутину длинных теней. Было раннее утро, но чем скорее они окажутся в море и она вырвется из этого города с его вечными толпами, суевериями, удушающей жарой, тем счастливее она себя почувствует.

Или, по крайней мере, менее несчастной.

Двое практиков шли вслед за Вик и Огарком вдоль набережной, таща за ручки ее сундук. Оба были здоровяками, но пот катился с них градом. Внутри находилось почти такое же грандиозное количество одежды, парфюмерии и всяческого реквизита, какое, должно быть, брала с собой Савин дан Глокта в дальние поездки. Множество различных ипостасей Виктарыны дан Тойфель, в которых ей могла оказаться нужда. Поневоле задумаешься, какая из них настоящая. Если она еще где-то была – настоящая.

– Это был *актер*? – недоверчиво спросил Огарок, едва ли не в пятый раз. У него на плече висела одна-единственная сумка.

– Актер *и акробат*. Он специально подчеркнул этот момент.

– И тебе не пришло в голову сказать мне?

– То, чего ты не знаешь, ты не можешь случайно сболтнуть.

– А вдруг я бы, ну... – он изобразил колющее движение, – ...случайно зарезал его, или еще что-нибудь?

– На его место нашлись бы другие. – Она вздохнула, ощутив запах соли и гниющих водорослей, а заодно едкий дым, доносившийся от кожевенных заводов дальше по берегу, где как раз началась дневная работа. – Нынче любой идиот мечтает стать актером.

– А как же настоящий Шенкт? Он вообще в городе?

– Кто сказал, что он вообще существует? Люди любят, когда все просто. Черное и белое, добро и зло. Чтобы они могли сделать выбор и сказать себе, что они *правы*. Но, как любит говорить его преосвященство, настоящий мир состоит из оттенков серого. Правда – вещь сложная, полная противоречивых чувств, неясных исходов и сомнительных ставок. Правда... это всего лишь то, что нам рекламируют.

Они уже дошли до корабля. Это было малопривлекательное корыто, которому не помешало бы хорошее кренгование, но оно плыло в нужную сторону. Двое практиков с грохотом поставили сундук наземь. Один тут же бесцеремонно взгромоздил на него свой зад и начал потягиваться, другой, стянув с себя маску, принялся вытирать потное лицо.

– Людям нужна прямолинейная история, со злодеями, чтобы их освистывать, и героями, чтобы за них болеть. – Вик сощурилась, глядя в морскую даль. – По моему опыту, это значит, что такие истории следует выдумывать.

– Но кто же...

Не имеет значения, насколько ты бдителен. Никто не может быть наготове все время.

Что-то промелькнуло в воздухе. Один из практиков. Он не издал ни звука – у него не было на это времени. Просто пролетел дюжину шагов и врезался в борт корабля, пробив обшивку и взметнув фонтан щепок.

Огарок отшатнулся, прикрывая руками голову. Вик вихрем развернулась и увидела второго практика, который катился по причалу, хлопая безжизненными конечностями. Из ниоткуда перед ней на фоне восходящего солнца вырос черный силуэт, приближающийся с невероятной быстротой. Она только начала поднимать руку, еще не придумав, что собирается сделать, когда ее запястье перехватили и сжали словно клещами. Одним рывком она взлетела в воздух, мир закрутился вокруг – и набережная впечаталась в ее грудную клетку, выбив дыхание одним сиплым выдохом.

Сквозь пелену она увидела перед собой сапоги. Старые, поношенные рабочие сапоги. Потом что-то закрыло ей лицо, и не осталось ничего, кроме темноты и ее собственного гулкого дыхания. Ей связали руки за спиной и потащили, подхватив под мышки. Носки ее башмаков скребли по набережной. Потом зашуршали по гальке. Потом – клац! клац! клац! – застучали по доскам причала.

Вик собралась с силами, пытаясь думать, преодолевая пульсирующую боль в голове и жгучую – в плече. Скорее всего, у нее будет только один шанс. А может быть, и одного не будет. Она уперлась ногой, попыталась вывернуться – но ее обхватили еще крепче, стиснув крепко, как обруч на бочке. В руку кинжалом вонзилась боль, заставив ее зашипеть сквозь зубы.

– Не советую, – произнес мужской голос у нее над ухом. Тихий, бесцветный, словно бы скучающий.

Со стуком распахнулась дверь, затем захлопнулась. Сапоги простучали по прогибающемуся дощатому полу. Ее сгрузили на стул. Скрип дерева, шорох веревки – ее руки накрепко привязали к спинке, а лодыжки к ножкам.

– Ладно, снимай.

С ее головы стащили мешок.

Какой-то темный сарай, провонявший дегтем и рыбой. Сквозь щели между досками пробивались столбы света. Вдоль одной стены были составлены осклизлые крабовые ловушки. Возможно, подумала Вик, ей предстоит здесь умереть. Пожалуй, видала она места и похуже.

На столе сидела высокая женщина, сложив руки на груди и глядя на Вик сверху вниз сощуренными глазами. Ее седые, коротко стриженные волосы стояли торчком, узкое лицо было изборождено глубокими морщинами. Годам к шестидесяти, скорее всего. Спокойная, сосредоточенная. Она не пыталась принять угрожающий вид. В этом не было необходимости.

– Знаешь, кто я? – спросила она.

Стирийский акцент. Впрочем, на общем наречии она говорила вполне уверенно. Как человек, который провел в Союзе много времени.

В голове у Вик по-прежнему грохотало после удара о набережную. Кожу черепа щекотала струйка крови. В плече пульсировало, все сильнее и тошнотворнее. Однако она, как могла, старалась не показывать боли. Показывать свою боль – значит напрашиваться на новую.

– Догадываюсь, – ответила Вик.

– Ну так говори, не томи.

– Шайло Витари, Министр Шепотов при Талинской Змее.

Если у Костлявого и был какой-то аналог по эту сторону Круга Морей, то он находился перед ней.

– *Очень* хорошо. – Витари улыбнулась, и вокруг ее глаз собрались жесткие морщинки. – Она мне уже нравится! Она тебе нравится?

Ее скучающий компаньон неопределенно хмыкнул – словно на самом деле ему было все равно, нравится ему что-либо или нет. Он закончил привязывать Огарка ко второму стулу,

таким же образом, как привязал Вик. Быстро и сноровисто, словно ему доводилось это проделывать уже много раз.

– А кто это, ты знаешь? – Витари кивнула в сторону своего спутника, который проверял узлы на веревках Огарка.

Вик не особенно хотелось отвечать на этот вопрос.

– Догадываюсь.

– Давай посмотрим, получится ли у тебя угадать во второй раз.

– Казамир дан Шенкт.

– Настоящий, – подтвердила Витари. – Представляешь?

Самый знаменитый убийца в Стирии, если это действительно был он, ответил Вик водянистой, слегка извиняющейся улыбкой. Мало нашлось бы людей, которые бы выглядели настолько обыкновенно. Худой и бесцветный, с темными кругами вокруг глаз. С другой стороны, впечатляющая внешность привлекает внимание людей, а это последнее, что нужно убийце. Он прислонился к стене и вытащил что-то из кармана. Кусочек деревяшки, из которого была грубо вырезана какая-то фигурка. Он принялся строгать ее маленьким изогнутым ножиком, посверкивая лезвием и сыпля белую стружку к своим разношенным сапогам.

– Как тебя называть? Виктарина? – спросила Витари. – Как-то длинновато. Может быть, друзья называют тебя Вик?

– Может быть, и называли бы. Если бы они у меня были.

– У тебя есть, по крайней мере, один. – Она улыбнулась Огарку, который поглядел на нее своими большими печальными глазами и буркнул что-то в свой кляп, но никто не понял, что именно.

Вик совсем не нравилось думать, что он оказался на этом стуле из-за нее. Ей хотелось сказать: «Не причиняйте ему вреда», или «Вам нужна я, а не он», или еще что-нибудь банальное в том же роде, но это было бы все равно что сообщить им, что этот тощий дурачок является собой брешь в ее броне. Поэтому Вик даже не взглянула в его направлении. Она сделала вид, будто он ничего для нее не значит. Это было все, что она могла для него сделать.

– А знаешь, Вик, что самое забавное в этой истории? – Витари медленно наклонилась вперед, положив запястья на колени и свесив длинные кисти рук. – Мы ведь были там! На Храмовой площади. Мы поджидали Шудру, чтобы убить его и свалить убийство на Союз.

Когда тебе нечего добавить, лучше молчать.

– А потом мы увидели, что ты тоже там, и подумали: если у тебя хватит глупости убить его самостоятельно... почему бы не позволить тебе сделать работу за нас?

По-прежнему молчание.

– Но ты пришла не для того, чтобы его убить. Ты пришла, чтобы разыграть покушение с нашей стороны, чтобы затем разыграть его спасение. Я наблюдала за всем, с начала до конца, сперва с растущим чувством раздражения, а потом с растущим чувством восхищения. Это было очень ловко обстряпано, верно?

Единственным ответом со стороны Шенкта было тихое поскрипывание ножика по дереву.

– Кто это был? Твой фальшивый убийца? Какой-нибудь актер?

– И акробат, – отозвалась Вик. – Я нашла его в цирке.

Витари ухмыльнулась:

– Забавная деталь. Что ж, он умеет держать удар. Ты задала ему хорошую трепку.

– Он был немного расстроен по этому поводу.

– И я тоже, – сказала Витари, и ее улыбка испарилась. – А великая герцогиня Монцкарро будет просто в ярости! И поверь мне, ты еще не знаешь, что такое настоящая ярость, если не видела Талинскую Змею разгневанной. Думаешь, ты очень умная?

Вик попыталась подвигать разбитым плечом, чтобы поместить его в более удобную позицию, но такой не было.

– Бывало и поумнее.

– Я думаю, что ты умная. Мне нечасто приходится встречать людей, которые могут обвести меня вокруг пальца. Но когда это случается, я предпочитаю, чтобы они работали на меня, а не против. Пожалуй, их можно еще убить. Но это было бы непростительной тратой хорошего материала, так ведь?

Шенкт снова издал то же хмыканье, словно лично для него был безразличен любой исход.

– Итак, что ты об этом думаешь? – Витари искоса взглянула на нее. – Как насчет новой работы? Ты могла бы делиться со мной секретами – что Союз замышляет, где он силен, а где слаб, и тому подобное.

«Бух! бух! бух!» – гремел пульс в голове у Вик, кровь щекотала кожу черепа. Ей пришло в голову, что это может быть один из поворотных пунктов. Как тогда, в шахте, когда она предпочла убежать. Или в лагерях, когда она предпочла донести. Или в Вальбеке, когда она предпочла остаться. У нее внезапно пересохло во рту.

– У меня уже есть работа, – сказала она.

Брови Витари сползли к переносице. Седые брови, в которых осталось лишь несколько оранжевых искорок.

– Ты, наверное, знаешь, что раньше я работала на Костлявого. Правда, тогда его еще не называли Костлявым. Хотя и бескостным его тоже было не назвать, верно?

Шенкт пожал плечами, словно ему было все равно, как кого называли, вытянул губы трубочкой и сдул облачко пыли со своей поделки.

– Мы вместе были в Дагоске, во время осады, – продолжала Витари с мечтательным вздохом. – Столько счастливых воспоминаний! Он умный мерзавец. Бесстрашный. И безжалостный. Понимает боль так, как никто другой из тех, кого я встречала. Есть чем восхищаться. Однако едва ли можно сказать, что он действительно сам всем управляет, так ведь?

Она слегка сощурилась и помедлила, словно ожидая от Вик согласия. У той было ощущение, что в их беседе имеется какой-то существенный элемент, который она упустила. Но если тебе нечего добавить, то лучше молчать.

– Байяз, – отчетливо проговорил Шенкт над самым ухом Вик, и его дыхание показалось ей холодным, словно сквозняк, тянущий от окна зимним вечером. Волоски на ее шее встали дыбом с такой силой, что ощущение было почти болезненным.

– Первый из магов?

Идея о том, что этот самодовольный старый ублюдок может чем-то управлять, казалась маловероятной.

– Союз был его орудием с тех самых пор, как он же и сколотил его в дни Гарода Великого.

– Хочешь знать, что значит безжалостность? – Витари тихо присвистнула. – Тебе стоило бы посмотреть на Адую после того, как он с ней поработал! Полагаю, ты уже сейчас плясешь под его дудочку.

– Я никогда его даже не встречала!

– И тем не менее ты явилась в Вестпорт не с одним сундуком, набитым одеждой.

Витари наклонилась к ней, понизив голос до хриплого полусшепота. Голос для тайн. Голос для угроз.

– Ты явилась, везя с собой долговые расписки Валинта и Балка. Торговые права Валинта и Балка. *Деньги* Валинта и Балка!

– Какое отношение Валинт и Балк имеют к Байязу?

– Три имени, один человек, – буркнул Шенкт.

Витари медленно покачала головой:

– С темной компанией ты связалась.

– Вот как? – Вик дернула головой в направлении прославленного стирийского убийцы: – Про него говорят, что он ест людей.

– Стараюсь делать это как можно реже, – отозвался тот без следа иронии. – А этот банк пожирает их дюжинами в день.

– Итак, что ты скажешь? – Витари вытянула губы трубочкой. – Насчет того, чтобы работать со мной? Быть на стороне праведных. Или, по крайней мере, поближе к ним, насколько это возможно для таких, как мы.

Вик опустила взгляд к земле. Кровь грохотала в ее черепе – бух! бух! бух! – еще громче, чем прежде.

– Я в долгу перед Глоктой. – Ее саму удивило, что она это сказала. Удивило, насколько уверенно прозвучал ее голос. – Пожалуй, я останусь с ним. До тех пор, пока не расплачусь.

Огарок тоненько взвизгнул, заглушенный кляпом. Витари тяжело вздохнула. Шенкт еще раз издал свое безразличное хмыканье. Вик оскалилась, напряжив спину в ожидании лезвия.

Вот сейчас, сейчас... Ломкое молчание длилось, тянулось почти невыносимо.

– Это интересно, – наконец проговорила Витари.

– Угу, – буркнул Шенкт, убирая свою поделку, но оставив нож в руке.

– Ты могла бы ответить мне согласием, потом вернуться домой и забыть о нашем соглашении. Или попытаться как-нибудь обвести меня вокруг пальца. Такая умная женщина, как ты, должна была сразу увидеть такую возможность. Так почему ты просто не сказала «да»?

Вик посмотрела ей в глаза:

– Потому что я хотела, чтобы вы мне верили.

– Ха! – На лице Витари появилась широкая улыбка. У нее были хорошие зубы для ее возраста. – Мне это нравится! Тебе это нравится?

– Да, – отозвался Шенкт.

Витари вытащила листок бумаги, сложила его, жестко заломив складку ногтем большого пальца, потом открыла нагрудный карман на рубашке Вик, сунула листок внутрь и похлопала ее по груди:

– Когда ты наконец поймешь, как все обстоит на самом деле, сходи по этому адресу. У бармена найдется для тебя все необходимое.

– У него для всех находится то, что им нужно, – вставил Шенкт.

– А до тех пор... – Витари встала и прошагала к двери, помахивая длинным пальцем, – я бы на твоём месте не возвращалась в Стирию.

– Мы в Вестпорте, – возразила Вик. – Это Союз.

– До поры до времени.

Витари отодвинула засов и распахнула дверь. Шенкт убрал свой кривой ножичек, натянул на голову капюшон и вышел, еле слышно что-то мыча себе под нос. После него не осталось ничего, кроме россыпи белых стружек на дощатом полу.

Похоже, Вик все же предстояло пережить этот день.

– Как нам освободиться? – крикнула она им вслед. Они по-прежнему были крепко связаны по рукам и ногам.

Длинный черный силуэт Витари на мгновение замер в ярком проеме двери.

– Ты же умная. Что-нибудь придумаешь.

Поздно

– Ты пришла поздно, Рикке.

Она открыла глаза. Огоньки свечей в темноте. Сотни огоньков, словно искорки звезд в ночном небе. Или это были призраки свечей, сгоревших давным-давно?

– Может быть, слишком поздно.

Перед ней качалось лицо. Свисающие седые волосы, в глубоких морщинах залегли тени, отблески свечного пламени на золотой проволоке.

– У тебя не осталось времени.

Сильные пальцы давили Рикке на лицо, давили на изможденную плоть вокруг ее пылающего левого глаза. Она захрипела, заворочалась – но у нее было слишком мало сил, чтобы двигаться.

– Должна быть цена.

Чья-то рука приподняла ее голову, к губам прижался ободок кружки. Она закашлялась, хлебнув горечи, содрогнулась и проглотила.

– Ты должна выбрать, Рикке.

Ей стало страшно. Безумно страшно. Она попыталась вывернуться, но сильные руки держали ее, прижимая к земле.

– Что ты выбираешь?

Женщина протянула к ней руку. На ладони что-то блестело. Холодная игла.

– Нет, – прошептала Рикке, закрывая глаза. – Это еще не произошло.

* * *

Трясучка держал ее за руку. Сжимал крепко, до боли.

– Я не могу тебя потерять, Рикке. – Седая щетина на его серых щеках зашевелилась: он стиснул зубы. – Никак не могу.

– Я не собираюсь теряться. – Ее язык был распухшим и неповоротливым, так что она едва выговаривала слова. – Но если это случится, ты справишься. Ты же лишился глаза, верно? А он был тебе гораздо ближе.

– У меня есть другой. А ты только одна.

Кажется, начинало светать. Плеск и шуршание волн по гальке. Холодный отсвет на скалах, исчерченных струйками влаги. Паутинка, колышущаяся на ветерке, пляшущие бусинки росы.

– Ты не представляешь, каким я был. – Трясучка покрутил перстень с красным камнем, который носил на мизинце. – Мне не было дела ни до чего. Я все ненавидел. Устроился на службу к твоему отцу только потому, что из всех, кого я ненавидел, его я ненавидел меньше всех. Это была не жизнь, а сплошной кошмар.

Он прикрыл глаза. Точнее, единственный глаз, которым мог видеть. В щелке между веками другого по-прежнему поблескивала полоска металла.

– Ты тогда была совсем больная. Никто не думал, что ты доживешь до весны. Твоя мать умерла, отец был вне себя от горя. И тем не менее в тебе было столько надежды! Ты доверяла мне. Мне, в котором не оставалось ничего, чему можно доверять! Ты сосала тряпочку, пропитанную козьим молоком, у меня на руках. Твой отец говорил, что никогда не видел менее подходящей няньки для ребенка. И еще он говорил, что я вытащил тебя с того света. – Трясучка взглянул на нее, и из его здорового глаза скатилась слеза. – Но на самом деле это ты вытащила меня.

– Дурак, ты совсем раскис, – прохрипела она, с трудом шевеля потрескавшимися губами. – Как ты можешь плакать? Кто угодно, только не ты...

– Когда я был мальчишкой, мой брат звал меня «свиное сало», потому что я вечно ревел. Потом я забыл, как это делается. Все, что мне было нужно, – это чтобы меня боялись. Но ты никогда не боялась меня.

– Ну ты не такой уж и страшный, как все говорят.

Рикке попыталась передвинуться, но не могла найти удобного положения. Она почувствовала, что ее глаза начали закрываться, и тогда Трясучка снова стиснул ее руку с такой силой, что она охнула.

– Держись, Рикке. Она скоро придет.

– Нет, – ответила Рикке, чувствуя, как слезы щиплют веки. – Это еще не произошло.

* * *

Два огромных камня маячили в вечернем полумраке, словно черные пальцы на фоне розового неба. Они были древними, все в пятнах мха и лишайника, исчерченные символами, из которых время выщербило и изгладило всякое значение. В воздухе висела пелена едва заметной мороси, волосы липли к лицу Рикке, и все предметы мокро отблескивали.

Возле камней стояла пара стражников, держа в руках примитивные копья. Они стояли так неподвижно, что Рикке приняла их за статуи. Трясучка поднес ее ближе, и она увидела, что с ними что-то не так. Деформированные тела...

– Клянусь мертвыми! – каркнула Рикке. – Это же плоскоголовые!

– Что верно, то верно, – отозвался Скенн. Ухмыляясь во весь рот, горец встал рядом с одним из шанка, и тот глянул на него, сощутив свои и без того узкие глаза, и принялся ковырять осколком кости в огромном зубе. – Они охраняют ведьму. Она может с ними разговаривать. Говорят, она им поет. Они ручные – до тех пор, пока мы ведем себя хорошо.

– Я всегда веду себя хорошо! – заявила Изерн, кинув хмурый взгляд на эту парочку и крепче сжимая темное древко своего копья. Насколько можно было судить о выражении лиц плоскоголовых, помимо множества зубов, они, кажется, тоже хмурились. – Ну что, пошли?

Скенн покачал головой:

– Я дальше не пойду.

– Я многое о тебе знаю, Скенн, и в основном ничего хорошего, но я никогда не считала тебя трусом.

– Считаю меня чем хочешь, сестра, но я знаю, где мое место. Сейчас оно – по эту сторону камней. Моя задача была привести тебя сюда, и она выполнена. Я не прикидываюсь...

– Ну и катись на хрен, гора сала!

Изерн локтем отпихнула его в сторону и двинулась дальше.

– Мы остались втроем, – буркнул Трясучка, поудобнее устраивая Рикке у себя на плечах.

Ей казалось, будто она снова стала ребенком, когда Трясучка нес ее вот так, придерживая руками за лодыжки. Вперед, между камней и вниз по крутой тропе, выющейся между деревьев. Старые-старые деревья, перешептывающиеся листвой в высоких-высоких ветвях, с цепкими, вгрызшимися глубоко-глубоко корнями, узловатыми, словно пальцы скряги.

Они вышли за поворот, и Рикке увидела берег. Серый галечный пляж расстился до серой воды, размытые отражения высоких деревьев покалывали крапинки дождя. Еще несколько шагов – и все затерялось в тумане, и помимо него Рикке уже не видела ничего. Лишь ухала где-то одинокая сова, провожая закат.

– Запретное озеро, – сказала Изерн. – Теперь уже недалеко.

– Здесь всегда должен быть туман, так, что ли? – буркнул Трясучка.

Изерн снова зашагала, хрустя ботинками по гальке.

- Понимаешь ли, ничто не кажется таким волшебным, как то, чего ты не можешь увидеть.
- Нет, – прошептала Рикке, закрывая глаза. – Это еще не произошло.

* * *

Ночь, отблески костра пляшут на лицах собравшихся. Увядших старых лицах и свежих молодых лицах. Лицах, истыканных выющимися татуировками горцев. Лицах, которых здесь еще, возможно, не было или которые были здесь давным-давно. Рикке больше почти не могла отличить сегодняшний день от вчерашнего или завтрашнего. Мясо шипело и плевалось соком. Холодный, бодрящий воздух гор на затылке и тепло костра на лице. Рикке расплылась в улыбке от чистого удовольствия этих ощущений и поуютнее завернулась в пахучий старый мех.

– Мне это не нравится, – сказал Скенн, качая своей огромной жирной головой.

– Ты спутал меня с кем-то, кому не насрать на то, что тебе нравится, а что нет, – отозвалась Изерн.

Едва ли можно было найти брата с сестрой, менее похожих друг на друга. Изерн – жесткая, как древко копья, с лицом, как лезвие кинжала, черные как уголь волосы свисают длинными спутанными прядями. Скенн – огромный, как дом, с руками, как два окорока, и лицом, как пудинг, голова обрита наголо, лишь рыжеватый пушок пробивается на мягком сморщенном скальпе.

– Мне не нравится мысль о том, чтобы подниматься туда, – сказал он, хмуро поглядывая на север, между освещенных костром хижин, в сторону арки из кривых сучьев. – Это место не зря называют запретным.

– Мне нужно, чтобы ты нас довел, а не высказывал свои мнения. Они такие же раздутые от вонючих ветров, как и ты сам.

– Совсем необязательно грубить, – отозвался Скенн с несколько обиженным видом, мня руками свой живот. Он взглянул на Трясучку: – У этой женщины не язык, а кнут!

Тот поднял брови – точнее, единственную бровь, что у него осталась:

– Ты так говоришь, будто это что-то плохое.

– Ей надо туда подняться, и не о чем больше спорить, – отрезала Изерн. – Эта девочка важна, Скенн. Луна благоволит к ней. Я всегда это знала.

– Ты спутала меня с кем-то, кому не насрать на то, что ты знаешь, а что нет, – ответил Скенн. – Я не собираюсь вести ее туда только потому, что ты так сказала.

– Вот именно. Ты поведешь ее, потому что ей надо туда попасть.

– Потому что у нее Долгий Взгляд?

– Потому что ее Долгий Взгляд настолько силен, что это ее убивает.

Наконец Скенн взглянул на Рикке. Глаза у него были маленькими и темными, но взгляд был цепким. «Остерегайся умных людей, – сказал ей как-то отец, – но больше всего остерегайся умных, которые выглядят дураками».

– А ты что скажешь, девочка? – Он сплюнул в огонь кусок хряща и указал на нее обгрызенной костью. – Если ты вправду можешь видеть будущее, может, скажешь мне, что меня ждет?

Рикке подалась вперед, так что шкура соскользнула с ее плеч, повернула к нему свой пылающий левый глаз и распахнула его на всю ширину. Скенн отшатнулся, когда она подняла левую руку, указывая пальцем на мерцающие звезды, и звенящим голосом огласила свое пророчество:

– Я вижу... что ты... станешь еще жирнее!

Люди вокруг костра засмеялись. Одна старуха с единственным зубом хохотала так, что чуть не упала в огонь, и ее молодой соседке пришлось хлопать ее по спине, пока она не выкашляла кусочек мяса, которым подавилась. Они с Трясучкой чокнулись кружками с элем, и Рикке,

отхлебнув, снова завернулась в свой мех. Немного было вещей, ради которых стоило тащиться в Слорфу, но эль у горцев был отличный. У нее уже слегка кружилась голова – впрочем, возможно, это была слабость от Долгого Взгляда. Трудно отличить одно от другого.

Скенн, насупившись, опустил свою тушу на землю и скрестил ноги.

– То есть у нее есть чувство юмора. Оно ей понадобится там, в Высокогорье. Возле запретного озера смешного мало. – Он перевел хмурый взгляд на Изерн: – Ты действительно думаешь, что этот вот хрящик, эта вот сопля с кольцом в носу – возлюбленная луны?

Изерн сплюнула глоток эля в огонь, и раздалось шипение.

– Что ты можешь знать об этом, Скенн-и-Фейл, носящий молот нашего отца?

Скенн выставил бороду в ее сторону:

– Я знаю не меньше твоего, Изерн-и-Фейл, носящая копье нашего отца! Не думай, что только потому, что он любил тебя больше всех, ты больше всех от него научилась!

– Ты шутишь, овечий прихвостень? Наш отец меня терпеть не мог!

– Вот именно. Он ненавидел твой нрав, и твое лицо, и всю тебя, от жопы до ушей. – Скенн сделал паузу. – А ведь ты была его любимицей!

И оба разразились хохотом. Может быть, они были не очень похожи друг на друга, но смех у них был одинаковый: безумный, кудахчущий, с подвизгиванием, чем-то смахивающий на волчий вой. Над их головами висела огромная круглая луна, и они с треском сдвинули кружки, выплеснув фонтаны эля, и выпили то, что осталось, продолжая гоготать.

Трясучка, чье лицо было в тени, наблюдал за ними.

– Похоже, месяц будет долгим.

– Нет, – сказала Рикке, закутываясь в свой пахучий мех и закрывая глаза. – Это еще не произошло.

* * *

– Все вверх и вверх, – хватая ртом воздух, вымолвила Рикке и прикрыла глаза рукой от солнца, чтобы взглянуть вперед.

– Так всегда бывает, когда поднимаешься в горы, – отозвалась Изерн.

Она даже не запыхалась. Ее невозможно было утомить.

– А куда мы, собственно, идем? – поинтересовался Трясучка, похрустывая сапогами по грунтовой дороге.

– К запретному озеру.

– Это я знаю. Я спрашиваю, где оно находится?

– Если бы всем рассказывали, где оно находится, оно не было бы таким уж запретным, верно?

Трясучка закатил глаза – по крайней мере, один глаз:

– Ты хоть иногда даешь прямые ответы, женщина?

– Какой прок в прямых ответах в этом кривом мире?

Трясучка бросил взгляд на Рикке, но та слишком выбилась из сил и могла только пожать плечами.

– И как... мы тогда... дотуда... доберемся? – спросила она между судорожными вздохами.

– Мой брат Скенн знает дорогу. Он, конечно, какашка в образе мужчины, но он нам поможет. Сперва нам надо добраться до его селения – а точнее, какашки в образе селения. Слорфа, так оно называется. Оно находится в начале долины в четырех долинах отсюда.

– Похоже... довольно далеко, – пробурчала Рикке.

– Если переставлять ноги, со временем дойдешь.

– Сколько у тебя вообще братьев? – спросил Трясучка.

– Одиннадцать ублюдков, и каждый больше смахивает на собачью задницу, чем предыдущий.

Рикке подняла брови:

– Ты... нечасто о них упоминаешь.

– У нас у всех разные матери, – отозвалась Изерн, словно это все объясняло. – Мое детство было не слишком-то счастливым. Скорее похоже на испытание, если ты понимаешь, о чем я. Прожить это один раз было достаточно неприятно, но тут уж никуда не деться. Но еще и вспоминать об этом? Нет уж, как-то не хочется.

Изерн остановилась на гряде камней, вытащила флягу, плеснула немного воды себе на голову, еще немного отправила в рот и протянула ее Рикке.

Во имя мертвых, как же она устала! Рикке стояла, глотая воду и вытирая пот со лба. Он выступал почти с такой же скоростью, с какой она поглощала влагу. Ее жилетка была мокрой насквозь. От нее воняло, как от стога сена, прокисшего после дождей. В воздухе стояла прохлада, но ее глаз – ее глаз был всегда горячим. Пылал, как уголь, в ее голове. А ведь, кажется, были времена, когда она могла бегать и бегать без остановки. Теперь, пройдя несколько шагов, она начинала задыхаться, в голове стучало, в глазах плыло, а по краям поля зрения начинали рыскать призраки.

Она посмотрела обратно, туда, откуда они пришли, над взгорьями и извивами ущелий, в сторону низин. Обратно, вдоль долгих миль пути до Уфриса. В сторону прошлого.

– Пора бы нам уже оставить несколько следов, – буркнула Изерн, поворачиваясь к крутой, взбирающейся вверх тропе. – Запретное озеро само к нам не придет.

Рикке выдохнула сквозь губы и вытерла очередную порцию выступившего на лбу пота.

– Хочешь, я понесу тебя на плечах? – спросил Трясучка.

Большинство людей даже не поняло бы, что он улыбается. Но она знала, куда надо смотреть.

– Ни за что на свете, старый ублюдок, – проворчала она, пускаясь в путь. – Скорее уж я понесу тебя.

– Вот на что я бы хотела посмотреть! – бросила Изерн через плечо, и из-под каблука ее испарпанного ботинка посыпались камешки, скользя по гладкой тропе.

– Нет, – пробормотала Рикке, закрывая глаза. – Это еще не произошло.

* * *

– Я тебя нашел! – закричал Лео своим писклявым голосом со странным акцентом, хватая ее за ногу и вытаскивая из сена.

Рикке быстро поняла, что они оба успеют повзрослеть к моменту, когда он ее отыщет, если она так и будет сидеть в своем изначальном потайном месте – наверху, между стропилами, где гнездились голуби. Было весело смотреть сверху, как Лео в безуспешных поисках обшаривает амбар, но, когда он вышел за дверь, решив поискать в других местах, ей это наскучило. Рикке прыгнула вниз и зарылась в сено, оставив один ботинок торчать наружу, так, чтобы Лео мог его увидеть. В конце концов, играть интересно, только когда чувствуешь возможность проигрыша.

– Долго же ты искал, – сказала она.

А он симпатичный, подумала Рикке. Пускай даже не особо умный. К тому же у него странные манеры и непривычный выговор. Но это, наверное, неизбежно, если ты вырос в Союзе, а за симпатичный вид многое можно простить.

В любом случае она была рада, что он здесь. Хорошо, когда есть кто-то твоего возраста, с кем можно играть. Она любила делать вид, будто ей лучше всего самой по себе, но на самом

деле так не бывает. Ее папа вечно был занят – вел бесконечные разговоры с седобородыми ублюдками, где все только и делали, что хмурились и качали головами.

Иногда Трясучка рассказывал ей истории о своих путешествиях по всему Земному Кругу и о самых разных и необычных людях, которых ему приходилось там убивать. Тем не менее у нее было чувство, что в дружбе между маленькой девочкой и одним из самых грозных воинов на Севере есть что-то не совсем правильное. Трясучка говорил, что не возражает, но ей не хотелось испытывать его терпение.

В Уфрисе было не так уж много детей, а те, что были, считали Рикке проклятой и не соглашались приближаться к ней из-за ее припадков. Лео ее припадки, кажется, не беспокоили – может быть, потому, что он пока что ни одного не видел. Может быть, все еще переменится, особенно если она опять обделается, что случалось более чем часто, к сожалению. Однако здесь она мало что могла сделать – и с припадками, и с их дерьмовыми последствиями.

Рикке поклялась никогда не волноваться из-за вещей, которых она не может изменить, а она принимала свои клятвы очень серьезно. Отец всегда говорил, что нет ничего более важного, чем твое слово. Обычно он говорил это, хмурясь и качая головой. Жалко, что он так часто хмурился, потому что, когда он улыбался, весь мир начинал светиться.

– Моя очередь прятаться! – завопил Лео.

Он ринулся наутек, поскользнулся, упал, перекатился в облаке сенной пыли, вскарабкался на ноги и исчез за дверью амбара. Почему-то Рикке стало грустно, когда она смотрела ему вслед. Ужасно грустно.

– Нет, – проговорила она, закрывая глаза. – Это было давным-давно.

Бесконечное изобилие

- Как моя стойка? – спросил Хлыст, оглядываясь через плечо на свою заднюю ногу.
- Мы еще вернемся к твоей стойке, – сказал Клевер.
- Примерно через год с такой скоростью, – пробурчал Нижний, поднимая свою секиру лезвием к солнцу и затем снова принимаясь его полировать.
- Если ты продержишься год. – Шолла, сосредоточенно хмурясь, пыталась отрезать от куска сыра как можно более тонкий ломтик, орудуя своим длинным тонким ножом.
- Не слушай эту жалкую парочку, – сказал Клевер. – К твоей стойке мы еще вернемся. Но всегда помни об одном: если ты вытащил меч, это значит, что ты уже совершил по меньшей мере одну ошибку.
- Чего? – переспросил Хлыст, скашивая на него глаза поверх плавающего кончика своего клинка.
- Разве что ты его чистишь, или точишь, или, может быть, решил его продать.
- А если вокруг сражение?
- Это значит, что ты сделал по меньшей мере две ошибки, а возможно, гораздо больше. Битва – не место для уважающего себя воина. Но если уж тебе пришлось на ней присутствовать, хотя бы имей достаточно вкуса, чтобы находиться подальше от того места, где сражаются.
- А что, если какой-нибудь ублюдок пытается тебя убить?
- В идеале тебе стоило бы догадаться об этом за некоторое время и прикончить его первым, предпочтительнее всего во сне. Именно для этого придуманы ножи.
- И еще чтобы резать сыр, – поправила его Шолла, с невероятной сосредоточенностью поднося ко рту ножик с прилипшей к плоской стороне тоненькой, почти прозрачной сырной чешуйкой. Как раз в тот момент, когда сыр уже коснулся ее губ, через двор прилетел порыв весеннего ветра и сдул его с ножа, словно пушинку с одуванчика. Шолла безуспешно попыталась перехватить его в воздухе.
- Вот чем хороши ножи, – сказал Клевер. – Во-первых, они дешево стоят, во-вторых, имеют множество применений. В то время как мечи стоят как черт знает что и годятся лишь для одного дела – того самого, которого любому человеку стоит избегать.
- Хлыст недоуменно наморщил лоб:
- Ты так говоришь, будто учиться владеть мечом вообще незачем. Разве не это – твоя работа?
- Видишь ли, жизнь так устроена, что могут случаться ошибки. Именно в такие моменты умение владеть мечом может спасти твою никчемную шкуру от пары неопрятных дырок, как оно спасло мою в нескольких прискорбных случаях. Итак, вернемся к стойке...
- Клевер!
- Через двор к ним шел Гринуэй, шагая так, словно это он тут все построил и был чрезвычайно доволен достигнутым. Заткнув большие пальцы за пояс и растопырив локти, словно о достоинстве человека можно судить по тому, сколько места он занимает.
- Черт, терпеть не могу этого дерьмоеда! – буркнула Шолла.
- Она попыталась сбрызнуть с куска сыра еще более тонкий ломтик и раздосадованно прищелкнула языком, когда он сломался.
- Ты прекрасно разбираешься в людях, – заметил Клевер, приветливо маша рукой приближающемуся Гринуэю.
- Тот с насмешливой ухмылкой разглядывал Хлыста. Со времени безвременной кончины Магвира он взял на себя роль главного насмешника при Стуре.
- Это еще кто? – насмешливо спросил он.
- Это Хлыст. Я учу его пользоваться клинком. Точнее, учу им не пользоваться.

– Похоже, он полный кретин, – сказал Гринуэй.

– Что поделывать, таких умников, как ты, в мире немного. Приходится обходиться теми, которые есть. Как там Стур, готов меня принять?

– Ты имеешь в виду, король.

Клевер непонимающе уставился на него:

– Ах да, король! Его-то я и имею в виду. Стур – это король, а король – это Стур. Мы же оба были рядом, когда он повесил цепь себе на шею, верно? И они с цепью тоже там были, причем оба были в крови.

Гринуэй поерзал пальцами за поясом портупей.

– Когда-нибудь, Клевер, ты все же договоришься.

– Что же, грязь ждет каждого из нас. Есть способы попасть туда и похуже, чем излишняя словоохотливость. Итак, не пора ли сообщить Большому Волку новости? – Он кивнул в сторону мешка, который уже привлек внимание по меньшей мере половины мух в Карлеоне. – Прихвати его с собой, Хлыст, ладно?

Парень сморщил нос:

– А это точно надо? Он уже пахнет.

– Так уж все устроено, паренек, все мы воняем под конец. И да, это точно надо. Я не о себе беспокоюсь, можешь не сомневаться.

– Не ввязывайся там ни во что, а, вождь? – буркнула Шолла, не отводя взгляда от своего ножа и своего сыра.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но я уже пятнадцать лет стараюсь так и поступать.

– Что ты тут вообще затеяла, черт подери? – спросил Нижний, когда Клевер отошел, чтобы предстать перед своим королем.

– Если отрезать ровно столько, сколько надо, – промурлыкала Шолла, – то он просто тает на языке...

По всей видимости, Хлыст сперва хотел закинуть мешок на плечо, но потом увидел пятна и передумал. Нести его на вытянутой руке у него, однако, не хватало сил, так что в результате он потащил его сбоку, то и дело ударяясь коленом и хлюпая намокшей подошвой.

– Никогда не видел короля, – сообщил он.

– Правда? – отозвался Клевер. – А по тебе можно подумать, будто ты находишься в ежедневном контакте с державной особой.

– Чего?

– Главное, помалкивай и улыбайся побольше.

Лицо Хлыста застыло в оскаленной гримасе.

– Я сказал, улыбайся! Ты не зубы свои продаешь.

В замке Скарлинга многое осталось неизменным со времен самого Скарлинга. Большие скрипучие двери на огромных железных петлях, балки под темным потолком, высокие окна, яркое холодное солнце за ними и звук бегущей воды далеко внизу. Трон Скарлинга тоже был тем самым, на котором некогда сидел Бетод, а за ним Черный Доу, а за ним Скейл Железнодорожный, – простое жесткое кресло с истертыми, отполированными временем подлокотниками и облезавшей со спинки краской.

А вот человек на троне был новый. Стур Сумрак, которого называли Большим Волком, сидел, закинув левую ногу на подлокотник и слегка покачивая босой ступней. На его плечи был накинут отлично выделанный плащ из волчьей шкуры, и ухмылка на его лице была самая что ни на есть волчья. А почему бы ему и не улыбаться? Он ведь получил все, чего добивался. Он больше не наследник престола, но самый настоящий король, и все, что ему для этого потребовалось, – это перерезать глотку своему дяде.

Все здесь бурлило скрытой угрозой. Лица молодых воинов хмурились, словно жизнь была для них соревнованием, кто успешнее избежит веселья. Языки огня в огромном камине сер-

дито лизали воздух. Даже чашки на столах, казалось, затаили глухую обиду. Стояла та ужасная тишина, когда все боится дышать, в любой момент ожидая вспышки насилия, внезапной, словно молния.

– Ты должен преклонить колени! – прорычал Гринуэй, когда они остановились посередине просторного каменного пола напротив Стур.

Клевер поднял брови:

– Я думал, надо сперва хотя бы подойти. То есть я, наверное, смог бы проползти на коленях от двери, но это стало бы серьезным испытанием для моих штанов, а также для терпения всех присутствующих. – Он показал пальцем на дверь и повернулся в ту сторону: – Но я с радостью вернусь и начну сначала, если существует лучший способ это сделать...

– Тебе нет нужды становиться на колени, Клевер, – сказал Стур, взмахом руки подзывая его к себе. – Такому старому другу, как ты? Не будь жопой, Гринуэй.

Гринуэй ответил презрительной гримасой эпических масштабов, отчего, подумал Клевер, стал еще более, чем когда-либо, похож на жопу. Свою природу не спрячешь. То же, несомненно, относилось и ко всем остальным в этом зале.

Только сейчас Клевер заметил в углу новую клетку, которая свисала с одной из потолочных балок, слегка поворачиваясь. Ничего хорошего это не предвещало. К тому же в ней кто-то был – обнаженный и избитый в кровь, но его глаза были все еще открыты. Это было еще более недобрым знаком.

– Если я не ошибаюсь, – проговорил Клевер, – это у тебя Греган Пустоголовый там, в клетке.

Стур сузил глаза:

– Мой замок полон недоумков, способных говорить мне то, что я и так знаю.

– Я был готов поклясться, что он на нашей стороне.

– У меня были сомнения, – сказал Стур, кривя губу и бросив взгляд на клетку. – Когда я поднял ему налоги, он не захотел платить. Его это сильно расстроило. И он начал расстраивать других людей.

– А сейчас он что чувствует, как по-твоему? – спросил Гринуэй.

Клевер осторожно почесал свой шрам.

– Похоже на то, что ему малость неприятно.

– Мой отец всегда стоял за то, чтобы откупаться от него, – сказал Стур. – От него и от таких, как он.

– Черный Кальдер отлично понимает, что значит компромисс.

– Ну а я не понимаю.

– Да, – отозвался Клевер. – Это я вижу.

– Люди по природе жадные, так? Никакой благодарности. Они думают не о том, что они от тебя уже получили, а только о том, что получают в следующий раз.

– Говнюков на свете великое множество, это верно, – произнес Клевер, обводя взглядом Стурово окружение.

– Пустоголовый с его сыновьями и всеми этими дерьмоедами из Западных Долин – они ближе к Уфрису, чем к Карлеону. Я никогда им не верил.

– А теперь станешь верить больше?

– По крайней мере теперь мы все знаем, на что рассчитывать.

– Гвоздь ведь из его сыновей, верно? Он опасный человек.

Воины, выстроившиеся возле стен, принялись наперегонки показывать, что они и сами не лыком шиты.

– Ты что, боишься? – спросил Гринуэй.

– Постоянно, – ответил Клевер. – Но, наверное, это возрастное. И что же ты собираешься делать с Пустоголовым?

Стур пронзил клетку взглядом и шумно выдохнул:

– Еще не уверен. Отпустить его восвояси, чтобы он мог заплатить мне налоги, или вырезать на нем кровавый крест в назидание остальным?

– Что бы ты ни выбрал, это будет хорошим уроком для всех, – сказал Гринуэй.

Глядя, как тихо поворачивается клетка, Клевер подумал, что не так в этом уверен. Пустоголовый был популярным человеком. Множество друзей и родственников по всем долинам на границе с Уфрисом. Множество крепких бойцов, которые будут совсем не рады известию, что этого человека посадили в клетку. Черный Кальдер потратил годы, сшивая разорванный Север воедино – угрозами и слухами, долгами и милостями. Этого не сделаешь одним лишь страхом. Однако в обязанности Клевера вряд ли входило говорить об этом.

Он отвел взгляд от Пустоголового и улыбнулся.

– Что же, я желаю тебе получить радость от результата, как бы ты ни решил.

– Ха! – Взгляд влажных, лживых глаз Стур скользя обратно к Клеверу: – Ну а как ты? Получил радость от своих шанка?

– Радость – не совсем то слово, которое я бы выбрал, мой король, но, как говорил Тридуба, когда твой вождь ставит перед тобой задачу, ее нужно выполнять, так что мы склонились перед неизбежным. Ты знаешь, поклоны меня не смущают. Особенно перед неизбежным.

– Никакой гордости, а, Клевер?

– Она у меня была, мой король. Причем в избытке, мать ее растак. Словно весеннее поле, на котором столько цветов, что пчелы к нему так и слетаются. Но я обнаружил, что, когда ты попал в переделку, это дерьмо только мешает – гордость, в смысле, не пчелы. Так что я от своей избавился. И с тех пор ни разу не пожалел.

Стур прищурился в сторону Хлыста:

– А это кто?

– Это Хлыст. – Клевер хлопнул паренька по костлявому плечу. – Лучший из моих людей.

– Похоже, тебе с ним повезло, – заметил Стур, и окружавшие его мерзавцы захохотали.

Мерзавцев вокруг него было еще больше, чем прежде. На Севере они плодятся в бесконечном изобилии.

– У человека должны быть друзья, – сказал Клевер.

– Несомненно! Иначе некого будет пырнуть ножом, верно?

Хохот усилился. Клеверу непросто было улыбнуться, но он это осилил. Дернув головой в сторону Хлыста, он спросил:

– Хочешь, чтобы я его пырнул, мой король?

– Нет-нет. Ты уже доказал, кто ты такой, Клевер. Было бы жаль отнимать у тебя лучшего из твоих людей! А что это там у него?

– Маленький подарок для тебя.

Клевер забрал у Хлыста мешок и перевернул его. Головы шанка, подпрыгивая, раскатились по полу. Было бы неплохо думать, что это случилось в замке Скарлинга впервые, но у него было неприятное чувство, что и в прошедшие годы отрубленные головы были здесь достаточно частым украшением.

Гринуэй отступил на шаг, закрывая лицо рукой:

– Черт! Ну и вонища!

– Не будь жопой, Гринуэй. – Заинтересованный Стур спрыгнул со своего трона и оживленно подошел, чтобы посмотреть на них. В его походке еще ощущалась легкая хромота от раны, нанесенной мечом Молодого Льва. – Так, значит, ты таки преподал урок этим шанка, а?

– Не уверен, что плоскоголовые способны усваивать уроки, – отозвался Клевер.

– Уж эти-то точно не способны. – Стур пошевелил босой ногой полусгнившие головы, переворачивая их вверх косоглазыми лицами. – Ну и мерзкие же ублюдки, а?

– Я малость неловко себя чувствую, критикуя внешность других, – сказал Клевер.

– Никто не будет выглядеть хорошо, когда он мертвый, – добавил Хлыст, потом смущенно кашлянул и опустил взгляд к земле. – Мой король.

– Не знаю, не знаю, – протянул Стур, окидывая его своим влажным взглядом. – Мне приходит на ум немало таких, кого я бы предпочел видеть трупами... Я отправляюсь в Уффрис, Клевер. И хочу, чтобы ты поехал со мной.

– Будем драться?

– Ничего подобного. – Что было некоторым облегчением, поскольку Клевер не мог бы сказать, что получил большое удовольствие от их последней войны с Союзом. – Я же дал слово в кругу, разве нет? Поклялся Молодому Льву торжественной клятвой! Думаешь, я могу изменить своему слову?

– Честно говоря, мой король, я чаще всего вообще не имею понятия, на что ты способен в следующий момент.

Стур ухмыльнулся:

– Разве жизнь не была бы невыносимо скучной, если бы мы знали все заранее? Ты знаешь парня по имени Оксель?

– Один из боевых вождей Ищейки. Я не доверил бы ему держать ведро, пока я мочусь.

– Иногда такие вот юркие ублюдки – как раз то, что нужно, а? Ищейке скоро конец. Он стар – и к тому же болен, как я слышал. Когда его не станет, Уффрису придется к кому-то примкнуть. Оксель хочет, чтобы это был я.

– А как же твоя торжественная клятва, данная на кругу?

Стур пожал плечами:

– Я клялся не брать его силой. Про то, что он может сам упасть мне в руку, не было сказано ни слова. Если Уффрис хочет быть частью Севера, кто я такой, чтобы спорить?

– А если найдутся такие, кто не захочет присоединиться? – спросил Клевер.

Стур кивнул в сторону клетки:

– Этого добра можно сколотить сколько угодно. Все, давай топай отсюда.

– И прихвати свои вонючие головы! – прошипел Гринуэй.

– Не будь *жсопой*! – взревел Стур, брызгая слюной.

Люди по всему залу зашевелились и шагнули вперед, положив руки на свое оружие. Как псы, рычащие на того, кто посмел вызвать гнев их хозяина. Гринуэй попятился, побледнев и дрожа как лист, без сомнения, решив, что Великий Уравнитель уже положил ему на плечо свою руку.

Улыбка Стура расплылась еще шире, чем прежде. Он присел на корточки, волоча свой прекрасный волчий плащ по лужам мерзости, натекшей с голов. Взял в руки самую большую – все еще в огромном шипастом шлеме, с огромным, длинным, распухшим языком, свисающим между огромных челюстей, – и повернул к себе.

– Я хочу полюбоваться на них!

Демон, рвущий все цепи

– Клянусь всеми мертвыми! – прохрипела Рикке, поднимая голову.

Во рту стоял вкус несвежей могилы, в пустом желудке урчало и булькало. Казалось, будто сразу за ее глазами подвесили палицу, которая больно молотила изнутри по черепу при каждом движении. Но, по крайней мере, время двигалось только в одну сторону.

Она спала в меховом гнезде, но под ним был твердый каменный пол. Рикке натянула на плечи старую пыльную оленью шкуру и, спотыкаясь, побрела из темноты наружу, почти полностью прикрыв глаза от режущего света.

Дождя не было, но в воздухе висела зябкая сырость, погружавшая весь мир в сумрак. Ни звука, ни ветерка. Все было неподвижно, словно в стране мертвых. Высокие деревья – черные стволы, черная хвоя. Выступы черных скал, торчащие там и сям на склонах. В отдалении – высокие черные горы, в белых шапках и с белыми бородами, словно хмурые седовласые воины. Темный галечный пляж спускался от устья пещеры к темной воде, в зеркале которой отражались деревья, скалы и горы, неподвижные и величественные, и еще более темные, чем наверху. В озере стояла женщина, подоткнув за пояс истрепанную юбку; вода доходила ей до тонких, бледных икр в прожилках вен. Она стояла так неподвижно, что на поверхности не было даже ряби.

Рикке раздула щеки. Когда она нагнулась, чтобы закатать штанины, в голове застучало так сильно, что она едва не упала. Обмотав лысую шкуру вокруг плеч, она принялась неуклюже спускаться к озеру. Хрусткая галька врезалась между пальцами босых ног. Стоял такой холод, что вода, должно быть, была ледяная. Однако лучше сделать дело, чем жить в страхе перед ним, как периодически повторял ей отец, так что она побрела в воду, морщась и поеживаясь. Поднятые ею волны добежали до безмятежных деревьев и неподвижных гор, разбив их на танцующие фрагменты.

– Ну и холодина, будто зимой, – пропыхтела Рикке, доковыляв до женщины.

Сбоку ее лицо выглядело вполне нормальным. Старое, изборожденное морщинами, холодные голубые глаза неотрывно смотрят на горизонт.

– Холод имеет замечательное свойство прояснять разум. – Вовсе не хриплое карканье, которого Рикке ожидала от ведьмы. Ее голос был молодым, сильным и полным музыки. – Он помогает понять, что важно. Притягивает внимание вовнутрь.

– Так значит... ты делаешь это, чтобы укрепить свою магию... или зачем?

– Я делаю это, потому что в холодную воду за тобой вряд ли полезут глупцы со своими проблемами.

Женщина повернулась, и Рикке уставилась на нее во все глаза, потому что ее лицо было в точности таким, как в ее видении.

Гигантский розовато-серый шрам пересекал посередине ее вмятый лоб от линии волос до рта. Один глаз и бровь были выше, чем другие, словно ее череп раскололи пополам, после чего какой-то пьяный хирург вновь собрал его воедино. Сквозь встопорщенные складки кожи безумным зигзагом шли стежки – стежки, сделанные золотой проволокой, блестевшей на утреннем солнце.

– Я Кауриб, – проговорила женщина своим мягким, шелковым голосом. – Так меня когда-то звали. Колдунья с дальнего Севера. Там я когда-то жила. Теперь я просто ведьма с запретного озера.

Она снова повернулась к горизонту:

– Я нахожу, что это устраивает меня больше.

Рикке выросла на Севере, где мужчина без шрамов вовсе не считался за мужчину, но ей никогда не приходилось видеть шрама, похожего на этот. Она опустила взгляд к воде, уже почти успокоившейся вокруг ее острых коленей и показывавшей темное отражение ее самой.

– Что с тобой случилось?

– Со мной случилась секира, как это часто бывает с секирами.

– И что, ты не увидела ее заранее?

Кауриб медленно подняла одну бровь. Похоже, это стоило ей некоторого усилия – кожа вокруг стежков натянулась.

– Вряд ли тебе надо говорить, что Долгий Взгляд сам выбирает, когда приходить. Если ты надеешься, что он уберет тебя от всех ударов в жизни, тебя ждет разочарование. Впрочем, судьба надежды – кончаться разочарованием, так же как судьба света – заканчиваться тьмой, а жизни – смертью. Тем не менее они чего-то стоят, пока еще длятся.

Рикке пошевелила занемевшими пальцами ног, глядя на расходящуюся рябь.

– Какая-то унылая идея.

– Если ты ждала оптимистичных высказываний от отшельницы, чья голова сшита золотой проволокой, то ты еще большая дура, чем кажешься. Что само по себе было бы достижением.

Рикке бросила на нее взгляд, но Кауриб уже снова смотрела перед собой.

– Я думала, то, что было в моих видениях – золотая проволока и все такое, – может быть просто... ну ты понимаешь...

– Нет, не понимаю. Попробуй говорить словами.

– Каким-нибудь символом, что ли?

– Символом чего?

– Видения просто приходят к мне, я их не понимаю.

Ведьма зашипела от отвращения:

– Задача видящей не в том, чтобы *понимать* свои видения, девчонка! Так же как задача горшечника не в том, чтобы *понимать* свою глину.

– Наверное... – Рикке скривилась, попытавшись переступить с ноги на ногу на скользком дне и ударившись пальцем об острый камень. – Но мы ведь сейчас говорим не о горшках? Или мы уже говорим о горшках?

Ведьма раздосадованно зашипела:

– Задача горшечника в том, чтобы подчинить глину своей *воле*! Придать ей *форму*, превратить ее во что-либо полезное. Или прекрасное.

– То есть... я должна подчинить своей воле видения? Чтобы превратить их во что-то прекрасное?

– А! Луч света наконец озарил долгую ночь твоего невежества! – Ведьма презрительно зашипела. Кажется, она могла выразить шипением очень многое. – И мне пришлось потратить всего лишь половину утра на объяснения!

– Но...

– Девочка, я не твоя наставница, не твоя учительница и не твоя мудрая бабушка. Ты хочешь, чтобы я огласила тебе правила – но их нет, этих правил. Ты совсем как эти старые дураки маги, которые хотят сковать весь мир цепями закона. Или старые дураки едоки, которые хотят засадить весь мир в клетку своими молитвами. Или как эти новые дураки, которые хотят поработить весь мир железом и заставить его повиноваться. Долгий Взгляд – это *магия*, дурочка! – Старуха воздела увядшие руки к небу, и ее вопль разнесся до далеких гор: – Это дьявол, которого не засадишь в клетку! Это демон, рвущий все цепи!

Она опустила руки.

– Там, где есть правила, не может быть никакой магии.

– Что ж, значит, мне придется самой искать ответы, – скорбно проговорила Рикке.

Кауриб опустила взгляд к своим стопам, погруженным в озеро.

– Страх подобен холодной воде. Когда его мало, это неплохо: он помогает сосредоточиться на том, что важно. Но если его слишком много, он тебя просто заморозит. Ты должна создать в своем мозгу коробочку, положить туда свой страх и запереть его на замок.

– Это очень похоже на то, что могла бы сказать моя наставница.

– Без сомнения, я могу быть превосходной наставницей. Но не твоей.

Рикке услышала позади хруст шагов и обернулась с улыбкой, ожидая увидеть на берегу Трясучку или Изерн. Вместо этого она увидела шанка, приближавшегося ковыляющей трусцой, словно одна его нога была длиннее другой. С каждым шагом от когтистой лапы твари веером разлеталась вбок галька. В руках у него было копье с нанизанной на него рыбой, она еще извивалась и хлопала хвостом, блестя серебристой чешуей на утреннем солнце.

– Ага! – Кауриб улыбнулась, и чудовищный шрам, рассекавший ее верхнюю губу, растянулся вдоль проволоки – весьма неаппетитным образом, подумала Рикке. – Завтрак!

– Как тебе удалось заставить шанка служить тебе? – спросила Рикке.

Пришедший воткнул свое копье вместе с рыбой в гальку возле кромки воды. Ее отец всегда говорил о плоскоголовых как о животных, о бедствии, с которым бесполезно пытаться договориться. И вот один из них шаркает по берегу в поисках хвороста, чтобы развести костер, словно какой-нибудь обыкновенный рыбак! Н-ну... Если у обыкновенных рыбаков головы бывают проклепаны шипами.

– Точно так же, как заставляют служить любого другого, – ответила Кауриб. – Предлагая им взамен то, чего они хотят.

Рикке наблюдала за бурчащим и причмокивающим плоскоголовым, который, просунув кончик языка между огромными зубами, аккуратно складывал собранные палочки на галечном круге, почерневшем от костров, которые разводили здесь многие годы.

– Значит, они такие же, как люди?

– О нет, – и Рикке ощутила руку Кауриб на своем плече, легкую, но сильную. Мягкий голос ведьмы проговорил ей на ухо: – Им можно *доверять*. Это их я должна благодарить за возвращенную мне жизнь.

– Что? Шанка?

– Да. Если благодарность уместна, учитывая, что это вряд ли можно назвать жизнью.

Рикке смотрела, как плоскоголовый возится с кремнем и кресалом, то и дело роняя их и шаря по всему пляжу, чтобы их подобрать.

– Я бы не сказала, что их пальцы хорошо приспособлены для шитья.

– А что, тебе этот шов кажется аккуратным?

Рикке кашлянула и решила, что лучше будет воздержаться от ответа.

– Шанка не любят мыться, и у них совсем нет чувства юмора, но они понимают, что значит союз плоти и металла. Хотя бы этому они смогли научиться у Мастера Делателя.

Шанка склонился над костром, сложив кривые губы трубочкой и пытаясь дыханием выманить огонек из кучи топлива.

– А куда делись остальные? – спросила Рикке.

– Кто, мужчина со стальным глазом и женщина с железным характером? Они какое-то время сидели с тобой, делая вид, будто нисколько не волнуются, но спустя несколько дней им надоела рыба. Ни один не хотел отпускать другого охотиться в одиночку, так что они отправились вместе.

– Погоди-ка, – прервала Рикке. – Несколько дней?

– Ну да. Ты спала четыре дня. Они хорошие спутники. Если женщина хочет, чтобы ее воспринимали всерьез как ясновидящую, ей стоит иметь при себе интересных людей.

– Я выбрала их не за то, что они интересные!

– Вот именно. Это они выбрали тебя, что говорит как о тебе, так и о них.

– Хорошо говорит или плохо?

Кауриб не ответила. Лишь устремила на Рикке взгляд своих ярко-голубых глаз и продолжала молчать. Рикке не очень-то нравилось, когда на нее так смотрят, особенно если смотрит ведьма – и особенно если это ведьма с лицом, прошитым проволокой.

– Пожалуй, я поем, если ты не против поделиться своим завтраком.

Шанка уже подвесил рыбу над огнем, и от трапезы шел такой запах, что слюнки текли. Впервые за много недель Рикке ощутила, что голодна. Она потерла ладонью урчащий живот – тереть там нынче было почти нечего. Одежда висела на ней, словно тряпки на пугале.

– Когда мои интересные друзья вернутся, мы, наверное, двинемся обратно. До Уфриса долгий путь.

– Ты уже собираешься уходить?

То, как Кауриб это сказала, оставило у Рикке тревожное ощущение. Словно ее ждал какой-то неприятный сюрприз. Чем старше она становилась, тем меньше приятных сюрпризов встречалось в ее жизни.

– Ну да... Я ведь чувствую себя лучше. – С легким беспокойством Рикке накрыла ладонью свой левый глаз: прохладный и слегка влажный, в точности как другой. – То, что ты со мной сделала, помогло.

– Я окружила твой Долгий Взгляд рунами. Рунами, способными его запереть.

– Запереть, вот как? Это здорово!

С момента пробуждения ее не посещали ни видения прошлого, ни призраки будущего. Мир казался более обыкновенным, чем когда-либо со времени поединка, когда она силой заставила свой Долгий Взгляд раскрыться. (Не считая, конечно, того, что она стояла по колено в заколдованном озере рядом с женщиной, вернувшейся из страны мертвых, для которой плоскоголовые готовили завтрак.) Рикке глубоко вдохнула, расправила грудь и выпустила воздух.

– Со мной все хорошо!

– До поры до времени.

Рикке почувствовала, как у нее опускаются плечи.

– Мне снова станет хуже?

– Когда руны сотрутся, тебе снова станет хуже – а потом еще хуже, чем прежде. Мы должны нарисовать их так, чтобы они не стерлись. Мы должны вытатуировать их на твоей коже иглой из вороньей кости, чтобы заковать Долгий Взгляд до тех пор, пока ты жива.

Рикке воззрилась на нее:

– Я думала, это демон, рвущий все цепи?

– И тем не менее мы должны его заковать. Одиннадцать стражей, и одиннадцать перевернутых стражей, и одиннадцать раз по одиннадцать. Замок, достаточно крепкий, чтобы запереть врата самого ада!

– Такая штука... не уверена, что это то, что я хочу носить на своем лице.

– Тебе надо поесть. А потом тебе надо отдохнуть. И еще тебе необходимо пить побольше воды.

– Воды-то зачем?

– Пить много воды всегда необходимо. Татуировка займет несколько дней. Для тебя этот процесс будет выматывающим, и еще больше – для меня.

Рикке смотрела на дымок от костра, тянувшийся над озером, поглаживая свою щеку кончиками пальцев. Она подумала о горцах, а также о тех ублюдках из-за Кринны, что раскрашивают свои лица синим, и горестно вздохнула, по-лошадиному захлопав губами.

– То есть без татуировок на лице никак не обойтись?

– Для тебя вообще никогда не было обходных путей. – Кауриб пожала плечами. – Нет, ты, конечно, могла бы просто оставить все как есть и позволить своим видениям становиться все безумнее и безумнее, пока они не затянут тебя во тьму и твой ум не разлетится на миллион визжащих кусочков. Это избавило бы меня от лишней работы.

– Спасибо, что оставляешь мне выбор. – Рикке вдруг почувствовала, что готова расплатиться. Ей пришлось несколько раз сильно шмыгнуть носом, чтобы прийти в себя. Однако лучше сделать то, что должен, чем жить в страхе перед этим, и все такое прочее. – Наверное, я тогда лучше соглашусь на татуировки. Раз уж без них это никак не исправить.

Ведьма раздраженно зашипела:

– Ничто никогда нельзя *исправить*! С самого момента своего рождения или сотворения все в этом мире неизбежно умирает, разлагается, распадается, превращается в хаос!

– Я бы предпочла, чтобы в нашем разговоре было чуток поменьше философствований и хотя бы парочка настоящих ответов, если ты не против.

– Разуй глаза, девочка! Если бы у меня были ответы, неужели бы я стояла здесь в этом холодном озере, с черепом, скрепленным проволокой?

И ведьма подобрала юбки и побрела обратно к берегу, оставив Рикке стоять по колено в ледяной воде, напуганную и дрожащую.

– Ах да! – крикнула Кауриб, повернувшись к ней. – И если ты соберешься поспать, не забудь отойти подальше от пещеры!

Королевское правосудие

– Я лично говорил с королем и имел с ним длительную беседу. – Ишер раскинулся на передней скамье так, словно был у себя в гостиной. – Орсо во всех отношениях сын своего отца.

– Не слишком сообразительный и очень легко управляемый, – подхватил Барезин, по-видимому, не смущаясь тем, что их могут услышать: Круг лордов был полон народу.

Такое открытое выражение пренебрежительного отношения не к одному, но сразу к двум королям показалось Лео немного нелояльным – тем более здесь, в самом сердце правительства страны, в преддверии суда, на котором будет решаться вопрос человеческой жизни. Его матери бы совсем не понравилось, если бы она это услышала. С другой стороны, человек рано или поздно должен перестать думать только о том, чтобы мать была довольна.

– В прошлом году под Вальбеком кронпринц Орсо руководил экстренным повешением двухсот предполагаемых революционеров, – сообщил Ишер. – Без суда и следствия.

– Виселицы с их телами использовали для украшения дороги в Адую. – Барезин высунул язык, изображая висельника. – В качестве предостережения для простого люда.

– А теперь они хотят проделать то же самое с членом Открытого совета!

– В качестве предостережения для знати, очевидно.

Хайген наклонился к ним:

– Должно быть, он унаследовал милосердие своей матери, помимо мозгов, доставшихся ему от отца.

– Он несомненно унаследовал ее слабость к женскому полу! – Громкий шепот Барезина едва ли мог скрыть его явное удовольствие.

– Во имя мертвых! – выдохнул Лео. Ни любовные предпочтения вдовствующей королевы, ни жестокость короля совсем не казались ему поводом для веселья.

Ишер тряхнул своей тщательно расчесанной гривой белых волос.

– Если так пойдет и дальше, даже лучшие из нас не смогут чувствовать себя в безопасности!

– Именно лучшим грозит наибольшая опасность, – поддакнул Хайген.

Барезин согласно хмыкнул:

– Черт возьми, у Веттерланта не было ни единого шанса. Готов поспорить, что они не предоставят никаких доказательств.

– Но... *зачем?* – спросил Лео, пытаясь отыскать на твердой скамье такую позицию, при которой нога не очень бы его донимала.

– У Веттерланта нет наследников, – ответил Ишер. – Так что все его имения будут конфискованы, и их загребет под себя корона. Вот увидите.

Лео недоверчиво воззрился на витражи в окнах, изображавшие наиболее прославленные моменты в истории Союза. Гарод Великий, объединяющий три государства Миддерланда, то есть Срединных земель. Арнольт Справедливый, свергающий тиранию. Казамир Стойкий, приносящий закон в беззаконную Инглию. Открытый совет, возводящий на трон короля Джезаля и объединяющий людей за его спиной, чтобы дать отпор гуркам. Славное наследие, о котором некогда любил говорить его отец. Неужели коррупция действительно могла проникнуть так глубоко?

– Они не посмеют, – выдохнул он. – Перед лицом всего Открытого совета?

– Нужно быть смелым человеком, чтобы ставить на то, что посмеет, а что не посмеет сделать Костлявый, – сказал Ишер.

Оповеститель стукнул жезлом в пол, призывая собрание к порядку.

* * *

– Господа и дамы, призываю вас преклонить колени, чтобы приветствовать его императорское высочество...

Голос оповестителя гулко доносился сквозь золоченые двери в душный полумрак вестибюля. Орсо засунул палец за врезающийся воротник, пытаясь впустить немного воздуха. Чертовы регалии не давали ему дышать – во всех возможных смыслах.

– ...короля Инглии, Старикланда и Срединных земель, протектора Вестпорта и Уффриса...

Орсо подвигал на голове корону, которая имела значительный вес, прилаживая ее поудобнее. Учитывая, сколько часов королевские ювелиры провели за измерениями его черепа, можно было бы надеяться, что они сумеют подогнать чертову штуковину по размеру! Возможно, его голова просто не годилась для короны, по форме или почему-либо еще. Без сомнения, многие придерживались именно такого мнения.

– ...его августейшее величество Орсо Первого, высокого короля Союза!

Тяжелые двери поехали в стороны, и щелка света между ними начала понемногу расширяться. Орсо расправил плечи, придав себе, как он надеялся, царственную осанку, размазал по лицу улыбку, понял, что в данном случае она абсолютно неуместна, поспешно сменил ее торжественно-насупленной миной и шагнул вперед.

Разумеется, это было далеко не первое его посещение Круга лордов. Он помнил легкую скуку, которую испытывал, когда отец приводил его, чтобы показать строящееся здание, потом довольно сильное впечатление, когда тот показал ему здание практически завершенным, а затем невероятную скуку, когда его отец председательствовал здесь на первом собрании Открытого совета.

Но Орсо ни разу не доводилось видеть это место в таком ракурсе – как, должно быть, видит театр вышедший на сцену актер. А точнее, в его случае – плохо подготовившийся дублер, которого внезапно вызвали выступать перед враждебно настроенными критиками. Скамьи амфитеатра наполнились лордами и их представителями – сплошь тяжелые меха, тяжелые взгляды и тяжелые парадные цепи, знак их высокой должности. В первоначальном Круге лордов, том, который разрушил Байяз, имелась только одна галерея для простой публики. Архитекторы, строившие здание ему на замену, очевидно, решили, что этого недостаточно, чтобы внушить выступающему надлежащее чувство благоговейного страха, и добавили сверху еще одну. Сейчас обе были по самые перила набиты ярко разодетыми зрителями, пускающими слюни от предвкушения лакомого зрелища – гибели незнакомого человека.

Здесь вполне могла находиться тысяча человек. Здесь вполне могло быть и больше. Все, конечно же, преклоняли колени или склонялись в реверансе – но союзная аристократия умела преклонять колени и излучать презрение в одно и то же время. Они практиковались в этом веками.

– Кровь и ад, – пробормотал Орсо себе под нос.

Он мог бы поклясться, что посредством какой-то магии здешней акустики его слова разнеслись по всему огромному помещению, вернувшись эхом обратно к его ушам, пока он шаркал через пустынное, вымощенное мозаичной плиткой пространство к высокому столу, волоча за собой тяжеленный плащ из золотой парчи.

«Кровь и ад... кровь и ад... кровь и ад...»

Орсо вздрогнул, ощутив на своей шее чье-то прикосновение, – но это был всего лишь Горст, протянувший руки, чтобы расстегнуть золотую пряжку. Он снял с него королевское облачение, в то время как один из легиона лакеев избавил его от тяжести короны. Орсо не был уверен, что знает имя этого человека. Он не был уверен даже, что у того *есть* имя.

«Кровь и ад... кровь и ад... кровь и ад...»

Откашливаясь, Орсо опустился в огромное позолоченное кресло и на мгновение запаниковал, усомнившись, не следовало ли ему сесть где-нибудь в другом месте, потом напомнил себе, что, как бы невероятно это ни звучало, он – король. А значит, самое большое кресло – его.

– Прошу подняться! – взревел оповеститель, заставив его вздрогнуть.

По полукругу скамей прошла шуршащая волна: лорды рассаживались по местам. Тут же началось глухое бормотание, бурчание, перешептывание, когда они принялись обсуждать предстоящее мероприятие. Писцы взгромоздили по обоим краям стола невероятных размеров гроссбухи и с гулким стуком их распахнули. Верховный судья Брюкель уселся с одной стороны от Орсо, с другой подкатали кресло с архилектором Глоктой. Тот окинул толпу собравшихся подозрительным взглядом.

– Что это там Ишер затеял? – пробормотал он.

Будучи представителем одного из старейших и знатнейших миддерландских родов, он должен был занять место посередине переднего ряда, но вместо этого предпочел переместиться направо, где расположились представители Инглии. Он что-то нашептывал на ухо Лео дан Броку, сидевшему с несчастным видом.

Брюкель поднял разлетистые брови:

– Ишер и Брок? Добрые друзья?

– Или заговорщики, – буркнул Глокта.

Он кивнул оповестителю, который поднял свой жезл и с силой ударил в пол, наполнив зал перекрывающимися отзвуками.

– Я призываю это собрание Открытого совета Союза... – оповеститель подержал паузу, дожидаясь, пока шум постепенно утихнет, сменившись многозначительной тишиной, – ...к порядку!

– Доброе утро, господа и дамы! – начал Орсо с улыбкой, скорее подходившей для обвиняемого, пытающегося подольститься к судье, чем для самого судьи. – Мне выпала честь председательствовать на этом собрании. Сегодня у нас на повестке дня только одно дело...

– Ваше величество, если позволите?

– Открытый совет предоставляет слово Федору дан Ишеру! – прогремел оповеститель.

Меньше всего Орсо хотелось, чтобы его прерывали на первых словах, но, если он хотел сегодня показать себя великодушным и снисходительным, это следовало делать с самого начала. В конце концов, возможно, что это тоже входило в план Ишера по воссоединению монарха со знатью.

– Разумеется. Продолжайте, лорд Ишер.

Ишер спрыгнул со скамьи и не спеша прошел вперед по мозаичному полу, словно человек, вылезший из любимого кресла, чтобы пошевелить огонь в камине. Эхо от его начищенных до блеска ботинок зашелокало под огромным куполом наверху.

– Прежде чем мы приступим к сегодняшнему... печальному делу, я надеюсь, что мои глубокоуважаемые коллеги из Открытого совета согласятся разделить со мной мгновение более радостного свойства.

– Как же этот ублюдок любит звук собственного голоса, – вполголоса буркнул Глокта, наклонившись к Орсо.

– Мне бы хотелось поздравить одного из наиболее прославленных наших сотоварищей, его светлость Леонольта дан Брока, лорда-губернатора и, если мне будет позволено сказать, несомненного спасителя Инглии... с его предстоящей свадьбой!

По Кругу лордов раскатился возбужденный гул. И то сказать, во всем Земном Круге нашлось бы не так уж много более завидных женихов! Может быть, король Яппо мон Рогонт Меркатто Стирийский – хотя поговаривали, что он, выражаясь иносказательно, предпочитает ножнам клинки. Может быть, сам Орсо – хотя надо признать, что его романтическая репутация

была далеко не блестящей. Но в любом случае молодой и отважный лорд-губернатор Инглии находился в самом верху списка желаемых кандидатов для любой амбициозной молодой аристократки. Орсо, поскольку его мать находилась в непрестанном поиске подходящих невест, был более чем близко знаком с подобными реестрами. Он рассеянно подумал о том, которой из них удалось сорвать этот куш.

– И счастливой невестой станет...

Ишер указал на нижнюю из галерей для публики. Лорды принялись выворачивать шеи, ерзая на своих скамьях, чтобы посмотреть наверх. И там, возле самого ограждения, сидела она. Было невозможно не узнать эту величавую осанку, эту изящную позу, непринужденно-горделивый вид. Орсо мог бы поклясться, что она смотрела прямо на него – но, возможно, ему просто отчаянно этого хотелось.

– ...леди Савин дан Глокта!

Это не было похоже на удар ножом в сердце. Это было нечто гораздо более постепенное. Сперва – странное оцепенение. Наверняка здесь какая-то ошибка? Затем, когда послышались первые хлопки, – нарастающее осознание, от которого веяло могильным холодом. Как будто на его грудь наваливали одну за другой огромные каменные глыбы.

Ее отказ не оставлял места для сомнений, но до этого момента Орсо не отдавал себе отчета, как сильно он все же надеялся. Так выброшенный на остров моряк надеется увидеть в море корабль. Теперь даже такому далекому от реальности человеку, как он, вдруг стало ясно: надежды больше нет.

Зал наполнился громом аплодисментов. Верховный судья, перегнувшись через него, поздравлял архитектора. Орсо понял, что и сам тоже хлопает. Точнее, соприкасает безжизненные ладони, почти не издавая звука. Хлопает на собственных похоронах. Впереди, в первом ряду, лорды сгрудились вокруг смущенного Лео дан Брока, чтобы по очереди потрепать его по спине.

Орсо знал, что у него нет никаких оснований. Да, когда-то у них была интрижка, достаточно несерьезная. Да, когда-то она дала ему кучу денег, а он круто изменил свой маршрут, чтобы прийти к ней на помощь. Почему-то он убедил себя, что они любят друг друга, и она решительно избавила его от этой иллюзии. В самом деле, для него не могло явиться таким уж сюрпризом, что она избрала кого-то другого.

Так почему же он чувствовал себя так жестоко преданным?

* * *

Это был несомненный триумф.

Одним искусным ходом Савин катапультировала себя обратно на самую вершину неизменно проседающей мусорной кучи, которую представляло собой союзное общество. Все те, кто посматривал на нее свысока с самодовольным презрением, с лицемерной снисходительностью, даже с невыносимой жалостью; все те, кто списал ее со счетов как ту, чьи победы уже в прошлом, – все они теперь глазели на нее разинув рот, онемев от зависти. Возможно, они никогда не опустятся перед ней на колени, шепча «ваше августейшее величество», но им поневоле придется кланяться и говорить ей «ваша светлость».

В адуанских салонах дамы будут удивляться, как Савин дан Глокте, уже миновавшей расцвет своего брачного возраста, удалось залучить в свои сети Молодого Льва, и шепотом пересказывать друг другу сплетни такого рода, которые распространяют только о людях слишком значительных, чтобы их игнорировать.

Это был триумф – и после всех несчастий, поражений и превратностей судьбы, не упоминая об угрожавших ее жизни кошмарах, нескольких предыдущих месяцев она отчаянно в нем нуждалась. Ей полагалось бы купаться во всеобщем внимании. Наслаждаться завистью своих

многочисленных врагов. Позволить миру увидеть хотя бы намек на ее прежнюю самодовольную усмешку, наполовину прикрытую веером.

Однако ей отнюдь не понравилось то, как было сделано объявление. Она предполагала, что ее помолвка будет встречена Орсо с полнейшим безразличием, но интенсивность взгляда, которым он на нее смотрел, говорила совсем о других чувствах. Она жалела, что не смогла каким-либо образом дать ему знать заранее. Кроме того, она не испытывала равным счетом никакого доверия к самозваному огласителю: лорд Ишер уж слишком купался в собственном самодовольстве, слишком дружелюбно вел себя с ее будущим мужем и слишком рвался разделить с ними торжество собственной свадьбы. Когда он улыбнулся ей снизу и отвесил изысканный поклон, Савин подумала, что этот человек вряд ли склонен отдавать что-либо, что считает своим.

Кроме того, через несколько сидений от нее располагалась леди Веттерлант, взиравшая на Савин с нескрываемой ненавистью. Очевидно, не для всех этот день был счастливым.

Но все же это был триумф. И будь она проклята, если по меньшей мере не будет *выглядеть* так, словно наслаждается им!

Так что Савин, игнорируя леди Веттерлант и изображая девическую невинность, одарила завистливую толпу лучезарной улыбкой и послала воздушный поцелуй своему смущенному жениху, думая о том, что, черт возьми, мог затевать этот змей Ишер.

* * *

– Вы уверены, что хотите продолжать, ваше величество? – вполголоса спросил Глокта. – Мы могли бы отложить разбирательство.

– Отсрочить, – вставил Брюкель с другого бока. – *Всегда* популярно!

По мере того как пожелания счастья новобрачным года понемногу стихали, Орсо изо всех сил постарался отвлечься мыслями от Савин, вернувшись к неотложному делу сегодняшнего дня. Его ожидали триста с лишним самых могущественных и привилегированных дворян страны, привыкшие видеть в короле и Закрытом совете своих естественных противников.

Если Ишер и наполнил Круг лордов друзьями, они чрезвычайно умело скрывали свои теплые чувства к Орсо. Но если он сейчас отложит заседание, то покажет себя трусом и слюнтяем и подтвердит все то худшее, что о нем говорили. Все то худшее, что он сам о себе думал.

– Все уже подготовлено, – буркнул он. – Давайте покончим с этим делом.

Сейчас Веттерлант сознается и попросит смягчить наказание, и Орсо предоставит ему пожизненное заключение, в результате чего будет выглядеть одновременно милостивым и компетентным правителем. Старые распри будут забыты, и Союз сделает коллективный шаг к более благоразумной политике, как и обещал ему Ишер.

– Ввести заключенного! – рявкнул Глокта.

Боковая дверь с гулким стуком распахнулась. Послышался шорох: лорды и их доверенные лица поворачивались в ту сторону, люди на обеих галереях для публики свешивались через перила с опасностью выпасть, только чтобы поскорее увидеть преступника. В зале воцарилась тишина. Потом – шарканье, звяканье, стук, и Федор дан Веттерлант показался из темноты.

Вначале Орсо едва его узнал. Веттерлант расстался со своими пышными одеяниями и облачился в покаянную мешковину. Он сбрил свои локоны, что придало ему изнуренный и голодный вид. С одной стороны его лица виднелись крупные кровоподтеки, покрытые еще не подсыхшими корочками струпьев. Цепи на нем были самые легкие, но он будто специально шел так, чтобы они гремели как можно громче. Изнеженный хлыщ, с которым разговаривал Орсо в Допросном доме, превратился в истязаемого мученика. При виде его послышался всеобщий вздох, а затем гневный вопль, донесшийся с галереи. Подняв голову, Орсо увидел леди Веттерлант, которая стояла у ограждения, белая от ярости. Под аккомпанемент все возраста-

ющего ропота лордов и еще более возбужденного гула простых наблюдателей ее сын зашаркал через зал.

– Что за *дерьмо*? – прошипел Орсо сквозь стиснутые зубы.

* * *

– Что я вам говорил? – прошептал Ишер на ухо Лео. – В следующий момент один из старых кровососов предоставит нам лживое признание, как будто это исчерпывает все дело. Вот увидите, что в наши дни называется королевским правосудием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.